

Г О Д
ИЗДАНИЯ
ТРЕТИЙ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Е
Ж
Е
М
Е
С
Я
Ч
И
К
Н
Ы
Й
Ж
У
Р
Н
А
Л

О Р Г А Н
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

№ 3

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

7-я

тип. Мособлполиграф
„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ“
Москва, Филипповский, 13.

Упол. главлита № Б—6547

С.-Э. (п.) № 207. Тир. 9.700.

Тех. ред. М. Рабинович

К. БУТАЕВ

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ НЭПА

Переходный период от капитализма к социализму как к первой базе коммунизма есть период революционного преобразования старой капиталистической экономики в новую социалистическую, следовательно период строительства социализма, социалистического накопления, расширенного воспроизводства социалистических отношений.

Социалистические отношения не вызревают «самотеком», автоматически из капиталистических, как вызревают капиталистические из феодально-крепостнических и мелкотоварных. «Буржуазная революция завершается обычно захватом власти, тогда как для пролетарской революции захват власти является лишь ее началом, причем власть используется как рычаг для перестройки старой экономики и организации новой»¹. «Для буржуазной революции, — говорит Ленин, — всегда вырастающей из феодализма, новые экономические организации постепенно создаются в недрах старого строя» (т. XV, с. 124).

Буржуазные производственные отношения таким образом возникают раньше, чем соответствующие им политические надстройки. Эти последние в свою очередь обеспечивают дальнейшее развитие и укрепление буржуазных производственных отношений, ибо буржуазная революция «в итоге создает товарное производство и усиливает рост капитализма» (там же).

Дело обстоит иначе с социалистическими отношениями и с социалистической революцией. Пролетарская революция готовых форм организации социалистической экономики и социалистических производственных отношений не застаёт. Она «этих отношений не получает готовыми, если не брать самых развитых форм капитализма, которые в сущности охватили только небольшие верхушки промышленности и совсем мало затронули еще земледелие» (там же, с. 125).

Это обстоятельство как исходный момент играет решающее значение для правильной постановки проблем социалистического строительства в переходный период, а следовательно для правильного понимания политики этого строительства. Строительство социализма — сознательный процесс. Это — борьба со старыми частнособственными, капиталистическими отношениями, борьба за уничтожение этих отношений, за ликвидацию классов и за постройку социалистической экономики. «Основная задача пролетарской революции сводится к тому, чтобы, захватив власть, построить новую социалистическую экономику»². Условия для создания социалистических отношений завоевываются, и последние в борьбе с капиталистическими тенденциями сознательно строятся. Социалистическая эко-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, 1926, с. 16.

² Там же.

номика не появляется на свет в порядке самотека как *deus ex machina*. Социалистические тенденции пролетариата в противоположность капиталистическим тенденциям всех непролетарских классов общества даются общественно-производственными условиями существования и развития этого класса, созданного капиталистической эксплуатацией и общественным, коллективным характером производства при капитализме. Эта тенденция предполагает сознательно организованное, а не анархически-автоматическое движение к социализму. Сама эта тенденция автоматически тоже не приводит рабочий класс к победе, но она рождает в этом классе волю к борьбе за социализм и является базой той активной политики, которую пролетариат развивает в период социалистической революции и благодаря которой осуществляет полное построение социалистического общества.

Борьба за преобразование капиталистической экономики в социалистическую предполагает таким образом правильный политический подход к задачам социалистического строительства, правильную политику с точки зрения интересов и стремлений пролетариата и учета экономических, а следовательно и классовых соотношений данной страны, в которой осуществляется переход к социализму. Политика пролетариата должна базироваться на конкретной экономике данной страны и в то же время давать ей такое направление развития, которое ведет к социалистической экономике. «Без правильного политического подхода к делу данный класс не удержит своего господства, а следовательно не сможет решить и своей производственной задачи»³. Правильный же политический подход к задачам строительства социализма на каждом отдельном этапе переходного периода предполагает правильный марксистско-ленинский анализ экономики и экономических отношений страны, ибо нельзя отделять политику и экономику друг от друга таким образом, чтобы рассматривать и то и другое отдельно как два самостоятельных отдельных фактора. «Политика есть концентрированное выражение экономики... Говорить (или хотя бы даже косвенно допускать мысль), что политический подход равноценен «хозяйственному», что можно брать «то и то», это значит забывать азбуку марксизма» (там же, с. 50). Стать на точку зрения двух самостоятельных факторов — политического и экономического — и проповедывать в подходе к задачам социалистического строительства эклектическое «соединение политического и хозяйственного подхода», как это делали Троцкий и т. Бухарин во время профсоюзной дискуссии в конце 1920 и в начале 1921 гг., это значит забыть марксизм и теоретически неверно определять отношение политики к экономике. Диалектическое соотношение между политикой и экономикой определается вышеприведенной ленинской формулой. По ее глубокому смыслу и содержанию «политика не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе — значит забывать азбуку марксизма» (там же, с. 50). Это положение нужно понимать не в том смысле, что политика, взятая сама по себе, «с одной стороны», без ее связи с экономикой есть первенствующий фактор наряду с экономикой, взятой тоже сама по себе, «с другой стороны», а в том смысле, что политика есть концентрированное выражение экономики и следовательно в политике дано диалектическое отношение экономики и политики. Нет вообще политики «с одной стороны» вне и без выражения

³ Ленин, т. XVIII, ч. 1, с. 51.

экономики. Всякая политика есть «отношение классов (Ленин). А классы определяются отношением к средствам производства, ролью, и местом в общественной организации труда, а следовательно способом получения доли общественного богатства. Благодаря различию места в общественном хозяйстве отдельная группа людей как класс может присваивать труд другой группы тоже как класса. Это важнейший признак классового деления общества. Политика каждой такой группы людей не может не выражать экономических основ ее существования и не может не стремиться к их укреплению и развитию. Следовательно всякая политика не может не выражать в себе экономики. Именно поэтому правильная политика партии пролетариата в период революционного преобразования капитализма в социализм является решающим фактором успешного осуществления задач построения социализма и не может не иметь «первенства над экономикой». Критерий правильности политики дается точным марксистско-ленинским анализом соотношений экономических и классовых сил и успехами ее в деле строительства социализма. Когда дело идет о ломке старых отношений производства и о создании новых социалистических, тогда концентрированное выражение той экономики, которая представляет собой известное сочетание, известное единство противоположностей старых и новых отношений, не только выражает то, что уже есть, но оно выражает и то, что должно быть в результате прохождения того или иного этапа развития в борьбе за социализм. Политика поэтому направляет движение экономики, а потому с точки зрения создания новой социалистической экономики она не может не иметь первенства. Политика есть концентрированное выражение экономики. Это положение не исключает, а предполагает, что политика пролетариата, приступившего к строительству социализма, имеет первенствующее значение при любых экономических следовательно и классовых условиях. Это ее значение особенно возрастает и ярко проявляется при таких условиях, какие мы имели в СССР в начале переходного периода. Мы имели налицо среднеразвитые экономические условия с преобладанием мелкого производства в земледелии, наличие среднеразвитой промышленности в стране, победу пролетариата, использование им государственной власти для вторжения в имущественные отношения с целью уничтожения старых капиталистических и создания новых социалистических отношений производства. Благодаря этой революционной ломке старых отношений, экономика страны изменялась, но не могла быть сразу прямым натиском лобовой атакой на капитализм изменена в сторону социалистической полностью, в силу преобладания мелкого производства в стране. При таком положении политика безусловно являлась первенствующим и решающим фактором в деле строительства социализма в том отношении, что она, выражая концентрированно создавшуюся и изменяющуюся благодаря революции экономику, в которой элементы новые прогрессивные социалистические сочетаются со старыми реакционными капиталистическими, должна была максимально гибкими поворотами направлять развитие экономики по руслу стремлений победившего и господствующего класса — пролетариата, а следовательно в сторону развития социализма.

Тупоумием, прямой изменой и предательством делу рабочего класса являются в силу этого неоспоримого положения вопли всех социал-предателей и оппортунистов о том, что введение социализма не-

возможно без высокого уровня развития производительных сил, которое должно быть достигнуто в условиях капиталистической экономики. А пока этого уровня нет — нечего братья пролетариату за оружие и завоевывать власть. Ленин саркастически высмеял эту раболепную идеологию социал-демократии в лице Суханова. «До бесконечия шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западноевропейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа у них, объективных экономических предпосылок для социализма... «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». С этим положением все герои II Интернационала, и в том числе конечно Суханов, носятся поистине как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячу ладов, и им кажется, что оно является решающим для оценки нашей революции... Что если полная безвыходность положения, удесятерив тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах... Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя двинуться догонять другие народы»⁴.

В этом несравнимом по глубине содержания положении Ленина дана конкретная расшифровка того значения политики, которое она имеет в деле социалистической реконструкции и социалистического развития производительных сил в такой отсталой стране, какой была наша в начале революции.

Политика как отношение классов может исчезнуть только после уничтожения классов. И решающим моментом в определении роли политики по отношению направления экономического развития является именно то, кто, какой класс является субъектом политики, кто ведет политику, в чьих руках находится власть в стране, и движение какого класса является той главной пружиной, которая направляет объективный ход исторического процесса. «Метод Маркса. — говорит Ленин, — состоит прежде всего в том, чтобы учесть объективное содержание исторического процесса в данный конкретный момент, в данной конкретной обстановке, чтобы прежде всего понять, движение какого класса является главной пружиной возможного прогресса в этой конкретной обстановке»⁵. Предательская и контрреволюционная сущность позиции социал-фашистов, в том числе и Сухановых, заключается между прочим в том, что они представляют политику капиталистам, оценивают объективный исторический процесс с точки зрения класса буржуазии, полагая, что именно движение класса буржуазии является главной пружиной прогресса. Между тем в эпоху империализма именно движение этого класса является главной пружиной регресса, застоя и мирового кризиса. Тем не менее социал-фашисты всеми средствами по-

⁴ Ленин, т. XXIII, изд. 3-е, с. 399--400.

⁵ Там же, с. 106.

могают этому классу в том отношении, чтобы он остался субъектом политики в стране, следовательно осуществлял политику как концентрированное выражение капиталистической экономики, и тем самым направлял объективный исторический процесс в эпоху империализма не на прогресс, а на застой, на кризис.

На основе имманентных и стихийных законов развития капиталистической экономики, а следовательно в условиях политики класса капиталистов, социализм автоматически не может вызреть. Социализм строится пролетариатом сознательно, а всякое сознательное строительство предполагает осознание до деталей содержания, направления и путей этого строительства, выраженных в политике пролетариата, строящего социализм.

Решающее значение политики при этом положении, в особенности в тех условиях, в которых мы находились и находимся, неоспоримо. Еще в 1919 г. Ленин говорил, что «с точки зрения основной экономической проблемы диктатуре пролетариата у нас обеспечена победа, победа коммунизма над капитализмом»⁶. «Основная экономическая сила,—говорил он дальше в 1922 г.,—все решающие крупные предприятия, железные дороги и т. д.—они все в наших руках... Экономическая сила в руках пролетарского государства России совершенно достаточна для того, чтобы обеспечить переход к коммунизму»⁷.

Но наряду с этим Ленин указывал, что «пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить. Каждый внимательно наблюдавший за жизнью деревни, в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве, и чтобы подорвать его, есть одно средство — перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства. Такой базой является только электричество. Коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны»⁸.

Таким образом наша экономика в начале нэпа представляла собой такое единство противоположных тенденций, которое включало в себе и возможность победы социализма, и возможность восстановления капитализма в нашей стране. Если стоять на точке зрения экономического фатализма, т. е. понимать объективный исторический процесс как продукт исключительно «самотечного» экономического развития на основе имманентных закономерностей самой экономики, безотносительно к роли политики направляющего это развитие класса, то из того состояния экономики СССР, какое мы имели в начале нэпа, можно было сделать различные выводы о путях ее дальнейшего движения, тем более, если к этому состоянию подходить не диалектически, а механически и метафизически. И такие различные выводы относительно судеб объективного исторического процесса у нас мы в сущности и имели. Мы имеем в виду троцкистскую «левую» и правооппортуни-

⁶ Ленин, т. XVI, с. 350.

⁷ Там же, т. XVIII, ч. 2, с. 39.

⁸ Там же, т. XVI, с. 427.

стическую теорию развития экономики СССР и их политические позиции в связи с этим. Из того факта, что в СССР была в начале нэпа «более прочная экономическая база для капитализма, чем для коммунизма», «левый» троцкистский уклон делал вывод о невозможности построения социализма в СССР без государственной помощи со стороны победившего западноевропейского пролетариата, о неизбежности раскола с крестьянством, о буржуазном перерождении диктатуры пролетариата и необходимости политики так наз. сверхиндустриализации за счет крестьянства. «Отсюда авантюризм в политике «левого» уклона. Отсюда «сверхчеловеческие» прыжки в политике»⁹. Такие прыжки и такой авантюризм в политике возможны только на базе эклектического понимания соотношения политики и экономики. Эклектическая позиция вообще характерна для мелкобуржуазных политиков. Мелкобуржуазная революционность отрывает политику от экономики. Отсюда ее бесхребетность, и авантюризм. «Левый» уклон не видел в нашей экономике возможности победы социализма. Он не видел того неоспоримого факта, что «экономическая сила в руках пролетарского государства России вполне достаточна для того, чтобы обеспечить переход к коммунизму». Он поэтому не мог понять нэпа как политики превращения этой возможности в действительность, ибо он эту политику не представлял себе как концентрированное выражение экономики страны и в то же время как политику победившего пролетариата в условиях отсталой страны и преобладания мелкого производства. Отсюда нэп для «левого» уклона — только отступление.

Для правого уклона характерен механистический подход, экономический фатализм в вопросах соотношения политики и экономики, забвение той «более прочной базы для капитализма» в СССР, о которой говорил Ленин, а следовательно недооценка возможности восстановления капитализма в СССР. Этот уклон в своей политической позиции базируется на том факте, что в СССР победа социализма — с точки зрения основной экономической проблемы — обеспечена, т. е. на возможности победы социализма, забывая при этом возможность восстановления капитализма. Отсюда теория «самотека» и «автоматического потухания» классовой борьбы. И для этого уклона характерно эклектическое понимание соотношения политики и экономики. Недаром Троцкий и т. Бухарин во время профсоюзной дискуссии выступали заодно со своим и «то и то», с требованием и «политического» и «хозяйственного» подхода к вопросам профсоюзной работы. Но если мелкобуржуазные радикалы в лице троцкистов из оценки экономического положения начала нэпа делали вывод в сторону фантастической политики «сверхиндустриализации», т. е. политики беспочвенного и авантюристического «перескакивания» через этапы и трудности революции, то мелкобуржуазные либералы в лице правоуклонистов делали и делают вывод о «гибельности» для революции активной политики по поднятию темпов индустриализации, ограничения и ликвидации капиталистических элементов страны, насаждения совхозов и колхозов. Экономический фатализм ведет к тезису о пассивности политики вообще. А эклектизм в понимании соотношения политики и экономики ведет к отры-

[⁹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 1930 г., с. 432.

ву политики от экономики и к отрицанию роли первой в преобразовании экономики страны. Отсюда вывод правых о неизбежности «вращения в социализм» мелких товарных производителей и даже кулаков на основе экономического самотека и о «вредности» для дела социализма активной политики в борьбе с кулачеством и за переделку мелкотоварного производства в крупное социалистическое. Отсюда нэп по теории правых — это такая политика пролетарского государства, которая автоматически сама по себе обеспечивает «вращение в социализм». Отсюда отрицание в нэпе моментов наступления как политики класса, революционно-пресбразующего старую экономику в новую — социалистическую.

Возможность победы социализма в СССР вытекала не только и не столько из одной той экономической силы, которая была в руках пролетарского государства. Она вытекала из всей совокупности системы пролетарской диктатуры, а на основе ее и из той возможности ликвидации базы капитализма, которую мы имели в СССР и которая давала нам средства и силы, необходимые для того, чтобы уничтожить, ликвидировать возможность восстановления капитализма. На этом именно и зиждется правильность тезиса Ленина о возможности построения в СССР полного социалистического общества... Мы можем уничтожить возможность восстановления капитализма, можем выкорчевать корни капитализма и добиться окончательной победы над капитализмом, если поведем усиленную работу по электрификации страны, если под промышленность, сельское хозяйство, транспорт подведем техническую базу современной крупной промышленности¹⁰.

Таким образом условием превращения возможности победы социализма в действительность была и является правильная политика, политика индустриализации, совхозного и колхозного строительства, политика ограничения и ликвидации кулачества как класса и вообще уничтожения классов и подведения высокой технической базы под все народное хозяйство страны.

Был ли нэп такой именно политикой? Нэп как политика пролетарского государства был и является концентрированным выражением экономики СССР на разных этапах социалистического строительства. В силу этого содержание нэпа как политики не могло и не может быть одинаковым, поскольку он выражал и выражает изменяющуюся реконструируемую экономику страны. Он выражал в первый период и ту социалистическую экономику, которая «диктатуре пролетариата обеспечивала победу, победу коммунизма над капитализмом», и ту экономику, которая составляла «более прочную экономическую базу» для капитализма, чем для коммунизма. Из этого вытекала его двойственность как политики пролетарского государства, т. е. господствующего в стране класса — пролетариата — субъекта нэпа. Движение рабочего класса как субъекта нэпа являлось и является главной пружиной прогресса, следовательно главным и основным содержанием нэпа. Нэп был политикой, «рассчитанной на допущение капитализма при наличии командных вы-

¹⁰ Сталин, Вопросы ленинизма, с. 428—429.

сот пролетарского государства, рассчитанной на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанной на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанной на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанной на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики»¹¹.

Нэп был введен для победы социализма над капитализмом. Это значит, что нэп как концентрированное выражение экономики страны не мог и не может иметь одно и то же содержание во все время существования и продолжения его. Нэп — обеспечение и осуществление перехода к социализму в условиях преобладания мелкого докапиталистического производства в стране. «И чтобы мы могли успешно решить задачу нашего непосредственного перехода к социализму, для этого надо понять какие посредствующие пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода докапиталистических отношений к социализму. В этом гвоздь»¹². И в этом сущность нэпа как политики обеспечения превращения возможности построения социалистической экономики в действительность, в реальность. Нэп допускает посредствующие пути и средства — это допущение известной свободы торговли и капитализма, допущение и обеспечение подъема мелкого производства в стране. Но нэп как политика пролетарского государства рассчитан на социалистическое преобразование мелкого сельского хозяйства страны и на превращение торговли через этап советской формы торговли в прямое социалистическое распределение. Нэп как посредствующий путь есть обеспечение союза рабочего класса с мелким крестьянством и допущение известного оживления капитализма, а следовательно и капиталистических элементов (кулачество, нэпманская буржуазия). Но нэп рассчитан на уничтожение классов, ибо нэп обеспечивает победу социализма над капитализмом, а социализм есть уничтожение классов путем преодоления нэпманской буржуазии, ликвидации кулачества как класса и путем переделки мелкокрестьянского класса через его колхозную переходную форму в категорию социалистических работников.

Это все означает, что нэп есть политика превращения возможности победы социализма в нашей стране в действительность путем известного отступления (посредствующие пути с допущением торговли, капитализма, роста классовых противоречий), подготовки к наступлению (наступление на участке социалистической промышленности, индустриализации и подготовка промышленной базы наступления на всех участках народного хозяйства, овладение товарооборотом путем обобществления по мере его оживления, ограничение и вытеснение капиталистических элементов по мере их оживления, подъема сельского хозяйства в форме мелкого индивидуального товарного хозяйства) и осуществления сплошного наступления по всему фронту, на всех участках народного хозяйства (социалистическая индустриализация и электрификация страны высокими ускоренными темпами, совхозное строительство, сплошная коллективизация мелких индивидуаль-

¹¹ Сталин, Заключительное слово на XVI съезде партии, Стеногр. отчет, с. 493.

¹² Ленин, т. XVIII, ч. 5, с. 221.

ных крестьянских хозяйств и ликвидация на ее основе кулачества как класса, вытеснение и преодоление городской нэпманской буржуазии, выкорчевывание корней капитализма и вступление в период социализма, завершение фундамента социалистической экономики, строгий учет и контроль над производством и распределением через хозрасчет в социалистических предприятиях и контроль рублем со стороны государства и уничтожение классов). Это все и есть политика нэпа на разных этапах социалистического строительства. А это означает реальное превращение возможности победы социализма в действительность. «Именно для того, чтобы эту возможность превратить в действительность, именно для этого Ленин и предлагает... электрификацию страны и подведение технической базы современной крупной промышленности под промышленность, сельское хозяйство и транспорт как условие для окончательной победы социализма»¹³. И именно поэтому в последний этап нэпа, который является уже периодом социализма, техника является основным звеном цепи для окончательной победы социализма, ибо «в реконструктивный период техника решает все» (Сталин).

К реальному превращению возможности победы социализма в действительность мы пришли не на основе стихийных законов развития экономики. К этому нас привела наша ленинская политика, политика нэпа, включающая в себя и политику индустриализации, и электрификации, и коллективизации, и политику уничтожения классов. Направляющее и решающее значение этой политики пролетариата по отношению экономического развития страны не может подлежать никакому сомнению. И в этом величайшее историческое значение нэпа. Политика нэпа — концентрированное выражение экономики страны на разных этапах. Но не только той, которая была и есть, но и той которая должна быть, когда субъектом этой политики является пролетариат и когда она в качестве своей основы концентрированно выражает не только несоциалистическую часть экономики страны, но главным образом и ту часть ее, которая является прообразом будущей экономики страны — ведущую часть ее — социалистический уклад и потребность — именно потребность — в ее укреплении, расширении и развитии, вплоть до ее окончательной победы. В этом основной и глубокий смысл и историческое значение нэпа.

**
*

Нэп — политика расширенного воспроизводства в стране пролетарской диктатуры. Но это положение в такой общей форме ничего еще не говорит о тех формах, в которых это расширенное воспроизводство протекает и должно протекать. Диалектика нэпа как политики в том и заключается, что она являлась и является формой движения тех противоречий, которые имелись и имеются еще и сейчас между различными секторами в народном хозяйстве СССР.

Нэп обеспечивал расширенное воспроизводство социалистического сектора, но наряду с этим и капиталистического и мелкотоварного крестьянского укладов. Нэп поставил таким образом проблему «кто — кого», кто кого опередит, кто кого победит, капитализм ли, кото-

¹³ Сталин, Вопросы ленинизма, с. 430.

рый мы допустили, или социализм, за который мы дрались и деремься и расширенное воспроизводство которого мы должны были обеспечивать в условиях нэпа. Опасности для дела социализма были велики в первый период нэпа, поскольку расширенное воспроизводство происходило не только в социалистическом секторе, но оно происходило и в мелкотоварном и в капиталистическом секторах, и поскольку само социалистическое воспроизводство осуществлялось в формах нэповского хозяйствования (рынок, цены, деньги, коммерческий расчет и т. д.). На этой опасности для дела социализма основывали свои чаяния и свои надежды на возрождение капитализма его трубадуры, его агенты, вредители, и все капиталистические элементы в стране. Нэп они расценили как возврат к «доброму» старому исконному капитализму и расшифровывали это трехбуквие как «национальная экономическая политика». «Для нас. — говорил смеловеховский трубадур Лежнев, — трехбуквие нэп расшифровывается — национальная экономическая политика. Разница оценок не мешает общности работы. Мы гребем в одну сторону, а куда приплывем — это будет там видно»¹⁴. «Гребли в одну сторону», но куда приплыли теперь к десятилетию нэпа? В сторону как раз противоположную той, которую ожидали Лежневы. А они ожидали, что «революционная Россия превращается по своему социальному существу в «буржуазную» собственническую страну»... «... Мужик — это в первую голову крестьянин-производитель, крепкий хозяйственный мужичок — становится единственным и действительным хозяином русской земли...» «Поскольку советское правительство отдает себе в нем (основном содержании нашего революционного процесса — К. Б.) отчет, оно остается у государственного руля. Логикой вещей оно будет и далее эволюционировать, из власти рабочей перерождаясь в правительство по существу своему «крестьянское»¹⁵. Так утешали себя остатки капиталистического класса в СССР. Ставка на нэп как на политику, объективно приводящую к кулацко-капиталистическому перерождению государства пролетарской диктатуры и к капиталистической эволюции всей экономики страны, — вот концентрированное выражение их надежд и их политической линии в первый период нэпа. Вредители из промпартии ТКП, и Союзного бюро меньшевиков, эти практики и «борцы» за капиталистическую реставрацию, возлагали все надежды на эту устряловскую «теорию перерождения». «Когда был объявлен нэп в 1921 г., инженеры были уверены, — говорил Калинин на суде, — что восстановление промышленности неизбежно приведет к восстановлению буржуазии»¹⁶. Это было основано на «надежде на перерождение советской власти под влиянием введения нэпа»¹⁷. И эта все единая линия капиталистических элементов страны: превратить нэп из политики пролетариата, рассчитанной на победу социализма в СССР и на уничтожение классов, следовательно всякой эксплуатации человека человеком, в политику капиталистического класса, рассчитанную на реставрацию капитализма, на сохранение и развитие классов и классовых противоречий, и следовательно на сохранение эксплуатации трудящихся масс. Нэп ст-

¹⁴ „Новая Россия“ № 2, с. 23.

¹⁵ Устрялов, Под знаком революции, с. с. 96, 122, 123 и 143.

¹⁶ „Показания Калинина“, „Правда“, 28/X 1930.

¹⁷ „Показания Рамзина“, „Правда“, 26/XI 1930.

лался бы такой политикой в том случае, если бы его субъектом сделался класс буржуазии или мелкой буржуазии. Он неминуемо сделался бы такой политикой в конечном счете и в том случае, если бы партия и пролетариат пошли по той линии, которую предлагали «левые» троцкисты и правая оппозиция. В результате их понимания нэпа и вытекающих из этого понимания различных политических позиций было бы в конечном счете неизбежно объективное превращение нэпа в такую политику, которая привела бы к возрождению и восстановлению капитализма, а не к укреплению и развитию социализма в ущерб капитализму. Экономика страны начала нэпа могла сделаться базой буржуазной политики, если бы только субъектом политики как концентрированным выражением экономики сделался класс буржуазии или даже мелкой буржуазии. И Ленин об этом ясно и трезво предупреждал партию. В кронштадтском и тамбовском восстаниях Ленин как раз видел реальную попытку буржуазии в союзе с мелкой буржуазией завоевать такое положение, при котором она могла бы стать субъектом политики и в своей политике выражать экономику страны под углом зрения именно своих классовых интересов. «Экономика весны 1921 г. правратилась в политику: «Кронштадт», говорил Ленин¹⁸. В недавно опубликованном конспекте доклада о нэпе он говорит «о крестьянской мелкобуржуазной контрреволюции. Такая контрреволюция стоит уже против нас».

Это ничего другого, не означало, как то, что мелкая буржуазия добивалась положения субъекта политики в стране... Величайшее историческое значение нэпа поэтому заключается в том, что этой политической пролетариат сохранил свое господствующее положение в стране, заключил экономический союз с крестьянством, что обеспечивало движение социалистической революции, отстоял себя как субъект политики, а следовательно обеспечил развитие экономики под влиянием такой политики, которая стремилась к укреплению и развитию социализма в ущерб капитализму. «Союз рабочих с крестьянством — α и ω советской власти, «необходимое и достаточное» условие ее прочности. Союз против Деникина и К^о — это, что этот же союз в экономическом строительстве. Первый — буржуазная революция. Второй — социалистическая революция»¹⁹.

Этот второй союз, который составлял сущность нэпа, был заключен для завершения социалистической революции. А это означало борьбу с капитализмом вплоть до его полного уничтожения. Но, с другой стороны, союз с крестьянством означал допущение развития мелкотоварного производства в стране на определенное время. Мелкотоварное производство — база капитализма, на ее основе капитализм существовал и возрождался в первый период нэпа. И задача нэпа как политики пролетарского государства в том и заключалась, чтобы подчинить и капиталистический рост в стране, и подъем мелкотоварного крестьянского хозяйства интересам социализма, сделать и капитализм, и мелкотоварное производство «пособником социализма». Это предполагало, что нэп, допуская свободу мелкотоварного развития и известное возрождение на его базе капитализма, должен

¹⁸ IV Ленинский сборник, с. 377.

¹⁹ Там же, с. 373.

был быть направлен против капитализма и против мелкобуржуазного развития страны.

Двойственность нэпа в том и заключалась, что он должен был, с одной стороны, допускать подъем производительных сил в мелкотоварной и даже капиталистической форме и, с другой стороны, ограничивать эти формы развития подчинением их социалистическому сектору, в первое время в форме государственного капитализма в пролетарском государстве, ограничением и вытеснением капиталистических элементов на том этапе нэпа, когда мелкотоварное хозяйство в земледелии оставалось еще базой советской власти в стране наряду с крупной социалистической промышленностью.

На новом же этапе нэп должен был ликвидировать капиталистические элементы прежде всего в деревне, когда началась на основе укрепления и развития социалистической промышленности социалистическая реконструкция мелкотоварного производства путем совхозного строительства и сплошной коллективизации. Нэп включал и включает в себя эти этапы социалистической реконструкции сельского хозяйства. В плане брошюры «О продовольственном налоге» в марте 1912 г. Ленин отмечал эти этапы. Он говорил в этом плане: «Пути перехода к социалистическому земледелию. Мелкий крестьянин, колхозы, электрификация»²⁰.

Перевод мелкотоварного производства в крупное колхозное предполагает борьбу — и борьбу за ликвидацию кулачества как класса, и борьбу против капиталистической тенденции развития мелкого крестьянства. «Мелкое производство никакими декретами перевести в крупное нельзя... Здесь нужно постепенно основывать социалистическое общество и развивать ходом событий неизбежность социализма. Эти элементы (средние крестьяне — К. Б.) никогда не станут социалистами по убеждению, прямыми настоящими социалистами. Они станут социалистами, когда увидят, что выхода нет»²¹.

Нэп должен был обеспечить именно переделку этих элементов в социалистов в борьбе за социализм. Вот это и составляло основное содержание нэпа как политики социалистической реконструкции народного хозяйства. Осуществление его немислимо было без беспощадной борьбы против капитализма и кулаков. «Лишь по мере победы пролетарского движения в деревнях, и не против помещиков вообще, а против кулаков, лишь по мере победы этого движения мы будем переходить систематически к коллективному общественному землевладению и общественной обработке земли»²².

Переход к социализму как к низшей фазе коммунизма совершается от конкретных капиталистических условий данной страны. «Коммунизм есть нечто развивающееся из капитализма»²³. Учение о развитии, основанное на материалистической диалектике, дает ясное представление о ступенях развития коммунизма из капитализма. Социализм — это первая ступень коммунизма, носящая на себе еще следы того капитализма, из которого он только что вышел в борьбе за свое существование и развитие. Этот социализм строится из того

²⁰ „IV Ленинский сборник“, с. 371

²¹ Ленин, т. XXIII, изд. 3-е, с. 319.

²² Там же, с. 320.

²³ Там же, т. XIV, ч. 1, с. 377.

капиталистического материала, который застаёт пролетарская революция в данной стране. «Без наследия капиталистической культуры нам не построить социализма. Не из чего строить коммунизм, кроме как из того, что нам оставил капитализм»²⁴. И поскольку так стоит вопрос, а иначе он не может стоять, если не предаваться утопиям, то в процессе строительства социализма приходится использовать «все и вся» для достижения цели и даже самих капиталистов. Пролетариат должен и может подчинить себе для этого строительства и старые и новые силы, использовать и старые и новые формы, ибо без этого вне данных реальных конкретных условий и без использования даже врагов создать коммунистическое общество руками одних только коммунистов — ребяческая идея, в особенности, когда эти коммунисты составляют в обществе весьма и весьма небольшую часть его в сравнении со всей массой населения. «Нам нужно строить сейчас практически, — говорил Ленин на VIII съезде партии в 1919 г., — и приходится руками наших врагов создавать коммунистическое общество. Это кажется противоречием, быть может даже неразрешимым противоречием, но на самом деле, только этим путем может быть разрешена задача коммунистического строительства» (т. XVI, с. 105).

Поскольку социализм может быть построен только из капиталистического наследия, поскольку естественно методы, формы и сроки построения социализма в разных странах не могут быть одинаковыми в зависимости от того уровня капиталистической материальной культуры, которого достигла та или иная страна. Экономика социалистической революции, — что означает экономику данной страны после захвата власти пролетариатом, — не может быть одинаковой в разных странах. Политика партии и пролетариата следовательно не может быть также одинаковой в этих странах. «Ни один социалист в мире не отрицал того, что создание коммунизма пойдет по-разному в странах крупного и в странах мелкого земледелия»²⁵. «Нет никакого сомнения в том, что период от капитализма к социализму мыслим в различных формах в зависимости от того, имеем ли мы в стране преобладание крупных капиталистических отношений или в ней преобладает мелкое хозяйство»²⁶. Не может быть поэтому такой политики строительства социализма в разных странах, которая была бы одинаковой по методам, формам и содержанию. В зависимости от классовой структуры переходного общества, от силы этих классов, от остроты борьбы их между собой и от успешности уничтожения классов, в зависимости от этого политика пролетариата не может не отличаться своеобразием в различных странах. Основные классы в разных странах будут после захвата власти пролетариатом в основном одними и теми же: это пролетариат, мелкая буржуазия (особенно крестьянство) и буржуазия. Но силы их в разных странах не могут быть одинаковыми в силу того, что разные страны находятся на разной ступени капиталистического развития. «В России диктатура пролетариата неизбежно должна отличаться некоторыми особенностями, по сравнению с передовыми странами, вследствие очень большой отсталости и мелкобуржуазности нашей страны. Но

²⁴ Ленин, т. XVI, с. 105.

²⁵ Там же, с. 146.

²⁶ Там же, т. XVIII, ч. 1, с. 151.

основные силы и основные формы общественного хозяйства в России те же, как и в любой капиталистической стране, так что особенности эти во всяком случае не могут касаться самого главного»²⁷.

Таким образом общая стратегическая линия политики не может не быть одинаковой. Это не исключает, а предполагает, в зависимости от своеобразия страны, от особых классовых отношений, от отсталости или развитости крупной промышленности и от наличия крупного земледелия или мелкого, особые, свойственные данной стране этапы политики пролетариата как политики строительства социализма.

Если в стране преобладает крупное производство и в промышленности и в земледелии (Англия, Германия), то при этом положении прямой непосредственный переход к социализму возможен. Следовательно политика этого перехода, политика строительства социализма не может не быть политикой непосредственного наступления социализма во всех участках народного хозяйства в такой форме, которую осуществляем мы теперь в нашей стране с конца 1929 г. — с года великого перелома, т. е. в форме последнего этапа нэпа. Это не говорит против нэпа в этих странах, но это говорит о том, что нэп там будет отличаться с самого начала такими чертами, какие мы имеем теперь в период наступления социализма по всему фронту. Если в стране преобладает мелкое производство, и наряду с этим мы имеем отсталую и разоренную промышленность (СССР в 1921 г.), то такая политика прямого перехода к социализму неосуществима без предварительных особых переходных мер, подготавливающих прямой переход к социализму, т. е. непосредственное наступление социализма по всему фронту. Политика пролетариата при этих условиях должна быть максимально гибкой. Мелкобуржуазная революционность тем и отличается между прочим от пролетарской, что первая всегда, очертя голову, применяет прямые революционные методы ломки старых отношений и в зависимости от неуспехов их впадает в уныние, ударяется в панику и сдает позиции буржуазии. Такие методы приводят только к гибели революции. Этим отличается и троцкистская «революционность». Отсюда и авантюризм и прыжки в неизвестность в политике.

Нэп как политика пролетарского государства, как политика строительства социализма была и есть такая политика, которая сочетает в себе приемы революционные с приемами «реформистскими», постепенными. В этом ее своеобразии и ее глубочайшие особенности. И этой особенности нэпа не поняли ни троцкисты, ни правые. Поэтому для первых нэп — «сдача революционных позиций и методов борьбы», для вторых — он путь «реформистский», постепенский для достижения полного социализма.

Нэп был рассчитан на то, чтобы сразу «не ломать старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а оживлять торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими, или получая возможность подвергать их государственному регулированию лишь в меру их оживления»²⁸. Это подход «реформистский» по сравнению с предыдущим — революционным. Но нэп был и

²⁷ Ленин, т. XVI, с. 348.

²⁸ Там же, т. XVIII, ч. 1, с. 410.

является политикой пролетариата, ломающего и преобразующего все старые отношения в отношения социалистические. Нэп поэтому был и есть политика ломки старого общественно-экономического уклада, политика социалистической переделки мелкого хозяйства, торговли, ликвидации капитализма и уничтожения классов. Следовательно нэп — революционная политика, т. е. такая политика, которая преобразует старое, ломает его в основном и коренном и создает на его место новое, социалистическое.

Нэп — политика использования до конца старых сил и старых капиталистических и мелкотоварных отношений, форм и методов хозяйствования в целях укрепления и развития социалистического сектора и полной победы социализма. Нэп — политика всемерного подчинения старых сил и старых форм экономики социализму, превращения их в средства и в пособия для успешного и ускоренного движения социализма. Рождение нового социалистического общества из старого капиталистического не может не происходить в муках родов. Не может он не расти и в старых формах на первом младенческом своем этапе развития. Нэп был и есть как раз такая политика, которая обеспечивает рост родившегося «младенца» в старых капиталистических пеленках, даже с некоторым питанием еще от соски старой капиталистической матери. Нэп — вскармливание этого «младенца» до момента его возмужалости, означающей смерть «родившей» матери — капитализма. Но нэп в то же время — политика создания новых отношений, новых форм хозяйствования, планового хозяйства, новой социалистической культуры и обеспечения для выросшего социализма имманентных форм хозяйствования.

Вот поэтому-то нэп — политика расширенного воспроизводства сперва в тех формах, которые она застаёт и которые не обеспечивали прямого перехода к социализму. Но нэп — такая политика, которая расширенное воспроизводство в капиталистической и мелкотоварной формах делает условием расширенного воспроизводства социалистического сектора с тем, чтобы по достижении преобладания последнего в народном хозяйстве закрыть каналы роста капитала посредством уничтожения капиталистических элементов в хозяйстве и социалистической переделки мелкотоварного производства — этой прочной базы капитализма. Нэп — в то же время политика подчинения социализму капиталистических форм хозяйствования: торговли, товарного обмена, денежной формы выражения общественного труда — имманентных капиталистических форм связи между предприятиями и капиталистических форм хозяйствования. Нэп — политика подчинения этих форм социалистическому сектору, а следовательно превращения их в формы и условия расширенного социалистического воспроизводства и окончательной победы социализма. Отсюда — хозрасчет как основной метод учета и управления социалистическими предприятиями в период нэпа. Отсюда — контроль рублем как основной метод контроля над производством, распределением и потреблением в период нэпа, в особенности в тот его этап, когда СССР вступал в период социализма. Отсюда — советская торговля, т. е. обмен продуктов между социалистическими предприятиями с денежной формой выражения общественного труда и с денежным опосредствованием их обмена — основная форма связи между предприятиями в условиях планового социалистического хозяйства в начальный период социализма.

**

*

Нэп — политика, рассчитанная на завершение построения фундамента социалистической экономики, на уничтожение классов и на построение социалистического общества. «Россия нэповская» должна стать непосредственно «Россией социалистической» не только в том смысле, что мы политикой нэпа на его последнем этапе должны завершить построение фундамента социалистической экономики, но и в том смысле, что мы на его последнем этапе должны завершить уничтожение классов в стране. Переходный период есть период построения социалистической экономики, уничтожения классов и построения социалистического общества. При полном социализме классов уже не будет. Начальным периодом социализма в СССР переходный период еще не кончается. Не кончается и политика нэпа. Она не кончается и завершением фундамента социалистической экономики. В начальный период социализма, в период наступления по всему фронту, по завершении построения фундамента социалистической экономики нэп сохраняется, но сохраняется как политика довершения построения всего богатого здания социализма, как политика уничтожения классов. Товарооборот и денежное обращение сохраняются еще и после постройки фундамента социализма. Но характер и роль их в хозяйственной жизни изменяются и не могут не измениться. Последний этап нэпа есть начальный период социализма. Вот это-то обстоятельство говорит о новой роли и новом значении нэповских форм хозяйствования социалистического строительства и социалистического наступления.

«Учет и контроль — вот главное, что требуется для налаживания, для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества»²⁹. Когда все граждане общества станут работниками одного единого социалистического хозяйства, когда будет осуществлено социалистическое распределение по труду, тогда строжайший учет и контроль будут условиями для правильного функционирования социалистического общества. Без них невозможно будет соблюдать меру работы и меру потребления. В социализме необходим «строжайший» контроль со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления³⁰. Но этот контроль будет осуществляться в других формах, чем должен быть осуществляем теперь в условиях первого периода социализма и существования нэпа. Именно потому, что мы вступили в период социализма, именно поэтому учет и контроль над мерой труда и мерой потребления, над мерой работы и участием в социалистическом строительстве стали перед нами как главные и решающие задачи успешного осуществления социалистического народнохозяйственного плана. Этот учет и контроль должны быть осуществляемы в условиях нэпа. Когда социалистические предприятия существуют и работают на основе хозрасчета, денежной формы количественного выражения общественного труда и советской формы торговли, тогда учет и контроль могут и должны быть осуществлены именно в условиях этих форм и отношений и методами товарно-денежных расчетов.

Отсюда хозрасчет является основным методом управления предприятием и ответственности за его правильное функционирование.

²⁹ Ленин, т. XIV, ч. 2, с. 379.

³⁰ Там же.

Хозрасчет как основной метод управления социалистическим предприятием при нэпе заменится при полном социализме другой формой руководства и управления предприятием. В начальный же период социализма, когда нэп еще существует, хозрасчет имеет свои особые черты и отличается также от того хозрасчета, который мы имели в первый период нэпа и который имел характер коммерческого расчета. При существовании денежной формы выражения общественного труда контроль рублем является основным методом контроля со стороны заказчика, потребителя и государства над выполнением предприятием своего производственного плана. «Тресты и предприятия на хозяйственном расчете основаны именно для того, чтобы они сами отвечали и притом всецело отвечали за безубыточность своих предприятий... Следить за этим должны ВСНХ, но еще более Наркомфин через Госбанк и через специальных инспекторов, ибо именно Наркомфин, не будучи заинтересованным непосредственно, обязан установить действительный, реальный контроль и проверку»³¹. При товарно-денежной форме отношений и связи между предприятиями контроль заказчика или потребителя всегда осуществляется с помощью денег — этого сгустка общественного труда и свидетельства на получение части общественного богатства. При свободной торговле такой контроль рублем производится со стороны потребителя через рынок. При плановой форме торговли, при государственном регулировании и планировании народного хозяйства такой контроль должен быть осуществляем в пределах установленного плана заказчиком и государством посредством договора между двумя хозяйственными предприятиями на сбыт и снабжение и посредством кредита со стороны Госбанка под выполнение этого договора. Кредит — могучий рычаг контроля рублем. Кредит не под план, а под реальное выполнение этого плана по количеству и качеству продукции, под выполнение договора по сбыту с условием акцепта заказчика и получателя продукции, — вот главнейшее орудие контроля и учета со стороны государства над мерой труда, выполнения плана и накопления реальных ценностей социалистическим предприятием.

Товарно-денежные отношения таким образом не ликвидируются в период социализма, но становятся в руках плановых и регулирующих органов государства средством осуществления строжайшего учета и контроля производственной работы каждого социалистического предприятия. Без этого контроля правильное функционирование социалистических предприятий в условиях нэпа, в период социализма немыслимо.

Оппортунисты всех оттенков и лагерей, а тем более социал-фашисты твердят, что упор на данном этапе на хозрасчет, на контроль рублем, на советскую торговлю есть не что иное, как «возврат» к первому периоду нэпа, к капиталистическим, по их мнению, отношениям и т. д. Они утверждают, что это «развертывание нэпа чуть» ли не тот неонэп, за который ратовали правые оппортунисты в «союзе» с вредителями и Устряловым. Такое злобное хихиканье ничего не доказывает кроме того неоспоримого факта, что социализм растет у нас буквально по дням и по часам, подчиняя себе все и всяческие формы движения вперед и реальные формы учета и контроля в начальный период социализма. Не развертывание нэпа имеем мы сейчас, а подчинение его

³¹ Письмо Ленина к т. Сокольникову от I/II 1922, „Правда“ от 21/III 1931 г.

условиям начального периода социализма в нашей стране. Нэп призван служить делу социализма. На разных этапах он эту службу несет по-разному в зависимости от конкретных условий роста социализма и классовых отношений в стране. Последний этап нэпа является начальным периодом социализма. Это и означает, что нэп, не отменяясь, должен перестроиться так, чтобы обеспечить необходимый учет и контроль над производством, над выполнением планов, над мерой труда, распределением продуктов и мерой потребления. В этом и заключается смысл той формы служения делу социализма со стороны нэпа, который осуществляется сейчас и будет еще осуществляться до тех пор, пока «Россия нэповская» не станет полностью «Россией социалистической». Тогда мы нэп отбросим. Мы перейдем к социалистическому учету и контролю в новой форме. Завершение фундамента социалистической экономики в 1931 г. и дальнейшее движение к полному социализму обеспечат нам эти новые формы учета и контроля. Период социализма в СССР, который начался в 1930 г., переходит в новую фазу в 1931 г. Завершение построения фундамента социалистической экономики приведет к построению полного бесклассового социалистического общества. Этот путь был обеспечен нэпом, обеспечивается теперь нэпом и будет обеспечен им же, если мы не будем забывать, что нэп — политика, рассчитанная на уничтожение классов и в конечном счете на построение социалистического общества.

К. ОСТРОВИТЯНОВ

ПЛАН И СТИХИЯ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ НЭПА *

Одной из основных черт нового этапа является абсолютно преобладающая роль планового начала во всем советском хозяйстве в целом. Новый этап бросает яркий свет и на прошлые этапы социалистического строительства. В свете нового этапа с особой яркостью вскрывается ошибочность и классовая подоплека идеалистических, механистических, право- и «лево»-оппортунистических концепций в области теории советского хозяйства.

Задачей настоящей статьи и является рассмотреть в свете нового этапа проблему плана и стихии в советском хозяйстве применительно к отдельным этапам нэпа.

Первый вопрос, какой перед нами встает, это вопрос вообще роли и существа плана в переходном хозяйстве. Эта роль с особой ясностью может быть вскрыта в сопоставлении с той ролью, которую играет в товарно-капиталистическом хозяйстве наиболее общий закон его движения — закон стоимости.

В условиях товарно-капиталистического хозяйства законом, управляющим движением капиталистической системы производственных отношений и обеспечивающим до поры до времени расширенное воспроизводство товарно-капиталистических отношений, является, выражаясь словами Маркса, «форма стоимости товаров». Благодаря стихийно-регулирующей роли закона стоимости в товарно-капиталистическом хозяйстве складываются такие пропорции в распределении труда и средств производства между отдельными отраслями, которые обеспечивают расширенное воспроизводство товарно-капиталистических отношений. Причем характернейшей чертой товарно-капиталистического хозяйства является противоречие между общественным характером производства и частным характером капиталистического присвоения.

Труд в товарном хозяйстве, будучи общественным с самого начала, еще в процессе производства непосредственно выступает как труд частный. Общественный характер труда, будучи таковым по существу еще в процессе производства, проявляется только в обмене.

«Так как производители, — говорит Маркс, — вступают в общественный контакт между собой лишь в обмене продуктами своего труда, то и специфически общественный характер их частных работ проявляется только в рамках... обмена».

Известная необходимая пропорциональность в распределении труда между отдельными отраслями товарно-капиталистического хозяйства, обеспечивающая его воспроизводство на расширенной основе, достигается только через постоянные нарушения этой пропорциональности.

---

* В порядке обсуждения вопроса.

«Различные сферы производства, — говорит Маркс, — постоянно стремятся к равновесию... Однако эта постоянная тенденция различных сфер производства к равновесию обнаруживается лишь как реакция против постоянного нарушения этого равновесия».

Закон стоимости, управляющий движением производственных отношений, тем самым управляет и воспроизводством этих отношений. Тем не менее это не дает нам никаких оснований отождествлять закон стоимости с законом воспроизводства.

Так уже простое воспроизводство, хотя оно по словам Маркса и «есть простое повторение процесса производства в неизменном масштабе, тем не менее этот простой факт повторяемости и непрерывности придает процессу новые черты или скорее устраняет видимость некоторых черт, которые кажутся присущими ему, если его рассматривать изолированно»¹. Тем более это надо сказать в отношении расширенного воспроизводства.

Основными законами капиталистического воспроизводства являются законы концентрации и централизации производства, сопровождаемые кризисами и обнищанием рабочего класса.

Что же мы имеем в советском хозяйстве?

В советском хозяйстве труд и средства производства должны быть распределены в таких пропорциях, чтобы обеспечить рост социалистических элементов, относительное и абсолютное падение капиталистических элементов и социалистическую переделку мелкотоварного сектора в крупное обобщественное хозяйство, ибо только в этом случае может быть осуществлено построение социализма в нашей стране.

Это в свою очередь требует, чтобы больше труда и средств производства затрачивалось на производство средств производства, составляющих основу индустриализации советского хозяйства, чем в отрасли легкой индустрии, чтобы было обеспечено все возрастающее снабжение сельского хозяйства и в особенности его социалистического, совхозного и колхозного секторов орудиями и средствами производства, чтобы наряду с этим было обеспечено все возрастающее обобществление труда в сельском хозяйстве на основе коллективизации и совхозного строительства, сопровождающееся вытеснением, ограничением и ликвидацией капиталистических элементов в сельском хозяйстве, чтобы мы создали, выражаясь словами Ленина, новую гораздо более высокую производительность труда, чем капитализм и т. д.

Но мало этого. Все это необходимо обеспечить в таких темпах, которые должны далеко превышать темпы развития капитализма и тем самым в кратчайший срок реализовать лозунг «догнать и перегнать» самые передовые капиталистические страны.

Все эти основные линии экономической политики советской власти диктуются исторической необходимостью построения социалистического общества, происходящего в обстановке ожесточенной классовой борьбы. Это есть законы необходимости, в такой же мере присущие развитию советского хозяйства, как капиталистическому хозяйству были присущи свойственные ему законы развития: концентрация и централизация, всеобщий закон капиталистического накопления и т. д.

¹ Маркс, Капитал, т. I, изд. 1929 г., с. 444.

«Либо смерть, либо догнать и перегнать передовые капиталистические страны» — так решительно сформулировал Ленин закон, определяющий темпы нашего развития, темпы социалистического строительства.

Все это предполагает иные пропорции в распределении труда, чем те, которые имели и имеют место в условиях капитализма, принципиально иной закон движения производственных отношений, иной способ проявления и осуществления всех закономерностей советского хозяйства.

При сохранении стоимостных законов движения производственных отношений не могут быть осуществлены указанные выше темпы нашего социалистического строительства.

Они осуществимы только при наличии сознательного планового руководства хозяйственными процессами, опирающегося при этом на социалистический сектор советского хозяйства.

План нельзя брать вне определенной системы производственных отношений.

Господство планового начала в его развернутом виде предполагает такую систему производственных отношений, в основе которых лежит общественная собственность на средства производства, следствием чего является организованный характер этих отношений в противоположность капиталистической анархии.

Под плановой системой хозяйства мы должны разуметь такую систему производственных отношений, движение и развитие которых регулируется через сознательную волю общества в противоположность анархической меновой системе производственных отношений, управляемой стихийными законами помимо, а часто вопреки сознательной воле общества.

Сознательное руководство движением производственных отношений отнюдь не означает отмены детерминизма, отмены законов объективной необходимости. Оно только означает, что эти законы, эта общественная необходимость осуществляют свое действие через сознательную волю человека. Общество заранее познает эти объективные закономерности, а затем сознательно из них исходит и их применяет в своей хозяйственной деятельности.

«Свобода в этой области, — говорит Маркс, — может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставя его под свой контроль, вместо того чтобы напротив он, как слепая сила, господствовал над ними, в том, что они совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях наиболее достойных и адекватных их человеческой природе. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое однако может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе»².

Отсюда вытекает и различная роль экономической политики в условиях капитализма и в условиях советского хозяйства. Никакое сознательное воздействие на стихийный ход развития капитализма со стороны буржуазного государства не может подняться на степень сознательного руководства развитием производственных отношений и производительных сил капиталистического хозяйства. Это относится

² Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, с. 291.

не только к буржуазии периода загнивания и распада капитализма, но и к буржуазии периода расцвета капитализма. Буржуазия в силу своей классовой ограниченности и заинтересованности не в состоянии понять объективных законов и тенденций капиталистического развития и вести такую экономическую политику, которая соответствовала бы объективным тенденциям капиталистического развития, неизбежно ведущим к низвержению капитализма и к диктатуре рабочего класса.

Только в условиях советского хозяйства мы все в возрастающей степени наблюдаем сознательное плановое руководство процессом социалистического строительства, принципиально иное проявление объективных закономерностей, проявление их все в возрастающей степени через сознательную волю пролетариата и его авангарда, коммунистической партии, строящей социализм.

При этом, само собой разумеется, поскольку мы еще наблюдаем в советском хозяйстве наличие неизжитых стихийных элементов, находящихся или существующих в своеобразном сочетании с плановым началом, в котором на первых этапах ведущая, а на последнем — абсолютно преобладающая роль принадлежит плановому началу, поскольку плановое руководство в советском хозяйстве сильно отличается от того сознательного плана нового руководства, которое мы будем иметь в развернутом социалистическом обществе, где стихийные элементы, порождаемые индивидуальным мелкотоварным крестьянским сектором и капиталистическими элементами, будут уже ликвидированы.

Советское хозяйство представляет собой переходную систему хозяйства — от капитализма к социализму. В силу этого наиболее характерной чертой советского хозяйства как переходного является сочетание, переплетение в нем различных социально-экономических укладов.

«Россия, говорил Ленин в своей знаменитой брошюре «О продналоге», — так велика и так пестра, что все эти различные типы социально-экономического уклада переплетаются в ней. Свообразие положения именно в этом».

Мы не можем разрешить ни одной проблемы советского хозяйства, исходя из отдельных секторов, а можем это сделать, только подходя к ним с точки зрения всего советского хозяйства в целом. Мы должны так же решительно подчеркнуть, что в основе единства советского хозяйства лежит на прежних этапах ведущая, а на новом абсолютно преобладающая роль социалистического сектора, образующая собою базу для пролетарской диктатуры. Вместе с тем было бы грубейшей ошибкой думать, что социалистический сектор, являясь базой планового руководства и воздействия на все другие секторы, сам в свою очередь не испытывает обратного влияния всех этих укладов и в частности стихии мелкого крестьянского земледелия, хотя это влияние и играет подчиненную роль и не может вырасти в закон движения советского хозяйства, ибо это означало бы развитие его не по социалистическому, а по капиталистическому пути.

Именно из этой связи и взаимодействия отдельных секторов, а так же из недостаточности организованности самого социалистического сектора и вытекает необходимость сохранения формы меновых отношений не только в секторе индивидуального мелкотоварного крестьянского хозяйства и не только во взаимоотношениях между различными секторами, но и внутри самого социалистического сектора,

Грубейшей ошибкой Преображенского и является игнорирование вот этого единства советского хозяйства, подход к изучению советского хозяйства с точки зрения отдельных секторов и механического вытеснения одним сектором другого.

С другой стороны, было бы не менее грубой ошибкой, подчеркивая единство, игнорировать те специфические, частью противоположные, частью антагонистические черты, которые присущи каждому сектору в отдельности, ошибкой, которую допускает Бухарин и которая его привела к теории вращающихся капиталистических элементов в социализм.

Таким образом мы должны подходить к советскому хозяйству как к единству противоположных и в известной своей части антагонистических элементов, к единству, в основе которого, как мы уже говорили, лежит ведущая, а на новом этапе абсолютная, преобладающая роль социалистического сектора.

Отсюда следует тот вывод, что плановое начало не может руководить распределением труда в советском хозяйстве и определять законы его движения вне учета стихийных моментов. Самое понятие стихии мы должны дифференцировать. С одной стороны, стихия в советском хозяйстве порождается сектором индивидуального мелко-товарного крестьянского хозяйства, а с другой — капиталистическими элементами. Было бы грубейшей ошибкой, ошибкой троцкистского типа, игнорировать различие между этими двумя источниками, порождающими стихию точно так же, как было бы грубейшей ошибкой недооценивать капиталистические тенденции простых товарных отношений крестьянского хозяйства. Между социалистическим сектором, являющимся базой планового начала в советском хозяйстве, и сектором простых товарных отношений крестьянского хозяйства мы имеем, с одной стороны, общность интересов, поскольку в условиях капитализма простое товарное хозяйство эксплуатируется капиталом и в своей массе обречено на разорение, пролетарская же диктатура открывает перед ним социалистический путь развития через коллективизацию, а с другой стороны, мы имеем противоречия, поскольку простое товарное хозяйство имеет тенденцию рождать и рождает капитализм.

«Итак мы имеем, — говорит т. Сталин, — во-первых, общность интересов пролетариата и крестьянства по вопросам коренным, их общую заинтересованность в торжестве социалистического пути развития народного хозяйства. Отсюда союз рабочего класса и крестьянства. Мы имеем, во-вторых, противоречия интересов рабочего класса и крестьянства по вопросам текущим. Отсюда борьба внутри этого союза, борьба, которая покрывается по своему удельному весу общностью интересов и которая должна исчезнуть в будущем, когда рабочие и крестьяне перестанут быть классами, когда они превратятся в труженников бесклассового общества. Мы имеем, в-третьих, средства и пути для разрешения этих противоречий между рабочим классом и крестьянством в рамках сохранения и укрепления союза рабочих и крестьян в интересах обоих союзников»³.

Таким образом природа мелкого производителя двойственна: с одной стороны, он труженник, подвергающийся отчаянной эксплуатации в условиях капитализма и в своей массе обреченный на пролетаризацию, с другой стороны, мелкий собственник, стремящийся пробиться к капиталистическим элементам. Первое обстоятельство при

³ Сталин. Вопросы ленинизма, с. 222,

соответствующей политике пролетариата, при соответствующем плановом экономическом воздействии облегчает ему вступление на путь коллективизации. Зато вторая черта его природы порождает капиталистические тенденции в простом товарном хозяйстве мелкого производителя. Далее стихия в советском хозяйстве порождается капиталистическим сектором, непримиримо враждебным всякому плану и социалистическому строительству.

Взаимотношения плана со стихией, поскольку речь идет о капиталистических элементах советского хозяйства, есть взаимоотношения борьбы, ограничения, вытеснения и ликвидации. Поскольку же речь идет о секторе простых товарных отношений мелкого производителя, по преимуществу крестьянина, постольку здесь мы имеем в основном взаимоотношения, которые не укладываются в рамки одной только борьбы. Тут есть и борьба, поскольку речь идет о капиталистических тенденциях простого товарного хозяйства, но в большей степени мы тут имеем овладение со стороны плана меновыми и производственными связями с мелкими производителями в целях переделки мелкого индивидуального производства в крупное коллективное.

План, выражая в себе сознательную волю пролетарского государства, строящего социализм, есть классовый план, отражающий борьбу пролетариата за социалистический путь развития бедняцко-средняцкого хозяйства против капиталистического пути.

Каким же образом достигается в советском хозяйстве такое распределение труда и средств производства, которое обеспечивает расширенное воспроизводство социалистических производственных отношений, обеспечивает его движение к социализму? Поскольку советское хозяйство является переходным от капитализма к социализму, постольку указанное распределение труда в нем не может достигаться исключительно планом без всякой связи и учета элементов стоимости, имеющих еще место в советском хозяйстве, и тем более не может достигаться законом стоимости. Было бы также грубейшей ошибкой сделать отсюда вывод о том, что оно управляется двумя различными законами: планом в части социалистического сектора и стоимостью в части мелкотоварного и капиталистического секторов. Эти секторы не ведут изолированного друг от друга существования, а связаны друг с другом, влияя друг на друга и образуют в этом смысле единство советского хозяйства в целом, в основе которого лежит ведущая, а на новом этапе абсолютная, преобладающая роль социалистического сектора. Не менее грубой ошибкой было бы понимать единство советского хозяйства механистически, в духе концепции «закона трудовых затрат» или пресловутого «двуединого регулятора».

Очевидно распределение труда в советском хозяйстве, если говорить об основных линиях его развития, отвлекаясь пока от отдельных этапов, может быть достигнуто планом в каком-то сочетании с элементами стоимости при руководящей роли плана.

Возникает вопрос: может ли при этих условиях быть достигнуто единство регулирования в советском хозяйстве? Может. Мы видели, что советское хозяйство является единым, несмотря на наличие противоположных и, в известной своей части, антагонистических секторов. Но это именно есть единство противоположностей. Поэтому, когда мы говорим, что распределение труда в советском хозяйстве на протяжении переходного периода достигается планом в сочетании со стоимостными элементами, то этим самым мы хотим сказать, что это есть единство противоположных и в известной мере антагонисти-

ческих элементов, в основе которого лежит руководящая роль плана, оказывающего влияние на все хозяйство в целом и на все его секторы, и определяющее движение советского хозяйства к социализму⁴.

Само собой разумеется, что при руководящем и определяющем значении плана не может быть речи о законе стоимости как законе, управляющем производственными отношениями советского хозяйства. Тем не менее элементы стоимости в советском хозяйстве несомненно имеются.

Причем сочетание планового начала со стоимостными элементами при руководящем значении плана — это есть наиболее характерная черта переходного периода, которая отличает его от социалистического хозяйства, где будет господствовать план, и от капитализма, где господствует закон стоимости.

Те общие выводы, к которым мы пришли, конечно должны значительно видоизмениться, поскольку речь будет идти о разных этапах нэпа.

Основным методологическим требованием при изучении советской экономики является необходимость подходить к каждому явлению с точки зрения отдельных этапов в переходном периоде.

Ленин с особой настойчивостью подчеркивал это еще в своей полемике против Бухарина и Троцкого в дискуссии о профсоюзах.

«Диалектическая логика требует, — говорит Ленин, — чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорил иногда Гегель), «изменении».

Диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна», как любил говорить вслед за Гегелем покойный Плеханов.

У Бухарина нет и тени попытки самостоятельно со своей точки зрения проанализировать... весь подход к вопросу, всю постановку — или, если хотите, все направление постановки — вопроса в данное время, при данных конкретных обстоятельствах... Он подходит без малейшего конкретного изучения, с голыми абстракциями...»

Ленин далее подчеркивает необходимость ко всякой проблеме подходить не с точки зрения голый абстракции, а исходя из специфических особенностей каждого отдельного этапа переходного периода.

«Анализируя текущий политический момент, мы могли бы сказать, что переживаем переходный период в переходном периоде. Вся диктатура пролетариата есть переходный период, но теперь мы имеем, так сказать, кучу новых переходных периодов».

«Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунизма вообще, — писал я в апреле 1918 г. в «Очередных задачах советской власти», — надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы

⁴ Тт. Бухарин и Коэн, которые правильно подчеркивали в борьбе с Преображенским единство советского хозяйства, не могли однако понять этого единства как единства противоположных и в известной степени антагонистических элементов. Бухарин не мог себе представить, что может быть единство между противоположными и, в известной своей части антагонистическими элементами, и потому пытался найти его на основе общих законов всякого производства, независимо от формы производственных отношений, законов, с помощью которых нельзя понять ни одной конкретной социально-экономической формации.

Что касается т. Кона, то его ошибка, от которой он теперь отказался, заключалась в том, что он в своей концепции «двуединого регулятора» пытался достигнуть единства регулирования советского хозяйства путем чисто механического объединения двух разных регуляторов под одной крышей цен;

удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену».

Поэтому нужно решительно отвергнуть всякие попытки найти одинаковое решение проблемы плана и стихии для всех этапов нэпа, что конечно отнюдь не исключает, а прямо предполагает наличие общих линий и тенденций развития. Проблема плана и стихии, отражая общую линию развития советского хозяйства как хозяйства строящегося социализма, вместе с тем приобретает настолько специфические черты на каждом этапе нэпа, что может быть правильно разрешена, только исходя из своеобразия каждого этапа.

Поэтому мы и должны перейти к рассмотрению проблемы плана и стихии применительно к отдельным этапам нэпа.

Военный коммунизм, сыгравший огромное значение в деле защиты пролетарской диктатуры, в то же время создал противоречие между интересами развития нашей государственной промышленности, требующей запасов хлеба, топлива и т. д., и крайне низким уровнем развития разоренных империалистической и гражданской войнами производительных сил крестьянского хозяйства, не обеспечивающим этих самых элементарных предпосылок для восстановления крупной промышленности.

Это противоречие в тот период было разрешено переходом к новой экономической политике.

Первый этап нэпа был периодом, когда основная задача заключалась в развитии производительных сил крестьянского хозяйства и мелкой промышленности методами «допущения оживления частной торговли, допущения оживления капитализма при обеспечении регулирующей роли государства» (Сталин), с тем чтобы создать продовольственную и сырьевую базу для развития национализированной крупной промышленности.

Этот период характеризуется в наибольшей степени развитием мелкоотварной и мелкобуржуазной стихии.

Задача экономической политики в первые годы нэпа, по словам Ленина, заключалась в том, чтобы «сомкнуться с крестьянской массой и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем» (Ленин).

Отсюда основное звено начальной стадии нэпа — торговля. «Торговля, — говорит Ленин, — вот то звено в исторической цепи событий в переходных формах нашего социалистического строительства 1921—1922 гг., за которое надо всеми силами ухватиться нам — пролетарской государственной власти, нам — руководящей коммунистической партии. Если мы теперь за это звено достаточно крепко ухватимся, мы всей цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка. А иначе нам всей цепью не овладеть, фундамента социалистических общественно-экономических отношений не создать»⁵.

Таким образом начальный период нэпа характеризуется «допущением оживления частной торговли и капитализма», а если подойти к этому с точки зрения интересующей нас проблемы, то это значит допущение оживления элементов стоимостного регулирования.

⁵ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, с. 409—414.

Однако это допущение ограничивается определенными рамками и регулируется сознательным воздействием пролетарского государства, которое, опираясь на политическую власть и экономические командные высоты, использует это оживление в целях создания условий, необходимых для развертывания социалистической индустрии, и не дает ему перерасти в капиталистический путь развития советского хозяйства.

Таким образом уже в первой стадии нэпа сознательное регулирующее воздействие со стороны пролетарского государства на советскую экономику имело в е д у щ е е значение, хотя это регулирующее воздействие по существу еще не было планированием в полном смысле слова, понимаемым как сознательное руководство хозяйственными процессами.

Нэп, как мы видели, был введен для того, чтобы «сомкнуться с крестьянской массой» и создать фундамент социалистической экономики. Поэтому неправильно рассматривать нэп, как это делали меньшевики, правые и троцкисты, только как отступление. Нэп был отступлением только в самой начальной его стадии. Уже через год после введения нэпа Ленин выдвинул лозунг приостановки отступления.

«Мы год отступали, — говорит Ленин, — мы должны теперь сказать от имени партии: достаточно. Та цель, которая отступлением преследовалась, она достигнута». Таким образом нэп предполагает не только отступление, но на известной стадии приостановку этого отступления и развертывание наступления.

Первая стадия нэпа привела к тому, что на основе оживления рыночных отношений, при регулировании их со стороны пролетарского государства, госпромышленность, получив хлеб и сырье, смогла начать свой восстановительный период. Восстановительный период характеризуется быстрым ростом социалистической промышленности и в частности ведущей ее части — тяжелой индустрии.

Тов. Сталин в своем докладе об итогах XIV конференции ВКП(б), подводя итоги развития нашего хозяйства за первые годы нэпа, прежде всего отмечает рост тяжелой индустрии и его значение для всего нашего хозяйства:

«... в смысле налаживания индустрии, представляющей основную базу социализма, мы вышли уже на широкую дорогу развития.

Что касается металлической индустрии, представляющей основную пружину всей индустрии вообще, то мертвая полоса осталась позади, и наша металлопромышленность имеет все основания идти в гору к полному расцвету»⁶...

Что касается сельского хозяйства, то тут главная задача заключалась в обеспечении смычки пролетариата с крестьянством, прежде всего по линии овладения рыночными связями с крестьянством. Отсюда в восстановительный период в центре экономической политики партии и советской власти стояли различные виды сельскохозяйственной, кредитной и потребительской кооперации, организующей крестьянство главным образом по линии товарооборота, по линии снабжения его орудиями и средствами производства, предметами потребления и сбыта производимой ими продукции.

«Необходимо кооперирование миллионных масс крестьянства, — говорит Сталин, — прежде всего по линии сельскохозяйственной и

⁶ Сталин, Вопросы ленинизма, с. 184.

кредитной кооперации как средство включения крестьянского хозяйства в общую систему социалистического строительства»⁷.

Что же касается совхозного строительства, а также различных форм производственного кооперирования в виде колхозов и коммун, то их удельный вес в сельском хозяйстве был сравнительно невелик. Они не были еще массовым явлением и объединяли главным образом бедняцкие элементы. Их значение заключалось в том, чтобы служить средством убеждения крестьян, примером, показывающим преимущества коллективного производства.

«В этой области (т. е. сельского хозяйства — К. О.), — говорит Сталин, — наши мероприятия проходят по трем линиям: по линии организации индивидуальных крестьянских хозяйств в кооперацию, по линии организации крестьянских хозяйств главным образом бедняцкого типа в производственные товарищества и наконец по линии охвата крестьянских хозяйств планирующими и регулирующими органами как со стороны сбыта крестьянской продукции, так и со стороны снабжения крестьянства необходимыми изделиями нашей индустрии»⁸.

Подъем индивидуального крестьянского хозяйства на его собственной мелкобуржуазной производственной основе не может не сопровождаться известным, если не относительным, то абсолютным ростом кулачества, не может не сопровождаться дифференциацией крестьянства.

Однако в условиях диктатуры пролетариата дифференциация крестьянства резко отличается от дифференциации в условиях капитализма.

«... у нас происходит не односторонний процесс восстановления капитализма, а двусторонний процесс развития капитализма и развития социализма, противоречивый процесс борьбы элементов социалистических с элементами капиталистическими, процесс преодоления элементов капиталистических элементами социалистическими.

Это одинаково неоспоримо как для города, где базой социализма является государственная промышленность, так и для деревни, где основной зацепкой социалистического развития является массовая кооперация, смыкаемая с социалистической промышленностью.

Дифференциация не может принять прежних размеров, середняк остается основной массой крестьянства, а кулак не может возыметь прежнюю силу хотя бы потому, что земля у нас национализирована, она изъята из обращения, а наша торговая, кредитная, налоговая и кооперативная политика направлена на то, чтобы ограничить эксплуататорские стремления кулачества, поднять благосостояние широчайших масс крестьянства и выравнять крайности в деревне. Я уже не говорю о том, что борьба с кулачеством идет у нас не только по старой линии организации бедноты против кулачества, но и по новой, по линии укрепления союза пролетариата и бедноты с середняцкими массами крестьянства против кулака»⁹.

Что же касается политики партии в тот период в отношении кулачества и вообще капиталистических элементов, то она сводилась к политике их ограничения и вытеснения.

В своей речи на пленуме ЦК ВКП(б) в конце 1929 г. Сталин говорил следующее: «... Мы буржуазию с ей час не уничтожаем, ... мы ее сейчас не конфискуем, а допускаем ее существование на известных условиях, т. е. при безусловном подчинении законам диктатуры пролетариата, т. е. при возрастающем ограничении капиталистов, имеющем

⁷ Сталин, Вопросы ленинизма, с. 208.

⁸ Там же, с. 421.

⁹ Там же, с. 325.

своей целью постепенное вытеснение их из народнохозяйственной жизни».

Восстановление крупной государственной промышленности, начавшееся на основе «допущения оживления торговли», т. е. известного допущения элементов стоимостного регулирования, по мере своего дальнейшего роста в свою очередь содействовало подъему сельского хозяйства, усиливая снабжение его средствами производства, а с другой стороны, требовало все большего подъема производительных сил индивидуального крестьянского хозяйства.

По мере роста крупной государственной социалистической индустрии, по мере подъема бедняцко-средняцкого хозяйства и овладения со стороны пролетарского государства рыночными связями с этим хозяйством создавались предпосылки для перехода от регулирования действующих в известных рамках стихийных законов к плановому воздействию на все советское хозяйство в целом.

В соответствии с этим в постановлениях XIII партийной конференции, происходившей в январе 1924 г., говорится следующее:

«В гораздо большей мере, чем до сих пор, партия должна научиться согласовывать (разрядка наша — К. О.) элементы государственного хозяйства в их взаимодействии как между собой, так и с рынком. Эта задача облегчается тем, что ныне мы достигли значительных успехов в создании основных предпосылок планового руководства, без которых планирование легко могло бы превратиться в бюрократическую утопию. Эти предпосылки успешного планирования заключаются: 1) в создании твердой валюты, 2) в организации кредита, 3) в накоплении материальных фондов, допускающих маневрирование, 4) в осуществлении и укреплении определенных форм организации хозяйства (тресты и т. д.), 5) в наличии ряда отдельных, построенных на основе опыта, планов, в первую очередь реальных бюджетных планов и т. д. Ближайшей обязанностью Госплана должно быть систематическое изучение текущей рыночной конъюнктуры и выработка основных мероприятий в целях воздействия на складывающиеся рыночные отношения».

Таким образом XIII партийная конференция охарактеризовала предшествующий ей период развития советской экономики как период, когда создавались предпосылки, необходимые для планирования, и определила задачу Госплана как задачу изучения рыночной конъюнктуры и выработки основных мероприятий в целях воздействия на складывающиеся рыночные отношения с тем, чтобы на этой основе перейти уже непосредственно к плановому руководству хозяйством.

Что же является наиболее характерной чертой взаимоотношения между планом и стихией в восстановительный период?

Рост социалистической промышленности все в возрастающей степени создает базу для овладения со стороны социалистического сектора рыночными связями с крестьянством по линии обобществления товарооборота.

Через этот обобществленный товарооборот осуществляется плановое воздействие со стороны пролетариата на мелкотоварный сектор в смысле содействия подъему производительных сил бедняцко-средняцкого крестьянского хозяйства и усиливающегося вытеснения и ограничения капиталистических элементов.

Отмечая господствующую роль в товарообороте кооперации и госторговли, т. Сталин следующим образом оценивает значение этого

факта для планового воздействия советского государства на крестьянское хозяйство:

«Это значит,— говорит он,— во-первых, что капиталист вытесняется из сферы товарооборота, промышленность смыкается с крестьянством непосредственно...

Это значит, во-вторых, что, изгоняя из товарооборота посредников-капиталистов, индустрия получает возможность вести за собой крестьянское хозяйство, влиять на него и подымать его культурность, рационализировать его и индустриализировать.

Это значит, в-третьих, что, смыкая сельское хозяйство с индустрией, государство получает возможность ввести плановое начало в развитие сельского хозяйства, снабжать его лучшими семенами и удобрениями, определять размеры его производства, влиять на него в смысле политики цен и т. д.

Это значит наконец, что создаются в деревне благоприятные условия для ликвидации капиталистических элементов, для дальнейшего ограничения и преодоления кулачества»¹⁰.

Итак, в связи с достигнутыми успехами в области восстановления промышленности и обобществления товарооборота растет и крепнет плановое руководство советским хозяйством. Если в период отступления мы ограничивали свою роль регулированием процессов, в значительной степени протекавших стихийно в нашем хозяйстве, то в восстановительный период мы уже приступили непосредственно к плановому руководству советским хозяйством. Отличительной чертой этого планового руководства является то, что оно сочеталось со стоимостными элементами, причем эти элементы еще настолько были сильны, что можно было говорить только о ведущей роли плана в этом сочетании. Это находило свое выражение в том, что, наряду с применением методов непосредственного планового руководства, которые все в возрастающей степени развивались в социалистическом секторе, огромную роль все еще играли мероприятия, преследующие задачу воздействовать на распределение труда в советском хозяйстве через использование стоимостных элементов, имеющих свою основу в секторах простого товарного и капиталистического хозяйства, но влияющих в той или иной степени на социалистический сектор. Довольно мощным орудием планового воздействия на крестьянское хозяйство в руках пролетариата являлось снабжение его средствами производства и предметами потребления. Проводя классовую политику в деле снабжения деревни орудиями и средствами производства, снабжая ими главным образом бедняцкие и середняцкие элементы на льготных условиях и отказывая в этом снабжении кулацким элементам, пролетарское государство тем самым содействовало товарищескому объединению бедняцко-середняцких элементов деревни в различные формы коллективного хозяйства. Сосредоточивая в своих руках громадные массы сельскохозяйственной продукции, пролетарское государство имело возможность оказывать решающее влияние на цены, стихийно складывающиеся на рынке. Та же классовая политика проводилась в области кредита, налогов, политики цен и т. д.

Благодаря плановому воздействию советского государства на мелкотоварное крестьянское хозяйство и кулацкие элементы деревни, распределение труда между промышленностью и земледелием, а так-

¹⁰ Сталин, Вопросы ленинизма, с. 422—423.

же между отдельными отраслями земледелия и отдельными хозяйствами складывалось таким образом, что обеспечивало укрепление и рост социалистических элементов советского хозяйства, ограничение и вытеснение капиталистических элементов.

Во всех приведенных случаях мы имеем сочетание методов планового руководства с использованием при этом стоимостных элементов при ведущей роли планового начала.

Поясним это примером.

Положим советской государственной промышленности понадобилось расширить производство какого-либо сырья, например конопли. В этих целях советское государство повышает цены на коноплю и тем самым делает производство ее более выгодным. Что мы здесь имеем? С одной стороны, мы здесь имеем сознательное плановое воздействие на крестьянское хозяйство, преследующее задачу увеличить производство льна, но эта задача достигается через повышение цены, т. е. через использование стоимостных элементов.

Таким образом в данном случае сознательное и планомерное регулирование советского государства сводится к тому, что оно, считаясь со стоимостными элементами и используя их, направляет их действие по руслу укрепления и развития социалистических элементов, ведя в то же время борьбу за ограничение и вытеснение капиталистических элементов.

Со вступлением советского хозяйства в реконструктивный период резко меняется соотношение секторов, усиливаются темпы развития социалистической индустрии, резко сокращается роль мелкотоварного и капиталистического секторов в промышленности, резко изменяется соотношение между частной торговлей, с одной стороны, государственной и кооперативной — с другой. Как в смысле количественном, так и качественном возрастает охват крестьянства различными видами кооперации.

Вместе с тем развитие социалистической индустрии наталкивается на крайне медленные темпы развития мелкого индивидуального крестьянского хозяйства.

Растет промышленность, растет количество рабочих, растут города. Растут наконец районы производства технического сырья (хлопок, лен, свекла и т. д.), предъявляющие спрос на товарный хлеб. А производство товарного хлеба растет убийственно медленным темпом.

Основной причиной медленного темпа развития производства товарного хлеба является распыленность, дробность нашего мелкого крестьянского хозяйства. Если в восстановительный период социалистическая индустрия могла еще базироваться на индивидуальном крестьянском хозяйстве, то иное мы видим в реконструктивный период.

Растущая быстрым темпом социалистическая индустрия в реконструктивный период уже не может долее базироваться на одном только малопроизводительном мелком крестьянском хозяйстве и требует широкого развертывания колхозов и совхозов.

«Особенность переживаемого момента,— говорит Сталин,— состоит в том, что выполнение... задачи по поднятию индивидуального мелкого и среднего крестьянского хозяйства, представляющей все еще главную задачу нашей работы в области сельского хозяйства, стало уже недостаточно для разрешения общей задачи в целом. Особенность переживаемого момента состоит в том, чтобы дополнить пер-

вую задачу двумя новыми практическими задачами: поднятия колхозов и улучшения дела совхозов»¹¹.

Отсюда со всей остротой встает вопрос о перенесении центра тяжести во взаимоотношения пролетариата и крестьянства с торговой смычки на производственную.

Это тем более становится возможным, что предыдущий восстановительный период социалистического строительства через обобществление товарооборота подготовил базу для этой смычки.

Первый этап реконструктивного периода в очень значительной степени усиливает роль планового начала в советском хозяйстве. Базой растущего планового начала является рост социалистической индустрии и обобществления товарооборота. Вместе с тем усиливается непосредственное плановое воздействие пролетарского государства на все советское хозяйство в целом и в частности на сектор индивидуального крестьянского хозяйства и частнокапиталистический сектор. С особой яркостью это сказывается в применении новых общественных методов в области хлебозаготовок, в применении метода контрактации и т. д. Значение этих новых методов заключается в мобилизации трудящихся слоев деревни против кулачества.

Переход к этим новым общественным методам руководства со стороны пролетариата крестьянством дает в его руки новые рычаги для осуществления своего планового руководства.

Тем не менее и в начале реконструктивного периода мы не можем еще говорить об абсолютном преобладании планового начала во всем советском хозяйстве, а можем говорить о ведущей роли плана, действующего в сочетании со стоимостными элементами.

«Было бы ошибочно,— говорит т. Сталин,— преуменьшать роль и значение планирования. Но было бы еще большей ошибкой преувеличивать роль планового начала, думая, что мы уже достигли той степени развития, когда имеется возможность планировать и регулировать все и вся. Не следует забывать, что кроме элементов, поддающихся нашему плановому воздействию, в составе нашего народного хозяйства имеются еще другие элементы, не поддающиеся пока что планированию, имеются наконец враждебные нам классы, которые не могут быть преодолены в порядке простого госплановского планирования»¹².

Коренные качественные сдвиги в соотношении плана и стихии вносят новый и последний этап нэпа.

Тов. Сталин в своем докладе и заключительном слове на XVI партсъезде охарактеризовал новый этап как этап развернутого социалистического наступления по всему фронту и как этап нашего вступления в период социализма, подготовленного всем предшествующим развитием нэпа.

«Основная установка партии в данный момент,— говорил он,— состоит в переходе от наступления социализма на отдельных участках хозяйственного фронта к наступлению по всему фронту и в области промышленности и в области сельского хозяйства. XIV съезд был по преимуществу съездом коллективизации. Это была подготовка к общему наступлению. В отличие от пройденных этапов период перед XVI съездом является периодом общего наступления социализма по

¹¹ Сталин, Вопросы ленинизма, Гиз, изд. 1931 г., с. 472.

¹² Там же, с. 588.

всему фронту, периодом усиленного строительства социализма и в области промышленности, и в области сельского хозяйства. XVI съезд есть съезд развернутого наступления социализма по всему фронту, ликвидации кулачества как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации»¹³.

«Ясно,—говорит т. Сталин,—что мы уже вышли из переходного периода в старом его смысле, вступив в период прямого, развернутого социалистического строительства по всему фронту. Ясно, что мы уже вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в своих руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко».

Основная черта нового этапа заключается в том, что на этом этапе социалистическая система производственных отношений, растущая в Советском Союзе с исключительной силой, начинает обнаруживать свои преимущества перед капиталистической.

Это прежде всего сказывается в более быстрых темпах развития социалистической индустрии, чем на предыдущих этапах, приведших к разрешению проблемы «кто—кого» в области промышленности в пользу социализма.

Наряду с этим возрастает удельный вес социалистической индустрии в общей годовой продукции всего советского хозяйства с 67% в 1930 г. до 69% в 1931 г.

Вместе с растущими темпами развертывания социалистической индустрии, вместе с ростом удельного веса промышленной продукции во всем хозяйстве Советского Союза мы наблюдаем быстро развивающийся процесс социалистического обобществления производства, имеющий в своей основе невиданную концентрацию промышленности и применение принципа комбинирования, совершенно недостижимые в условиях капитализма. В этом отношении в особенности показательной является постройка Урало-кузнецкого комбината, где в масштабе огромного района создается качественно новый тип индустриального строительства, характеризующийся новыми формами сочетания различных процессов и установления производственных связей.

Но советское хозяйство представляет собою, как мы видели, единство, хотя и противоположных и частью антагонистических секторов, единство, в основе которого лежит на первых этапах ведущая, а на новом этапе абсолютно преобладающая роль социалистического сектора, в котором в свою очередь ведущая роль принадлежит социалистической индустрии.

В силу этого единства те огромные сдвиги, которые произошли в области социалистической индустрии, не могли остаться без влияния на все остальные секторы и на все советское хозяйство в целом и в частности на сельское хозяйство.

Развитие социалистической индустрии во все возрастающей степени приводит к увеличению снабжения сельского хозяйства орудиями производства, усиливая тем самым техническую базу для социалистической реконструкции сельского хозяйства. Далее рост социалистической индустрии создает базу для усиления планового руководства сельским хозяйством со стороны пролетариата. Таким образом создаются условия, благоприятствующие массовой переделке мелкого индивидуального крестьянского хозяйства в крупное коллективное

¹³ Сталин, Вопросы ленинизма, с. 762—763.

обобществленное производство. С другой стороны, развивающаяся такими бурными темпами промышленность не может уже базироваться в основном на малопроизводительном индивидуальном крестьянском хозяйстве и в свою очередь требует его обобществления.

Все это при наличии активного руководства со стороны пролетариата и его авангарда — коммунистической партии — приводит к росту социалистических элементов в сельском хозяйстве, к той огромной колхозной волне, которая охватила прежде всего зерновые районы и создала вместе с выросшим в огромной степени совхозным строительством мощный социалистический сектор в самом сельском хозяйстве.

Таким образом противоречие, возникшее между социалистической индустрией и распыленным мелким крестьянским хозяйством, находит свое разрешение в колхозном и совхозном строительстве. Вместе с новыми задачами, вставшими перед сельским хозяйством на новом этапе, возникают и средства для их разрешения.

Рост социалистического сектора в сельском хозяйстве характеризуется прежде всего тем, что задания пятилетнего плана в отношении коллективизации оказались далеко превзойденными.

Больше половины крестьянских хозяйств охвачено колхозами. Значение этого факта огромно. Колхозник работает на основе обобществления основных средств производства, хотя и сохраняет еще частично собственность на менее важные средства производства и не изжил окончательно черт мелкого собственника, и тем самым отличается от рабочего социалистической промышленности. Однако решающим для определения социальной природы колхозника является тот факт, что это уже работник коллективного хозяйства, обобществившего основные средства производства. Это делает из него прочную опору советской власти.

В связи с массовым вступлением бедняцко-средняцкого крестьянства на путь сплошной коллективизации встал вопрос о переходе от политики вытеснения и ограничения к политике ликвидации кулачества как класса.

Ликвидация последнего капиталистического класса — кулачества на основе бурного развертывания сплошной коллективизации означает громадный шаг к уничтожению классов и к построению бесклассового социалистического общества.

На протяжении нэпа мы имели систематическое вытеснение капиталистических элементов в городе и деревне, сопровождавшееся их относительным уменьшением. Однако это обстоятельство не исключало их абсолютного роста. На новом этапе мы имеем их резкое не только относительное, но и абсолютное падение, совершающееся чрезвычайно быстро.

Однако этим значение поворота к коллективизации, происшедшего в сельском хозяйстве, не исчерпывается.

Мы видели, что в промышленности социалистический сектор достиг абсолютного преобладания. Охват коллективизацией 50% всех крестьянских хозяйств в течение 1931 г. дает уже абсолютное преобладание социалистическому сектору в сельском хозяйстве и тем самым приводит к завершению построения фундамента социалистической экономики.

Следующей отличительной чертой нового этапа является начавшаяся в 1929 г. мощная волна соцсоревнования и ударничества. Этот

факт стоит в тесной связи с тем подъемом социалистического строительства, который характеризует новый этап. Пролетариат, сознательно руководя процессом построения социализма в нашей стране, переделывая мелкотоварный сектор советского хозяйства, в тоже время переделывает и самого себя, все более и более освобождается от тех черт своей психологии, которые созданы были в нем условиями капиталистической эксплуатации.

Социалистическое соревнование и ударничество являются в этом смысле выражением совершенно иного нового социалистического отношения к труду, составляющего одну из характернейших черт периода социализма.

В капиталистическом обществе основными факторами, двигающими вперед развитие производительных сил, являются конкуренция и погоня за прибылью. Рабочий в капиталистическом обществе отделен от средств производства и эксплуатируется капиталистом, который из него выжимает прибавочную стоимость. Поэтому на капиталистических предприятиях господствует дисциплина «кнута» и личной заинтересованности в виде тех или иных форм заработной платы.

Совершенно противоположную картину мы будем иметь в коммунистическом обществе, где, по словам Маркса, «исчезнет холопская иерархия индивидов при разделении труда, а с нею и противоречие между умственным и физическим трудом» и «самый труд станет первой жизненной потребностью, а не только средством к жизни».

В условиях советского хозяйства наряду с сохранением поощрения к труду в виде личной материальной заинтересованности, все возрастающее значение приобретают социалистические стимулы, к числу которых надо отнести социалистическое соревнование и его высшую форму — ударничество.

Социалистическое соревнование и ударничество вопреки правоопортунистической недооценке этих факторов сыграли решающую роль в тех колоссальных сдвигах в области социалистической индустрии, сельского хозяйства и т. д., которые характеризуют новый этап. В свою очередь новые успехи социалистического строительства и новые грандиозные задачи, которые ставят перед пролетариатом и вообще всеми трудящимися Советского Союза партия и советская власть, не могут не вызывать новой волны трудового энтузиазма, который, с одной стороны, охватывает все новые и новые слои трудящихся, до того незахваченные этой волной, а с другой — создает все новые более высокие формы соцсоревнования. Среди них особое значение приобретает встречный промфинплан, который должен войти в арсенал нашего планового руководства как одно из наиболее мощных его орудий.

Новый этап с особой силой выдвигает значение технической реконструкции всего нашего хозяйства.

Развитие советского хозяйства как по линии социалистической индустрии, так и социалистического земледелия вплотную подошло к разрешению задачи, с одной стороны, овладения достижениями наиболее передовой капиталистической техники, а с другой — создания новой социалистической техники, создания, говоря словами Ленина, «новой, гораздо более высокой производительности труда», чем капиталистическая.

В области социалистической промышленности развитие целого ряда отраслей, как например угольной, транспортной и т. д., упирается сейчас в необходимость механизации и рационализации производства. Мало того, новые формы социалистического обобществления в форме мощных комбинатов, охватывающих огромные районы, сочетающих в себе не только самые разнообразные отрасли промышленности, но и сельскохозяйственного производства, ставят целый ряд новых задач в области техники и требуют их неотложного разрешения. До последнего времени, до вступления середняка на путь сплошной коллективизации, поднятие техники сельского хозяйства тормозилось раздробленностью мелкого крестьянского производства. Бурный рост колхозного движения, и строительство гигантов-колхозов не только устраняют это препятствие, не только открывают безграничные возможности для роста техники в сельском хозяйстве, но и повелительно требуют подведения новой технической базы под обобществляющееся быстрым темпом сельское хозяйство.

Строительство совхозов-гигантов, которые по своим размерам превосходят все то, что до сих пор знал капиталистический мир, так же как и строительство гигантских комбинатов, ставит новые огромные задачи в области техники.

В этом же направлении действуют факт ликвидации безработицы и все острее начинающийся сказываться недостаток в рабочей силе, в особенности квалифицированной.

Все это выдвигает перед нами задачу подъема на невиданную ступень техники производства. В невиданных размерах должна развернуться механизация и рационализация производственного процесса, которая должна переложить тяжесть труда мускулов человека на стальные мускулы машин. Уже первая стадия нашего вступления в период социализма, которая характерна тем, что это есть в то же время и стадия конца переходного периода, показала, какие грандиозные возможности для развития производительных сил таит в себе социалистическая система хозяйства. Отсюда становится понятным, что дальнейшее наше движение к построению полного, развернутого социализма будет означать невиданный рост производительных сил вообще и в особенности техники. Наряду с овладением техникой производства необходимо овладение экономикой и финансовой стороной производства. Эта задача овладения техникой, экономикой и финансовой стороной производства с особой остротой встает перед нами как важнейшая классовая задача, как завоевание важнейшего участка классовой борьбы в связи с раскрытым вредительством, охватившим различные отрасли нашего хозяйства. Эта задача как очередное важнейшее звено переживаемого этапа была подчеркнута т. Сталиным в его речи на I Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности.

В основу дальнейшего плана построения социализма в СССР должен быть положен выдвинутый т. Сталиным лозунг не более чем в десять лет догнать и перегнать наиболее передовые капиталистические страны.

«Максимум в десять лет мы должны пробежать то расстояние, на которое мы отстали от передовых стран капитализма. Для этого есть у нас все объективные возможности»¹⁴. Осуществление этой задачи

¹⁴ Сталин, О задачах хозяйственников, с. 13—14.

вместе с тем будет означать завершение построения уже не только фундамента социалистической экономики, но и построение социалистического общества. Таким образом тот перспективный план построения социализма в нашей стране, к разработке которого мы должны приступить, должен быть рассчитан на коренную реконструкцию во всех областях нашего хозяйства, на осуществление лозунга «догнать и перегнать», на построение социалистического общества.

Все эти сдвиги привели к огромному усилению планового начала во всем советском хозяйстве, подняли его на качественно новую, высшую ступень. Если ранее, в восстановительный период, мы могли говорить только о ведущей роли планового начала в советском хозяйстве, то теперь план уже абсолютно преобладает во всем нашем народном хозяйстве.

Вместе с тем на качественно новую ступень поднимаются самая система и методы планирования.

Огромную роль в этом отношении призван сыграть встречный промфинплан. Задача планового руководства отнюдь не сводится только к составлению колонок контрольных цифр. «Для нас,— говорит т. Сталин,— пятилетний план, как и всякий план, есть лишь план, принятый в порядке первого приближения, который надо уточнять, изменять и совершенствовать на основании опыта мест, на основании опыта исполнения плана. Никакой пятилетний план не может учесть всех тех возможностей, которые таятся в недрах нашего строя и которые открываются лишь в ходе работы, в ходе осуществления плана на фабрике, на заводе, в колхозе, в совхозе, в районе и т. д. Только бюрократы могут думать, что плановая работа заканчивается составлением плана. Составление плана есть лишь начало планирования. Настоящее плановое руководство разворачивается лишь после составления плана, после проверки на местах, в ходе осуществления, исправления и уточнения плана»¹⁵.

Таким образом было бы чисто бюрократической утопией пытаться учесть все производственные возможности, сидя в центре, без участия в этом деле миллионов масс непосредственных производителей. Именно это участие масс в планировании составляет качественную особенность планирования на новом этапе.

«Встречный промфинплан,— говорит т. Куйбышев,— это такой фактор, который мы никак не можем игнорировать при создании наших планов как годовых, так и перспективных. Встречный план становится основой нашей плановой работы. На многих предприятиях уже созданы плановые бригады, которые ставят своей задачей внутризаводское планирование и участие масс во всей плановой работе государства. При достаточном руководстве со стороны плановой системы эти плановые бригады станут творцами здоровых большевистских планов, станут органами, обеспечивающими выполнение планов и борющимися за максимальные темпы социалистического строительства. Плановые органы должны сомкнуться с движением миллионов. Плановая работа должна быть вырвана из тиши кабинетов. Мы должны во что бы то ни стало связаться с рабочими, совхозниками, колхозниками, транспортниками, сомкнуться с мощным потоком социализации и ударничества»¹⁶.

¹⁵ Сталин, Вопросы ленинизма, с. 766.

¹⁶ Куйбышев, Речь на открытии Плановой академии, „Экономическая жизнь“ № 9, за 1931 г.

Опираясь на выросший социалистический сектор города и деревни, мы получили возможность в огромной степени усилить наше плановое руководство всем советским хозяйством в целом.

Общим выражением возросшего планового начала, охватывающего все советское хозяйство в целом, является единый финансовый план.

«Впервые, — говорил т. Гринько на III сессии ЦИК Союза ССР, — мы представляем вам не только государственный бюджет, а единый финансовый план, охватывающий бюджет, все средства кредитных организаций нашей страны и все собственные средства хозяйственных организаций обобщественного сектора, имея в виду здесь не только собственные средства государственной промышленности, транспорта и кооперации, но и собственные средства такого молодого члена нашего обобщественного хозяйства, каким являются колхозы»¹⁷.

Рост социалистического сектора в огромной степени усиливает возможность непосредственного планового воздействия на другие секторы. В связи с коллективизацией сельского хозяйства усиливается организованность в с.-х. производстве и сокращается самая база стихии в советском хозяйстве — мелкотоварное индивидуальное хозяйство крестьянина и капиталистический сектор деревни, который по мере развертывания сплошной коллективизации совершенно ликвидируется.

«Методы планирования, применявшиеся в промышленности, — говорит т. Молотов, — мы в известной и все возрастающей мере переносим и на сельское хозяйство, что стало возможным лишь благодаря крупнейшим успехам социалистического производства сельского хозяйства»¹⁸.

Вместе с тем возрастает организованность индивидуального мелкотоварного крестьянского хозяйства, так как и оно уже в огромной степени начинает регулироваться планом. Пролетарское государство в плановом порядке намечает контрольные цифры сева, хлебозаготовок и т. д., доводя их до села и руководя их реализацией при посредстве методов общественного воздействия, мобилизуя бедняцко-средняцкие массы вокруг задачи реализации плановых наметок и на борьбу с капиталистическим, кулацким сектором деревни, срывающим эти планы.

Могучее и все усиливающееся воздействие плана пролетарского государства на капиталистический сектор приводит к тому, что он уже не может развиваться по свойственным его природе законам стоимостного регулирования. Не говоря уже о том, что он ограничивается, вытесняется, а при наличии сплошной коллективизации ликвидируется пролетарским государством, но и вообще он может еще проявлять себя в сравнительно очень узких пределах, главным образом в ограниченной части сельскохозяйственного и ремесленно-кустарного производства, создавая спекуляцию вокруг торговли этими товарами. Но и из этих участков капиталистические элементы быстро изгоняются по мере развертывания социалистического наступления как в городе, так и в деревне.

В силу всех этих причин в высшей степени ослабляется влияние мелкотоварного и капиталистического секторов, являющихся базой стихии в советском хозяйстве, на социалистический сектор, в то вре-

¹⁷ Гринько, Единый финансовый план и госбюджет на 1931 г., с. 4.

¹⁸ Молотов, О народнохозяйственном плане на 1931 г., с. 25.

мя как влияние последнего на все секторы и все советское хозяйство в целом в огромной степени возрастает. План начинает играть уже абсолютно преобладающую роль во всем нашем хозяйстве.

Однако и на новом этапе у нас продолжают существовать элементы стихии, имеющие базу в сохраняющемся еще мелком товарном производстве крестьянского хозяйства и проникающие в той или иной степени в советское хозяйство в целом в силу того единства секторов и той связи между ними, о которой говорилось выше.

Так прежде всего до сих пор еще около половины индивидуального крестьянского хозяйства остается необобществленной, в самих коллективных хозяйствах еще сохраняются необобществленная часть хозяйства и рыночные отношения.

До сих пор еще индивидуальный сектор крестьянского хозяйства, а через него и стихия рынка оказывают известное влияние на социалистический сектор через снабжение его продовольствием, сырьем и т. д.

Все это говорит о том, что и на новом этапе стихия рынка пока еще в состоянии в известной степени влиять на социалистический сектор.

Это воздействие стихии, приводя к некоторым частичным отклонениям от плановых наметок, к некоторым недовыполнениям плана, тем не менее не способно сколько-нибудь значительно искривить или изменить основные линии, намеченные плановым руководством. Таким образом влияние стихии на социалистический сектор имеет сравнительно узкие пределы, не мешающие пролетарскому государству в основном выполнять намеченные им планы развития социалистического строительства.

Итак, на новом этапе роль плана настолько возросла, что он уже не только играет ведущую роль, а в основном руководит и устанавливает пропорции распределения труда во всем советском хозяйстве в целом, в отличие от первого периода нэпа, где роль планового воздействия сводилась лишь к регулированию допущенных в известных пределах стихии рыночных отношений и где создавались только еще предпосылки для планового руководства, и в отличие от восстановительного и начала реконструктивного периода, где уже началось плановое руководство, сочетавшееся со стоимостными элементами на основе ведущей роли плана. Господство планового начала является наиболее характерной чертой социализма.

То обстоятельство, что на новом этапе плановое начало получает абсолютное преобладание во всем народном хозяйстве в целом, составляет одну из наиболее характерных черт нового этапа, характеризующегося как начало периода социализма.

Вместе с тем мы должны подчеркнуть, что и теперь еще наш план — это еще не план социалистического общества, план, все еще в известной, правда быстро уменьшающейся степени, сочетающийся со стоимостными элементами, план, не потерявший своей природы плана переходного периода.

Мы встречаемся с двумя в корне неправильными оценками нового этапа: с одной стороны, с отрицанием нового этапа как периода социализма, а с другой — с «левыми» загибами, заключающимися в переоценке значения планового начала на новом этапе, в разговорах об отмене нэпа и переходе к социалистическому распределению.

Меньшевики, троцкисты, представители правого и «левого» блока выступают против характеристики нового этапа как периода социа-

лизма. О каком вступлении в период социализма можно говорить, — утверждают они, — когда существует индивидуальное крестьянское хозяйство, когда не уничтожены классы, когда разворачивается классовая борьба, когда существуют рынок, деньги и т. д. Ведь социализм есть плановое, бесклассовое общество, не знающее ни мелко-товарного производства, ни классовой борьбы, ни рынка, ни денег.

Есть ли противоречие в такой постановке вопроса, когда мы говорим, что, с одной стороны, «мы уже вступили в период социализма», а с другой, что «до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко»? По существу, если подходить к этому вопросу не с точки зрения абстрактных, чисто схоластических, представлений о законах общественного развития, а с точки зрения марксо-ленинской диалектики, никакого противоречия здесь нет или, если хотите, есть диалектическое противоречие самой жизни. В том же самом докладе на XVI партсъезде, правда, по другому поводу т. Сталин прекрасно обосновал это положение: «Мы за отмирание государства. И мы вместе с тем стоим за усиление диктатуры пролетариата... Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти — вот марксистская формула. Это «противоречиво»? Да «противоречиво». Но противоречие это жизненное, и оно целиком отражает марксову диалектику».

«Кто не понял этого своеобразия и «противоречивости» нашего переходного времени, кто не понял этой диалектики исторических процессов, тот погиб для марксизма»¹⁹.

Все это полностью применимо и к положению, выдвинутому т. Сталиным на XVI партсъезде, «о нашем вступлении в период социализма».

Только меньшевики, социал-фашисты и оппортунисты, «погибшие для марксизма», могут мыслить себе наступление социализма при условии, что не осталось ни одного мелкого производителя и ни одного кулака. Если стоять на такой позиции, то придется отвергнуть существование капитализма и империализма, так как нет ни одной капиталистической страны, где бы не сохранялось мелкое производство. Ленин неоднократно подчеркивал, что чистого капитализма в реальной действительности не существует.

«Чистых явлений, — говорит Ленин, — ни в природе, ни обществе нет и быть не может, об этом учит именно диалектика Маркса, показывающая нам, что самое понятие чистоты есть некоторая узость, однобокость человеческого познания, не охватывающего предмет до конца во всей его сложности. На свете нет и быть не может «чистого» капитализма, а всегда есть примеси то феодализма, то мещанства, то еще чего-нибудь»²⁰.

Однако наличие примесей феодализма и мещанства ни в какой мере не мешает империализму господствовать во всем мире за исключением СССР; следовательно при определении способа производства мы должны исходить не из чистого капитализма и не из чистого социализма, а из того, какой способ абсолютно преобладает и господствует в той или иной стране.

Исторические процессы, развивающиеся по законам марксо-ленинской диалектики, показывают нам много примеров того, как в недрах старого зарождаются, зреют и развиваются ростки будущего и, с

¹⁹ Сталин, Вопросы ленинизма, с. 782—783.

²⁰ Ленин, Собр. соч., т. XIII, с. 160.

другой стороны, как в новом способе производства сохраняются элементы старой, уже сошедшей с исторической сцены системы.

Мы потому имеем все основания говорить о нашем вступлении в период социализма, что социалистический сектор у нас уже абсолютно преобладает во всем народном хозяйстве, что «социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, что в нашем хозяйстве уже не только играет ведущую роль, но и в основном господствует плановое начало».

Из отрицания нового этапа как периода социализма вытекают грубейшая недооценка господствующей роли плана в советском хозяйстве, недооценка темпов социалистического строительства и вместе с тем переоценка стихийных элементов в советском хозяйстве.

Отсюда исходят правооппортунистические теории, рассматривающие мероприятия по разворачиванию советской торговли, по укреплению финансовой системы, по внедрению принципов хозрасчета как мероприятия по развязыванию стихии рыночных отношений. Между тем как на данном этапе они говорят как раз об обратном, о громадном усилении плана, который использует советскую торговлю, деньги и хозрасчет как орудие планового руководства.

Мы видим таким образом, что отрицание факта нашего вступления в период социализма и переоценка стихийных элементов в нашем хозяйстве своими теоретическими корнями уходят все в ту же антимарксистскую меньшевистскую теорию, которая лежит в основе троцкизма, отрицающего возможность построения социализма в одной стране, равно как и правого оппортунизма, мечтавшего о мирном вращении капитализма в социализм.

С другой стороны, также ошибочными и вредными являются «левые» перегибы в оценке нового этапа.

Сущность этих перегибов заключается в оценке нового этапа как этапа отмены нэпа, ликвидации торговли и перехода к социалистическому распределению; отмены хозрасчета, ликвидации денег и т. п. На первый взгляд может показаться, что точка зрения об отмене нэпа и переходе к социалистическому распределению имеет под собой известные основания.

В самом деле, мы вступили в период социализма, наше хозяйство уже в основном есть плановое хозяйство, где плановое начало абсолютно преобладает, дальнейшее его развитие ведет к еще большему усилению планового начала и вытеснению стихии. В течение текущего года мы достраиваем фундамент социалистической экономики. Казалось бы, что при этих условиях действительно основным лозунгом дня должен стать лозунг ликвидации денег и перехода к социалистическому распределению. Между тем как партия выдвигает лозунг укрепления рубля и оживления советской торговли.

Для того, чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо затронуть более общий вопрос о диалектике отмирания капиталистических категорий распределения и обмена в советском хозяйстве.

Капиталистический способ производства имеет такую форму распределения, при которой рабочий получает заработную плату, определяемую стоимостью средств потребления, необходимых для воспроизводства рабочей силы, и создает для капиталистов прибавочную стоимость, которая, распределяясь между различными группами буржуазии, принимает форму промышленной прибыли, торговой, ссудного процента и ренты,

Все эти категории в условиях капитализма, с одной стороны, скрывают за собой определенные производственные отношения, эксплуатации рабочих и распределение выжатой из них прибавочной стоимости между отдельными группами буржуазии, а с другой — играют определенную роль в регулировании движения стихийных неорганизованных производственных отношений товарно-капиталистического общества. Так например колебания заработной платы регулируют распределение рабочей силы между отдельными отраслями производства, колебания промышленной и торговой прибыли, а также ссудного процента регулируют распределение капиталов между отдельными отраслями и предприятиями, между промышленностью и торговлей, а в конечном счете и распределение труда между ними. Земельная рента не только скрывает за собой отношения между земледельцем, капиталистическим арендатором и рабочим, но и играет определенную роль в распределении капиталов между промышленностью и земледелием.

Обе эти стороны капиталистических категорий образуют собой единство, что конечно не исключает их различия. При изучении советского хозяйства различие между этими двумя чертами капиталистических категорий приобретает особое значение. Всякая категория товарно-капиталистического хозяйства обязательно включает в себе момент регулирования движения и развития тех или иных капиталистических отношений, вытекающих из их товарной формы. Но не всякая товарная форма есть форма капиталистическая, хотя всякая товарная форма таит в себе зародыши капиталистического развития и, будучи предоставлена сама себе и тем более находясь в капиталистическом окружении, неизбежно перерастает в капиталистическую форму. В условиях пролетарской диктатуры, благодаря соответствующей экономической политике пролетариата, опирающегося на социалистический сектор, простые товарные отношения развиваются не по капиталистическому пути, а переделываются в коллективное обобщественное социалистическое производство. Отсюда становится ясным, что нельзя отождествлять капиталистических производственных отношений с простыми товарными отношениями. Но мало этого, социалистический сектор развивается, как мы видели, в теснейшей связи и взаимодействии с другими секторами, несмотря на то, что уже с переходом капиталистических предприятий в руки пролетарского государства изменился совершенно тип производственных отношений на этих предприятиях, из капиталистических они превратились в социалистические, тем не менее элементы стихии, как мы видели, имели и до сих пор еще имеют место в социалистическом секторе. С одной стороны, они возникают благодаря недостаточной организованности самого социалистического сектора. Поскольку же речь идет о колхозной части социалистического сектора, то там, как мы видели, еще очень значительное место имеет стихия и благодаря частичному сохранению собственности на средства производства, и благодаря целому ряду других причин. Эта организованность социалистического сектора растет по мере развития процесса социалистического обобществления производства. Об этом ярко свидетельствуют например кредитная реформа, единый финансовый план. Их осуществление стало возможным и необходимым именно потому, что выросла организованность самого социалистического сектора.

С другой стороны, как мы уже видели, стихийные элементы проникают в социалистический сектор благодаря его связи с другими

секторами. Таким образом в социалистическом секторе нет капиталистических производственных отношений, но есть элементы стихийности, делающие необходимым сохранение для него товарной формы, хотя и с иным совершенно содержанием, чем в условиях капитализма.

Отсюда следует, что в условиях советского хозяйства, даже в том случае, когда уже в основном будет завершен процесс ликвидации капитализма, все еще останутся элементы стихийности. Эта стихийность, которая в условиях товарного хозяйства является источником развития капиталистических отношений, уже не будет иметь такого значения. Тем не менее она будет еще на известный период требовать сохранения товарной формы, хотя и с совершенно иным содержанием.

Но мы говорим не только о сохранении советской торговли, денег и т. д. на новом этапе, но и об оживлении советской торговли, о развертывании хозрасчета, об укреплении рубля.

Такая постановка вопроса вытекает из того, что новый этап есть этап нашего вступления в период социализма, но и в то же время этап развертывания последней стадии нэпа. «Переходя в наступление по всему фронту, мы еще не отменяем нэпа, ибо частная торговля и капиталистические элементы еще остаются, но мы наверняка отменяем начальную стадию нэпа, развертывая (разрядка наша — К. О.) последующую его стадию, нынешнюю стадию нэпа, которая есть последняя стадия нэпа»²¹.

Таким образом нынешняя стадия нэпа коренным образом качественно отличается от начальной стадии нэпа и, во-вторых, мы не только сохраняем нэп, но и ставим своей задачей развертывание нынешней последней стадии нэпа.

Из этого своеобразия переживаемого этапа и вытекают упомянутые выше лозунги оживления советской торговли, развертывания хозрасчета, укрепления рубля.

В соответствии с качественными особенностями нынешней стадии нэпа природа советской торговли, хозрасчета, денег и т. д. качественно отличается от соответствующих капиталистических категорий.

В условиях капиталистического хозяйства за товарной формой скрываются стоимостные отношения.

За товарной формой, как мы уже видели, у нас скрывается в основном плановое руководство, сочетающееся однако со стоимостными элементами, наличие которых и делает невозможным на данном этапе переход к социалистическому распределению, к учету непосредственно в трудовых часах и т. д., а общее ускорение темпов социалистического строительства требует ускорения советского товарооборота, который в перспективе будет перерастать в социалистическое распределение.

Но мало того, товарная форма на новом этапе качественно отличается и от товарной формы, существовавшей в начальной стадии нэпа. Если на первой начальной стадии нэпа в основе товарной формы лежало «допущение оживления частной торговли, допущение оживления капитализма при обеспечении регулирующей роли государства» (Сталин), а в восстановительный период сочетание планового начала с элементами стоимостного регулирования при ведущей роли плана, то на новом этапе мы имеем абсо-

²¹ Сталин, Вопросы ленинизма, с. 736.

лютное преобладание господства плана во всем народном хозяйстве в целом.

С другой стороны, и на новом этапе товарная форма выражает план, все еще включающий в себя и сочетающийся с элементами стихии. План и стихия не существуют как два независимых друг от друга начала, а существуют в известном сочетании друг с другом — сочетании, в основе которого лежит абсолютно преобладающая роль плана, использующего элементы стоимостного регулирования, поскольку они порождаются мелкотоварным сектором, и вытесняющего и ликвидирующего их, поскольку они порождаются капиталистическими элементами.

Поскольку таким образом товарная форма содержит в себе элементы стихии, постольку нельзя говорить о том, что эта форма есть что-то чисто внешнее, совершенно чуждое своему содержанию. Только исходя из этого сочетания плана с элементами стихии на основе абсолютно преобладающей роли плана, и можно объяснить необходимость сохранения товарной формы не только по отношению ко всему советскому хозяйству в целом, но и к его социалистическому сектору. Социалистический сектор, с одной стороны, как мы видели, внутри себя содержит элементы недостаточной организованности, с другой, он находится в диалектическом взаимодействии с другими секторами, и через это взаимодействие, через эту связь в него также в известной мере проникает стихия. Все это делает необходимым и для него сохранение товарной формы. Вместе с тем на новом этапе благодаря абсолютному преобладанию плана во всем советском хозяйстве в целом в огромной степени усиливается плановое использование элементов стихии, стоимостных элементов, что мы видели на примере планового руководства со стороны пролетариата индивидуальным крестьянским хозяйством. Наряду с тем быстрые темпы нашего строительства требуют строжайшего учета и вообще огромного ускорения, употребляя образное выражение Маркса, «обмена веществ» во всем нашем хозяйстве. Поскольку же на данном этапе в силу изложенных выше причин все это может происходить в товарной форме, на основе хозрасчета и контроля рублем, постольку бурный рост социализма в нашем хозяйстве вызывает необходимость в максимальном развертывании советской торговли, хозрасчета, укрепления денежной системы и т. д. или, употребляя выражение т. Сталина, в развертывании последней стадии нэпа, ведущем тем самым к ее отмиранию.

Итак, мы приходим к выводу, что правильно разрешить проблему плана и стихии в советском хозяйстве и тем самым дать ключ к пониманию современного этапа мы можем, только исходя из понимания советского хозяйства как единства противоположных и в известной своей части антагонистических элементов.

Отсюда характернейшей чертой советского плана является: 1) его на первых этапах ведущая, а на новом этапе абсолютно преобладающая роль во всем народном хозяйстве, резко отличающая советское хозяйство от товарно-капиталистического, и 2) момент сочетания его со стихийными, стоимостными элементами, отличающими его от плана развернутого социалистического общества.

НЭП И ЛЕНИНСКИЙ КООПЕРАТИВНЫЙ ПЛАН

Когда говорят о ленинском кооперативном плане, то очень часто сводят это понятие только к вопросам и задачам, выдвинутым Лениным в его статье «О кооперации», или, как это было в свое время у правых, к трактовке и утверждению, что у Ленина было два кооперативных плана: один — при переходе к нэпу и другой — характеризованный им в его статье «О кооперации». При этом в первом случае высказывались даже такие мнения, что данная статья Ленина относится лишь к одной потребительской кооперации, не касаясь других кооперативных систем, и наоборот.

Совершенно очевидно, что тот и другой подход являются глубоко ошибочными. Ленинский кооперативный план должен быть понимаем во всей совокупности высказанных Лениным суждений о кооперации. Только взятые в целом они дают возможность уяснить всю глубину ленинского отношения к кооперативному строительству в эпоху переходного периода на отдельных этапах этого строительства.

У Ленина не было и нет двух или нескольких «кооперативных планов». Его последняя статья «О кооперации» является лишь завершением ряда ранее высказанных положений. Разорвать необычайную последовательность мысли, которая так присуща Ленину, это значит разорвать цепь того, что должно быть понято как ленинский единый кооперативный план. Разумеется, этот план не должен быть понимаем вне времени и пространства, без учета экономической обстановки и соотношения классовых сил на тот или иной период социалистического строительства.

Свое теоретическое и практическое построение кооперативного плана Ленин увязывает с основными положениями, высказанными Марксом и Энгельсом, и здесь мы находим первые истоки того, что впоследствии определило пути дальнейшего практического преломления взглядов на кооперативный вопрос.

Маркс в составленной им в 1866 г. для Женевского конгресса Интернационала резолюции писал, что «кооперативное движение, ограниченное в своей эволюции теми карликовыми формами, которые могут ему придать несколько предоставленных своим личным силам наемных рабочих, никогда не в состоянии преобразовать капиталистическое общество. Чтобы создать из общественного производства крупную и гармоническую систему свободного и кооперативного труда, необходимы изменения в общих условиях общества, изменения, которые никогда не будут осуществлены, если организованная власть общества, другими словами государственная власть, не перейдет из рук капиталистов и земельных собственников в руки рабочих».

Таким образом захват власти рабочими и изменение ими общих условий, в которых развивается общество, только это создаст воз-

возможность развития кооперативного движения. В другом месте (в «Манифесте Интернационала») Маркс указывает, что «как бы ни был хорош кооперативный труд в принципе и полезен на практике, он все же не способен остановить роста монополии, развивающейся в геометрической прогрессии, и освободить массы или хотя бы существенно облегчить их от гнета и нищеты, если он ограничен узким кругом случайных попыток изолированных рабочих». «Чтобы явиться освободительницей рабочих масс,—отмечает дальше Маркс,—кооперативная система должна развиваться на национальной почве, пользоваться национальными средствами».

В этом последнем замечании Маркса мы находим новое звено программы действий рабочего класса, звено, которое было развито и углублено Лениным, который выдвинул ряд чрезвычайно важных положений. Необходимо указать, с целью установления общей связи во взглядах основоположников марксизма и Ленина, еще на один момент, который был высказан Энгельсом в его письме в 1866 г.: «И Маркс и я,—писал Энгельс,—никогда не сомневались, что при переходе к коммунистическому хозяйству нам необходимо будет в широком масштабе использовать кооперативное производство как переходную стадию. Только надо так устроиться, чтобы общество, т. е. прежде всего государство, сохранило за собой собственность на средства производства и чтобы таким образом частные интересы отдельных кооперативов не противоречили интересам всего общества в целом».

И если мы всмотримся во все то, что было сказано Лениным о кооперации в дореволюционный период, то мы найдем полное единство взглядов Маркса, Энгельса и Ленина. Для Ленина так же, как и для основоположников марксизма, кооперация неотделима от тех условий, в которых она существует. В капиталистическом хозяйстве она является придатком его, испытывая на себе все «прелести» этого хозяйства.

«Это обман,—писал Ленин еще в 1902 г.,—будто «всевозможные кооперации» играют революционную роль в современном обществе и готовят коллективизм, а не укрепление сельской буржуазии»¹.

И уже иначе говорит В. И. о кооперации после революции. Что изменилось? Изменились условия для развития кооперации. Государственная власть переходит в руки рабочего класса, а вместе с этим ей принадлежат все средства производства. Изменяется классовое соотношение сил. Изменяется роль и задачи кооперации.

И, как бы продолжая высказанные Марксом и Энгельсом мысли, Ленин пишет в своей статье «О кооперации»: «Теперь у нас это свержение (господства эксплуататоров—В. Т.) состоялось, и теперь многое из того, что было фантастического, даже романтического, даже пошлого в мечтаниях старых кооператоров, становится самой неподкрашенной действительностью».

И действительно, раз у нас государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, стало быть, задачей осталось только кооперирование населения—«поголовное участие в кооперации», как указывает Ленин дальше.

И эта задача кооперирования всего населения ставится Лениным не только в период, когда писалась данная статья и когда развитие

¹ Ленин, Собр. соч., т. IV, с. 133—134.

кооперации начало давать определенные результаты: он эту задачу выдвигает уже весной 1918 г. Говоря об «очередных задачах советской власти», Ленин указывает: «Советы могут (и должны) теперь измерять свои успехи в деле социалистического строительства между прочим мерами чрезвычайно ясными, простыми, практическими: в каком именно числе общин (коммун или селений, кварталов и т. п.) и насколько приближается развитие кооперативов к тому, чтобы охватить все население...»

Ленин при этом дает перспективу организационного объединения всего населения в кооперации. Выступая на третьем съезде рабочей кооперации в 1918 г., он указывает в своей речи: «Мы стоим на той точке зрения, что все общество как в смысле снабжения, так и в смысле распределения должно представлять собой один общий кооператив. Все мы стоим на той точке зрения, что кооперация есть одно из завоеваний социалистической партии. В этом состоит великая трудность социалистических завоеваний. В этом состоит трудность и задача победы. Капитализм умышленно разъединял слои населения. Это разъединение должно исчезнуть окончательно и бесповоротно, и все общество должно превратиться в единый кооператив трудящихся».

Речь шла о потребительской кооперации и об одном из этапов, в который правильная постановка дела снабжения и распределения в условиях недостатка продуктов была особенно важна и необходима. Но вот эта мысль Ленина об «едином кооперативе трудящихся», о создании «обнимающего трудящиеся массы кооперативного общества потребления» встречается в работах Ленина не один раз. В своем первоначальном наброске «Очередных задач советской власти» Ленин указывает: «Кооператив, если он охватывает все общество, в котором социализирована земля и национализированы фабрики и заводы, — есть социализм. Задача советской власти, после того как буржуазия экспроприрована политически и экономически, состоит главным образом в том, чтобы распространить кооперативные организации на все общество, чтобы превратить всех граждан данной страны поголовно в членов одного общенационального или вернее общегосударственного кооператива».

И раз так поставлена задача, то поэтому «нам нужно, — пишет дальше Ленин, — найти практически осуществимые, удобные, подходящие для нас формы перехода от частичных, раздробленных кооперативов к единому всенародному кооперативу». «Рабочие кооперативы должны стать во главе движения, переводящего отдельные кооперативы в единый всенародный кооператив. Рабочий класс должен... «руководить всеми частями населения без изъятия в деле перевода их к поголовному объединению в единый всенародный кооператив».

Этот единый кооператив может создаться не сразу. Ленин это прекрасно понимает. «О таком кооперативе я говорил сейчас, — указывает он, — как о задаче победы социализма». Таким образом, власть капиталистов свергается в одной стране — социализм побеждает, а с ним, с его победой на «национальной почве», т. е. в общегосударственном масштабе, на территории, где уже осуществлена диктатура пролетариата, укрепляется кооперация, создается единый кооператив трудящихся. И повидимому только так надо понимать указание Маркса, продолженное затем Лениным, что «кооперативная система должна развиваться на национальной почве, пользоваться национальными

средствами». Правда, указывая на состоявшееся соглашение между советской властью и кооператорами, Ленин говорит, что «сейчас нужно одно, чтобы только было единодушное стремление идти с открытой душой в этот единый мировой кооператив» (речь на съезде рабочей кооперации). Но это указание о «мировом кооперативе» скорее надо понимать в том смысле, на который мы указывали, ибо само развитие кооперации может получить широкие размеры лишь при победе восставшего пролетариата.

Мысль Маркса о «национальных средствах» для кооперации наиболее полно развита Лениным в его статье «О кооперации», когда он говорит о необходимости сверх обычной поддержки кооперативного строя. «Ряд привилегий экономических, финансовых и банковских—кооперации; в этом должна состоять поддержка нашим социалистическим государством нового принципа организации населения». «Каждый общественный строй,—отмечает он перед этим,—возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса. Нечего напоминать о тех сотнях и сотнях миллионов рублей, которые стоило рождение «свободного капитализма».

Таким образом контуры ленинского кооперативного плана — и это первое, что необходимо отметить—имеют тесную и неразрывную связь с общим учением Маркса и Энгельса. Они получают свое практическое оформление в первоначальный период Октябрьской революции (мы не останавливаемся на предреволюционных статьях Ленина) и завершаются в статье «О кооперации». Разрывать нарастающее оформление содержания или брать отдельные моменты и выдавать их за общеленинский кооперативный план означает либо сужение вопроса, либо подмену ленинского понимания взглядами, несоответствующими этому пониманию.

Маркс и Энгельс в приведенных нами цитатах говорят главным образом о производительной кооперации, это объясняется тем, что именно эта кооперация, получившая большее развитие, чем потребительская, естественно останавливала и большее их внимание. То же, что указано нами в отношении ленинских установок, относится больше всего к потребительской кооперации. Естественно, что может быть поставлен вопрос о несравнимости подобных вещей, но мы поэтому и взяли лишь три таких момента принципиального характера, которые лежат в основе всего кооперативного движения безотносительно к отдельным его ветвям и системам.

Сосредоточение внимания Ленина на потребительской кооперации в этот период не является случайным. Вопросы снабжения были в то время слишком остры, чтобы не останавливать на них главного внимания. У потребительской кооперации был ранее сколоченный и слаженный аппарат. Не воспользоваться этим аппаратом в тех условиях было нельзя. Сама кооперация охватывала большие массы людей. К тому же в ее составе находилась рабочая кооперация — эта первая опора советской власти в деле борьбы за новую советскую кооперацию, за новое ее руководство. Этому положению Ленин придавал особо большое значение. На III съезде рабочей кооперации он указывает, что «перед рабочей кооперацией стоит теперь чрезвычайно важная задача в области хозяйственной, а также и в области политической. Те и другие задачи теперь ясно и неразрывно связаны между собою в смысле экономической и политической борьбы».

Чтобы понять указания Ленина «о политической задаче» рабочей кооперации, необходимо уяснить ту классовую борьбу, которая раз-

горалась внутри кооперации в то время. Среди трудящихся кооперированных масс наметился поворот в сторону советской власти, кооперативная же бюрократия тянула колесо истории назад, держась за старые методы работы кооперации, борясь с каждым исходившим от советов предложением. Через свои печатные органы, и в особенности журнал «Союз потребителей», кооперативное руководство излагает свои позиции достаточно ясно. «В волнах анархии захлебнулся правопорядок,—сообщает орган Центросоюза,—растоптаны не только все завоевания революции, но самые элементарные права гражданина и человека, и перед невыносимым кошмаром повседневной русской действительности идиллией кажутся варварства средневековья».

И так из номера в номер.

На севере затем виднейшие тогда кооператоры Мартюшин и Чайковский вошли в состав правительства генерала Миллера. На юге кооперативная верхушка поддерживала Деникина, на Украине — Петлюру, Директорию и Раду, в Сибири — Колчака. За границей шевелилась часть бывших руководителей Центросоюза, кстати захватившая с собой и часть ценностей кооперации. В различные моменты все эти группы делали попытки противопоставить кооперацию советской власти. Когда был опубликован «проект декрета о потребительских коммунах», устанавливающий новый порядок работы кооперации, в целом ряде городов, начиная с Москвы и Ленинграда, были созваны специальные совещания, целью которых было организовать мнение против проекта и доказать, что проект является гибелью кооперации. Как и следовало ожидать, на этих совещаниях уже не нашлось единства. Течение за соглашение с советской властью уже пустило свои корни.

Мы не останавливаемся на процессе прохождения этого соглашения. Нам важно подчеркнуть лишь ту остроту, в какой проходила классовая борьба в кооперации. Она не угасла, а лишь приняла скрытые формы при практическом проведении декрета на местах. Она давала себя чувствовать, когда проходило слияние производственной кооперации с потребительской. Кулаки, зажиточная верхушка, в руках которых находился аппарат кооперации, организовали сопротивление, оформляя его, где представлялась возможность, на совещаниях и съездах.

Вот почему Ленин так подчеркивает политическую роль рабочей кооперации в тот момент.

И эту политическую роль—Ленин здесь не ошибся—рабочая кооперация выполнила. Через нее партия получила возможность распространить свое влияние на общегражданскую потребительскую кооперацию, и, опираясь на широкие массы кооперированного населения, в первую очередь на рабочих в городе и бедноту в деревне, добиться поворота внимания потребительской кооперации на вопросы столь сложные, как правильное распределение продуктов.

За этим следовали задачи организационного политического подчинения остальных систем кооперации сельскохозяйственной и кустарно-промышленной, которое было завершено через соподчинение этих систем потребительской кооперации.

Таким образом в преддверии к новой экономической политике кооперация внизу представляла собою сеть потребительских обществ, сельскохозяйственных и кустарно-промышленных товариществ и ар-

телей, которые объединялись в губсоюзы, проводившие свою работу через районные отделения. Центральным органом являлся Цантросоюз.

Административно-политическое подчинение союзам потребительской кооперации, сельскохозяйственной и промысловой кооперации (которая представляла собой сплошь и рядом объединения наиболее зажиточных крестьян) производилось через организацию при них соответствующих автономных секций производственной кооперации. Что же касается производственно-хозяйственных функций, то в этой области подчинение секций происходило по линии НКЗ и ВСНХ.

К концу 1921 г. количественно кооперация включает в себя 53 губернских союза потребительской кооперации с 704 районными объединениями и 25 034 потребительскими обществами, из которых 867 падало на городские общества и 15 991 — на сельские. Отдельные общества имели несколько распределительных лавок, и потому общий распределительный аппарат насчитывал 32 688 единиц. По существовавшему тогда положению все население являлось участником потребительской кооперации.

В отношении сельскохозяйственной кооперации статистика того времени очень слабо отражает цифровые показатели. Она дает нам сведения главным образом о числе коллективных хозяйств. По данным НКЗ (без Украины и Закавказья) в декабре 1921 г. имелось 3 120 коммун, 10 185 артелей и 2 514 товариществ по общественной обработке земли, кроме того несколько тысяч кооперативов имелось на Украине.

Промысловая кооперация к июлю 1921 г. имела 5 681 артель; что же касается жилищной кооперации, то число ее кооперативов исчислялось единицами.

Количественно таким образом кооперация к тому времени получает довольно большое развитие. Это количество должно было дать в дальнейшем и необходимое качество. Момент этого перехода к улучшению задерживался условиями того периода. Кооперация в этот период имела огромный разветвленный аппарат, который при отсутствии достаточно полной нагрузки работал нередко вхолостую. Распределенческие методы наложили свой отпечаток на методы работы и на психологию потребителя и продавца. Покупательная способность города и деревни стояла на низком уровне, это не давало возможности насытить материальным содержанием работу всех видов кооперации, отсюда и крайне низкая заинтересованность ее участников.

Подводя итоги состоянию кооперации, Ленин на X съезде партии в своем докладе о введении продналога указывает: «Использовали мы кооперацию очень недостаточно и опять-таки частью по ошибке, а частью по военной нужде». Он предлагает при этом резолюцию IX съезда об организационном и хозяйственном строительстве кооперации отменить и поручить ЦК выработать и «провести в партийном и советском порядке постановления, которые бы улучшили и развили строение и деятельность кооперативов в согласии с программой РКП и применительно к замене разверстки натуральным налогом».

И действительно в последующий период на протяжении 1921 г. мы имеем целый ряд решений партии и правительства о работе кооперации в новых условиях. 7 апреля СНК принимает новый декрет о потребительской кооперации в замену декрета от 20 марта 1919 г.

В апреле появляется брошюра Ленина «О продовольственном налоге», определяющая значение новой политики и те условия, в которых

рабочему классу и его партии приходится осуществлять свою дальнейшую работу по социалистическому строительству.

«Недаром декрет о продналоге вызвал немедленно пересмотр положения о кооперации и известное расширение ее «свободы» и ее прав»,— указывает В. И., говоря о кооперации в этой брошюре. А эти «права и свобода» заключались в том, что декрет от 7 апреля о потребкооперации, оставляя обязательность членства в единых потребительских обществах, допустил возможность в их пределах образования добровольных объединений более мелкого масштаба, которые, как и сами потребительские общества, получили право обмена и скупки излишков сельскохозяйственного производства, кустарно-промысловых изделий и сбыта их, право открывать собственные промышленные предприятия, организовывать сбор паевых средств, авансов под товары, большей самостоятельности в своей работе и меньшей зависимости от Наркомпрода. Но вместе с тем, вводя участие кооперации в местном хозяйственном обороте, декрет обязывал ее подчиняться заданиям государства в области заготовок, обмена и распределения продуктов.

Развитие товарооборота как средства укрепления нарушенной ранее экономической смычки между городом и деревней на данном этапе становится основной задачей. «Торговля,— указывает В. И.,— есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью, если... если нет рядом с этими земледельцами великолепной крупной машинной индустрии с сетью электрических проводов, индустрии, способной снабдить мелких земледельцев лучшими продуктами в большем количестве, быстрее и дешевле, чем прежде»².

На разрешение этой задачи сосредоточивает Ленин внимание и кооперации. А «кооперация как форма торговли выгоднее и полезнее, чем частная торговля»,— пишет он в брошюре «О продналоге»,— потому что она облегчает объединение, организацию всего населения поголовно, а это обстоятельство, в свою очередь, есть гигантский плюс с точки зрения дальнейшего перехода от государственного капитализма к социализму.

Ленин относит в этом месте кооперацию к одному из видов государственного капитализма. Это повело, как известно, к ряду утверждений, что Ленин имел, как мы уже указывали, два кооперативных плана, к механистическому сопоставлению кооперации с концессионными предприятиями, к неясным постановкам вопроса о перерастании госкапиталистических предприятий в социалистические и неправильному пониманию на дальнейшем этапе новых взаимоотношений города и деревни через производственную смычку.

Необходимо отметить несколько моментов, связанных с данным вопросом. Ленин действительно указывает, что кооперация является одним из «видов» и «разновидностей» государственного капитализма. Далее он дает уже новый термин—«кооперативный капитализм». Это понятие Ленину скорее нужно для сравнения, для оттенения данных видов капитализма, для большей выпуклости и определения роли и задач кооперации на данном этапе. Уже в своей статье «О кооперации» он указывает: «У меня название «государственный капитализм» употреблялось, во-первых, для исторической связи нашей теперешней позиции с позицией в моей полемике против так называ-

² Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, с. 380.

емых «левых» коммунистов, а также я уже тогда доказывал, что государственный капитализм был бы выше нашей современной экономики; для меня важно было установить преемственную связь обычного государственного капитализма с тем необычным, даже совсем необычным, государственным капитализмом, о котором я говорил (подчеркнуто мною—В. Т.), вводя читателя в новую экономическую политику. Во-вторых, для меня всегда была важна практическая цель, а эта практическая цель заключалась в объединении и организации миллионов людей в кооперации и в том, что кооперативный капитализм похож на государственный в том отношении, что облегчает учет, контроль, надзор, договорные отношения между государством (советским в данном случае) и капиталистическим»³.

Контроль, учет, направление излишков через кооперативное русло— таково основное содержание кооперативного плана на первом этапе нэпа. Сюда необходимо «приложить усилия», постоянно указывает Ленин, это проходит красной нитью через все его статьи и выступления.

Ленин прекрасно понимал, что «свобода торговли» неизбежно ведет к возрождению мелкой буржуазии и капитализма и что в этих условиях кооперация мелких товаропроизводителей с такой же неизбежностью будет порождать мелкобуржуазные капиталистические отношения и содействовать их развитию.

Но кооперирование товарооборота, облегчая контроль, учет, снабжение и сбыт, объединяя массы людей, одновременно создавало и предпосылки социалистической переделки деревни. Да, на первом этапе кооперация базируется на мелкой, ручной, частью даже патриархальной промышленности— указывает Ленин. Но она охватывает многие тысячи и миллионы мелких хозяев. Верно, кооперация не допускает ни вполне точного договора и срока с государством, за кооператорами трудно «уследить», но «переход от кооперации мелких хозяйчиков к социализму,—указывает Ленин в той же брошюре «О продналоге»,—есть переход от мелкого производства к крупному, т. е. переход более сложный, но зато способный охватить в случае успеха более широкие массы населения, способный вырвать более глубокие и более живучие корни старых, досоциалистических, даже докапиталистических отношений, наиболее упорных в смысле сопротивления всякой «новизне». И несколькими строчками ниже Ленин указывает, что: «политика кооперативная в случае успеха даст нам подъем мелкого хозяйства и облегчение его перехода в неопределенный срок к крупному производству на началах добровольного объединения».

В этом переходе к крупному производству Ленин отводит большую роль с.-х. кооперации. Уже в 1919 г., выступая на I съезде земельных коммун и с.-х. артелей, он указывает: «Вы конечно знаете из всей деятельности советской власти, какое громадное значение придаем мы коммунам, артелям и всяким вообще организациям, направленным к превращению, постоянному содействию этому превращению мелкого, единоличного крестьянского хозяйства в общественное, товарищеское или артельное». «Значение всех предприятий такого рода громадное,—указывает он дальше,—потому что, если бы прежде, бедное, нищенское крестьянское хозяйство осталось по-

³ Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, с. 219.

старому, тогда ни о какой прочной постройке социалистического общества не могло быть и речи».

И не один раз В. И. подчеркивает значение артелей и общественной обработки земли. Для него развитие новых форм есть путь к другой жизни, другому способу производства. «Жить по-старому, как жили до войны, нельзя,—указывает он,—и такое расхищение человеческих сил и труда, какое связано с мелким отдельным крестьянским хозяйством, дальше продолжаться не может. Вдвое и втрое поднялась бы производительность труда, вдвое и втрое был бы сбережен человеческий труд для земледелия и человеческого хозяйства, если бы от этого раздробленного, мелкого хозяйства совершился бы переход к хозяйству общественному».

Коммуны и артели для Ленина — средство к подъему сельского хозяйства, его социалистического преобразования. Они должны стать наглядным примером для окружающего крестьянства в проведении коллективного земледелия, убеждающим его в необходимости общественной обработки земли. «Во имя этой общественной обработки земли образуются коммуны и советские хозяйства,—указывает он. Значение такого рода хозяйств указано в законе о социализации земли, в той части его, где ставится вопрос, кто может пользоваться землей; вы прочтете, что на первом месте среди лиц и учреждений, которые могут пользоваться землей, стоит государство, на втором — общественные организации, дальше — сельскохозяйственные коммуны и на четвертом месте — сельскохозяйственные товарищества». В приведенной цитате мы имеем уже указание на определенный вырисовывавшийся тогда план. Отмечая необходимость неуклонной и систематической работы за повышение производительности труда, Ленин вместе с тем указывает, что для разрешения этой задачи необходимо применить наилучшие приемы земледелия и привлечь агрономические силы России так, чтобы мы могли использовать все наилучшие поставленные хозяйства, которые до сих пор служили источником обогащения отдельных лиц, служили источником возрождения капитализма, новой кабалы, нового закрепощения наемных рабочих и которые теперь, при законе о социализации и при полной отмене частной собственности на землю, должны служить источником сельскохозяйственного знания и культуры и повышения производительности для всех миллионов трудящихся»⁴.

Сельскохозяйственная кооперация наряду с развитием совхозов должна путем улучшенной постановки дела, объединения крестьянских хозяйств, внедрения механизации превратить эти хозяйства в крупные обобществленные предприятия, переделывающие весь крестьянский уклад и индивидуалистическую психологию мелкого товаропроизводителя. И если на первом этапе нэпа мы почти не встречаемся с прямым указанием на сельскохозяйственную кооперацию, то это объясняется не тем, что она не стояла в поле зрения Ленина, а тем что сельскохозяйственные кооперативы у него неотделимы в этот период от потребительской кооперации, в состав которой они входили. На этом этапе Ленина интересует единая кооперация, его старая мысль о «потребительско-производственных коммунах», идея о которых возникла еще на Копенгагенском конгрессе, название которым он дает в черновом наброске проекта программы

⁴ Ленин, Сбор. соч., т. XV, с. 598.

РКП, внесенном на VII съезде партии, и на что он снова указывает в статье об «Очередных задачах советской власти».

С величайшей заботливостью и внимательностью следит Ленин за первыми шагами кооперации. До каких подробностей доходит его зоркий взгляд показывает его записка к т. Хинчуку, председателю Центросоюза от 29 июля 1921 г.: «Тов. Хинчук, говорят, вы уезжаете, насколько мне известно. Перед отъездом надо, чтобы вы и официально провели «зама» и неофициально сообщили мне, к кому из коммунистов в Центросоюзе и в полне опытных (2-3 чел.) я могу обращаться. Затем вы должны перед отъездом сообщить мне очень кратко, когда же наконец заработает аппарат кооперации. Я понимаю так: 1) во скольких волостях (таких-то губерний) есть лавки (кооп.) и следовательно, ваши торг. агенты, во скольких нет? по сколько на волость? 2) сколько лавок (агентов) отвечают центру аккуратно на все его вопросы, дают отчеты раз в неделю? в 2 недели? 3) сколько волостных лавок получили товары? и какие? (хоть самые краткие ответы) соли?, керосина?, мануфактуры и т. д. 4) сколько ответов насчет размера (могущих быть полученными в обмен на то-то) излишков и сырья у крестьян? хлеб? др. прод. продукты? пром. сырье? и т. д. 5) сколько обменяли за отчетный период? Чего на чего? По-моему, пока нет таких отчетов, ничего нет. Одни разговоры. Жду ответа. С ком. приветом Ленин» (подчеркнуто везде Лениным — В. Т.).

Стоит лишь всмотреться в приведенную записку, чтобы увидеть, что это не только простые вопросы, что за ними стоит план организации работы, директивы для дальнейшего. Здесь и число лавок, и агентура, и порядок обмена, и интерес к результатам его. Каждая такая записка, полученная в Центросоюзе, встречалась как указание, которое должно быть выполнено быстро, решительно и безапелляционно.

И в последующих указаниях мы встречаем ту же внимательность к осуществлению «практической цели». Когда т. Хинчуком была подготовлена к печати книга «Центросоюз в условиях новой экономической политики» (это было в конце 1922 г.), — Ленин указывает в своей новой записке: «Тов. Хинчук, пришлите мне, пожалуйста, корректуру (первую, пусть неисправленную) вашей новой книжки. Нельзя ли было бы (если это не задержит издания, задерживать ни в коем случае не след.) — нельзя ли было бы добавить таблицы о росте оборота по кварталам, о числе мест продажи в деревнях (и по районам), о размерах продажи в деревнях, о проценте расходов (к обороту), о числе служащих и т. п. Вообще мне кажется необходимым иметь точные данные для характеристики того, как глубоко проникает оборот в деревню и как широко и как именно. Если нельзя почему-либо, пришлите пожалуйста мне. С ком. приветом Ленин» (подчеркнуто Лениным — В. Т.).

Результатов товарооборота, первых итогов нэпа, именно этого добивается В. И. В июле он ставит доклад Центросоюза на СНК и озаглавливает вопрос «Первые итоги новой экономической политики», интересуясь каждым фактом, сообщенным на заседании. А факты эти были таковы, что кооперация начала перестраиваться, но еще недостаточно, еще слабо, в ряде районов нерешительно и неуверенно.

Внутри кооперации шел процесс перехода на новые рельсы, но этот переход был нелегким. К 1 января 1922 г. потребительская кооперация имела 24 230 потребительских обществ с 51 985 лавками.

Этот громадный аппарат был приспособлен главным образом к делу распределения продуктов по определенным указаниям и планам. Он работал с неполной нагрузкой. Товарный фонд был слишком мал, чтобы наполнить кооперативные полки. Характерно, что именно в этот момент Центросоюз ведет два учета аппарата своей системы—одного формально числящегося, цифра которого была приведена, и того, который вошел уже в действие в новых условиях и численность которого была на много меньше. Сумма таких действующих потребностей определяется в 15 079 с числом действующих лавок в 19 600. Естественно, что новые условия требовали и перестановки работников на новом этапе. За период между началом июля и 1 октября 1921 г. аппарат губсоюзов сокращается (по данным 48 союзов) на 38%, районных отделений на—33%, потребностей—на 55%.

Вместе с тем внутри потребностей растут так называемые «добровольные объединения». По данным на 1 октября 1921 г. 53 союза сообщают, что в их районах насчитывается 2 273 таких объединения. О числе членов сообщают лишь 33 союза, по данным которых добровольные объединения организовали уже 1 240 тыс. чел. Инициатива идет в первую очередь из городов и рабочих поселков. Деревня дает прирост главным образом в местах, захваченных голодом. Естественно, что эти объединения не могли не войти в противоречие с существующей формой строительства городских и рабочих потребностей. Противоречие толкало последние к ускорению работы, а, с другой стороны, к пересмотру обязательности членства в потребкооперации.

Вопрос о пересмотре обязательности и переходе на добровольное членство начинает постепенно выдвигаться во второй половине 1921 г. Он во весь рост встает в начале 1922 г. За него особенно начинают стоять представители рабочей кооперации. Переход профсоюзов на добровольность членства послужил сигналом к дискуссии. В марте правление Центросоюза (т. Хинчук был в это время за границей) принимает решение об осуществлении добровольности членства в потребительской кооперации и превращении Центросоюза в центр рабочих кооперативов.

Решение было принято большинством против двух (т. Мешерякова и пишущего эту статью). Итти на такой переход при слабости кооперации вообще и крестьянской в особенности—означало на данном этапе нанесение удара начавшему налаживаться товарообмену и экономической смычке города и деревни через кооперацию в меру тех возможностей, какие выявились в этот период.

Ленин был болен, поставить его в известность все же удалось. Поздно ночью был получен его ответ. Это было в марте 1922 г. Записка Ленина дала краткий, но исчерпывающий ответ: «Т о в а р и щ Т и х о м и р о в, по-моему, никаких изменений не нужно. Не кооперацию надо приспособлять нэпу, а нэп к кооперации. Параллель с профсоюзами неверна, ближе была бы к истине—с советами.

Оставить строй прежний. Все внимание и все силы направить на подбор людей (это у нас плохо) и на победу над частной торговлей. Все—на это. Никаких перестроек.

Есть ли практический успех? Боюсь, что нет.

Оборот IX—1, X—3, XI—6, XII—10 милл. довоенных рублей?
а 1—1922 г.?

% расходов? ослабевает, или крепнет местная кооперация?

С ком. приветом В. Ульянов-Ленин».

Ленин за «прежний строй», т. е. за обязательность членства. Эта директива сыграла большую роль. Переход на добровольность членства произошел лишь в конце 1923 г., начале 1924 г., когда в кооперации уже образовалось устойчивое ядро, которое охватывало до 30% членов профсоюзов и до 15% крестьянских хозяйств. Усилилось рабочее и бедняцкое влияние. Окреп и подрос партийный актив, и тогда кризис сбыта потребовал иных методов работы и разрешения вставших перед кооперацией вопросов.

Указания ленинской записки—это часть его кооперативного плана. Приспособьте нэп к кооперации, побеждайте частную торговлю, направьте все внимание на подбор людей—такова директива, а вместе с тем опять тот же «беспокойный» вопрос — «слабеет или крепнет местная кооперация? Есть ли практический успех? Боюсь, что нет».

И так шаг за шагом, из месяца в месяц в практических указаниях, при разборе кооперативных вопросов, при просмотре материалов о работе кооперации, которые постоянно запрашивает В. И., нанизывается одно звено за другим—обрисовывается путь развития кооперации в условиях диктатуры пролетариата. На каждый период революционной борьбы дается директива по организации движения—все это, выделенное в отдельных, в наиболее основных, определяющих огромный путь, «целую эпоху», частях, получает свое выражение в статье «О кооперации».

Ленин снова ставит в этой статье вопрос о «всеобщем», «поголовном» кооперировании. Но это кооперирование и участие не в виде простого, пассивного членства, а активное участие как в самом кооперативном обороте, так и во всей работе кооперации. К своей мысли о кооперировании В. И. возвращается с еще большей настойчивостью и упорством. «В сущности говоря,—указывает он,—кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов. В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства—в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали как торговскую и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения».

Так же, как и в брошюре «О продовольственном налоге», Ленин говорит здесь в большей степени о кооперации мелких товаропроизводителей и о ее роли в переустройстве частнохозяйственных отношений в соответствии с задачами социалистической экономики, набрасывает план построения социалистического общества в условиях диктатуры пролетариата в стране с преобладанием крестьянского хозяйства. И задачи, которые ставит здесь Ленин, уже шире, чем это было в предыдущей брошюре.

Чем же объяснить, что в статье, написанной в конце 1923 г., после того, как августовская партконференция 1922 г. приняла важнейшие решения о роли и задачах кооперации, после прямых указаний XII партсъезда о ее развитии в дальнейшем, Ленин все же ставит снова вопрос о кооперации и не в простой постановке, а как о mogućем тактическом средстве по строительству социализма.

Нам кажется, что в этом случае играют роль две причины. С одной стороны, Ленин завершает в этой статье ход своих теоретических суждений о кооперации в эпоху диктатуры пролетариата, и затем к этому времени кооперация получает такие формы своего развития и достигает таких успехов в итоге правильного руководства партии, которые позволили не только судить о тех или иных положительных или отрицательных сторонах ее работы на данном этапе, но и предопределить пути кооперативного развития в период строительства социализма.

Ленин, как мы уже указывали, очень внимательно следил за каждым явлением, происходящим в кооперации, и за теми процессами развития, которые внутри и во вне ее совершались.

А процессы развития для конца 1923 г. являются крайне характерными. В области потребительской кооперации произошла стабилизация первичной сети. Падение числа обществ и лавок, которое было за предыдущие годы, приостановилось. А падение это было огромно, если принять во внимание те цифры, которые мы указывали выше, и показатели на 1 ноября 1923 г. Действующая фактически сеть кооперативов к этому времени выражалась в 15 062 потребобществ с 22 639 лавками. И, что особенно показательно, деревня начала восстанавливать свои потребобщества. В Москве, губернских городах появились десятки и сотни ходяков с ходатайством об открытии у них кооперативов. Несмотря на падение валюты в существующих потребобществах началось оздоровление. Собственные капиталы союзов уже 1 января 1923 г. достигают 43 229 тыс. руб. (в золотых рублях), по низовой сети сельской — 4 428 670 руб. и по городской — 17 832 100 руб. Общая сумма собранных паевых капиталов определяется в 4 826 541 руб. Переход на добровольность членства, еще не законченный к этому времени, показывает на 1 августа 1923 г. уже 5 532 374 чел. пайщиков. Ставится задача довести к концу года кооперирование до 15% всех крестьянских хозяйств. По кооперированию членов профсоюзов достигнута больше. В среднем по 50 ЦРК и СПО средний процент кооперирования доходит до 48,2%, а в основных промышленных районах он достигает уже 80 — 87%. Вводится материальная заинтересованность членов за участие в обороте, начинается ставиться культурно-воспитательная работа. Вырастает товарооборот. Усиливается в кооперации партийный актив, выросший на уроках выполнения задач торговообменного характера. Так, в составе городских кооперативов в правлениях процент коммунистов составляет 45, в сельских — 27, в союзах потребкооперации — 71,6.

Ту же картину роста мы имеем в сельскохозяйственной кооперации. Уже к началу 1923 г. она имеет 25 тыс. кооперативов, объединенных в 341 губернских и районных союзах. В центре организован центральный орган — Сельскосоюз и два специальных центра: Льноцентр и Союзкартофель. 10% крестьянских хозяйств охватывается кооперированием к этому времени сельскохозяйственной кооперацией. Продолжается рост с.-х. коллективов, которых на 1 января считалось по данным НКЗ — 12 773, из них коммун — 1 808, артелей —

7 356 и товариществ по общественной обработке земли—3 609. Кроме того на Украине к концу 1923 г. возникло 5 105 колхозов. Общее число душ населения, объединяемого колхозами, выражается по сведениям Наркомзема по 54 губ. РСФСР на 1 января 1924 г. цифрой 500 558; число членов в среднем на 1 колхоз по данным Сельскохозяйственного союза, выражается в 21, причем для коммун—27, артелей—22 и товариществ—19. Эта новая форма начала завоевывать себе место. Необходимы были материальные предпосылки для их дальнейшего развития в последующем.

Новая экономическая политика дала толчок развитию и кустарно-промысловой кооперации. Число артелей к концу 1923 г. определяется в 18 тыс., из них около 4 500 вошло в состав кооперативных союзов, число которых в начале 1924 г. составляло 184. Если принять во внимание, что в начале 1914 г. число промысловых кооперативов исчислялось лишь в 468, а к 1 января 1919 г.—в 780, то приведенные показатели развития промысловой кооперации в первый период нэпа станут сами по себе достаточно очевидными, как и та роль, которую сыграла новая экономическая политика для развития этого вида кооперации.

Возник к этому времени и новый вид кооперации—жилищный.

Мы не имеем возможности подробно останавливаться на более полной картине положения кооперации к моменту появления ленинской статьи «О кооперации», но и приведенные данные показывают, что кооперация в то время уже достигла такой ступени, которая позволяла говорить о большей ее роли в народном хозяйстве страны и в осуществлении основной задачи—строительства социализма, чем это было в начале нэпа.

В своей статье «О кооперации» Ленин снова возвращается к определению понятия кооперативного предприятия. «При частном капитализме.—указывает он,—предприятия кооперативные отличаются от предприятий капиталистических, как предприятия коллективные от предприятий частных. При государственном капитализме предприятия кооперативные отличаются от государственно-капиталистических, как предприятия частные, во-первых, и коллективные, во-вторых. При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частнокапиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу».

Этому последнему положению Ленин придает особое значение. Отсюда у него выдвигается момент о «тождественности с ростом социализма». Отсюда на новом этапе нэпа он указывает на необходимость «полного кооперирования» этой культурной работы для крестьянства». Но это кооперирование требует и более высокого качества работы. Быть «культурным и грамотным торгашом». Торговать не «по-азиатски, а по-европейски», «цивилизованно». Поднимать грамотность. Переходить на более высокую степень развития, более высокую форму и организацию работы. Ленин прекрасно понимает, что «достигнуть через нэп участия в кооперации поголовно всего населения сразу невозможно, что для этого требуется целая историческая эпоха». «Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия»—указывает Ленин в этой статье. Он подчеркивает, что для того, чтобы стать вполне социалистической страной, «нужно из-

вестное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база».

Отмечая это, необходимо вместе с этим указать на одно из главнейших условий, с которыми тесно и неразрывно увязан ленинский кооперативный план. Это условие заключается в укреплении и развитии ведущей роли промышленности, в индустриализации страны, ибо «единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие». «Крупная промышленность, — указывает Ленин, — единственное средство спасти крестьянство от нужды и голода»⁵.

Подвести техническую базу современного крупного производства под промышленность, сельское хозяйство и транспорт, вывить экономическую базу у капитализма в России, опирающегося на мелкое хозяйство и на мелкое производство, «рождающего капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе»⁶ — так поставлена задача. В нэпе была сделана «уступка крестьянину как торговцу, уступка принципу частной торговли». В определенной степени были развязаны пути к возрождению мелкой буржуазии и капитализма, но с тем, чтобы, опираясь на диктатуру пролетариата, укрепляя командные высоты, индустриализируя страну, начать новое и решающее наступление. Это наступление необходимо и возможно было сделать в союзе рабочего класса с крестьянством. «Мы строим свою экономику в связи с крестьянством, — указывает Ленин на XI съезде партии в 1922 г., — мы должны ее переделывать неоднократно и устроить так, чтобы была смычка между нашей социалистической работой по крупной промышленности и сельскому хозяйству и той работой, которой занят каждый крестьянин и которую он ведет так, как он может, выбиваясь из нужды, не мудрствуя».

Укрепить смычку между городом и деревней, усилить пролетарское руководство над ней, встать во главе крестьянской массы, опираясь на бедноту, начать «по мере победы пролетарского движения в деревне переходить систематически к коллективному общественному землевладению и к общественной обработке земли»⁷, — так ставит вопрос В. И. Ленин.

Этот путь обобществления и коллективизации обуславливается Лениным рядом условий: «Переход к этой коллективной форме земледелия, к общественной обработке земли, к советским хозяйствам, к коммунам невозможен сразу; тут требуется упорное и настойчивое воздействие советской власти... мы хотим больше всего силой примера, силой привлечения к улучшенному хозяйству действовать на массу средних крестьян и рассчитываем лишь на постепенное действие такого рода мер для этого глубокого и важного переворота в хозяйстве земледельческой России». Среднему крестьянину мы говорим: «Ни о каком насильственном навязывании перехода к социализму не может быть и речи», но надо это дать ему понять. Надо уметь это сказать на языке, наиболее крестьянину понятном. «Здесь может быть только действие примером, удачной постановкой общественного хозяйства»⁸.

⁵ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, с. 316 и 334.

⁶ Там же, т. XVII, с. 118.

⁷ Там же, т. XV, с. 578.

⁸ Там же, т. XVI, с. 376—377.

Ленин учитывает, что сам этот переход неизбежно связан с ожесточенной борьбой с кулачеством, что кулаки, пользуясь раздробленностью и распыленностью бедноты, будут стараться влиять на нее, перетянуть на свою сторону середняка, натравливать крестьян на рабочих, действуя всеми мерами, какие доступны кулачеству.

«Кулак — бешеный враг советской власти», — указывает Ленин. «Кулаки — самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры, не раз восстанавливающие в истории других стран власть помещиков, царей, капиталистов», — отмечает он ниже. «Кулака можно и легко помирить с помещиком, царем, попом, даже если они поссорились, но с рабочим классом никогда». «Беспощадная война против этих кулаков»⁹, — так формулирует задачу В. И. Жизнь, как мы теперь уже убедились, полностью и целиком подтвердила ту характеристику, какую Ленин давал в отношении сопротивления кулака мероприятиям партии и советской власти по коллективизации деревни.

Итак, ленинский кооперативный план при нэпе — это план упорной, кропотливой работы партии по укреплению союза пролетариата и крестьянства, вовлечению бедноты и середняка в социалистическое строительство, ликвидации кулачества как класса при создании базы крупного хозяйства и осуществлению коллективизации сельского хозяйства. Это план переделки существовавших ранее производственных отношений, базирующихся на частной собственности, план культурного перевоспитания деревни.

Путь вовлечения крестьянских хозяйств в социалистическое русло — «это есть путь массового кооперирования миллионов крестьянских хозяйств по всем линиям кооперации путем объединения распыленных крестьянских хозяйств вокруг социалистической индустрии, путем насаждения начал коллективизма среди крестьянства сначала по линии сбыта продуктов земледелия и снабжения крестьянских хозяйств городскими изделиями, а потом по линии с.-х. производства. И чем дальше, тем больше этот путь становится неизбежным в обстановке диктатуры пролетариата, ибо кооперирование по линии сбыта, кооперирование по линии снабжения, наконец кооперирование по линии кредита и производства (с.-х. товарищества) является единственным путем подъема благосостояния деревни, единственным средством спасения широких масс крестьянства от нищеты и разорения»¹⁰.

А массовое кооперирование крестьянских хозяйств при главенстве социалистической промышленности — это «означает, — указывает дальше Сталин, — отход от старого капиталистического пути, чреватого разорением крестьянства, и переход на полный путь развития, на путь социализма».

Десять лет отделяют нас от дней, когда партия приняла основные положения новой экономической политики. Неуклонно, шаг за шагом, из года в год она проводила в жизнь начала ленинского кооперативного плана, добиваясь каждый раз, несмотря на неисчислимые трудности, новых побед и успехов. Много раз партии и ее ленинскому ЦК приходилось бороться с попытками ревизии ленинского плана, с неправильным его толкованием, с попытками навязать понятия, ничего общего с ленинизмом не имеющие. Троцкизм, платформа 15-ти, правые, «левые» группировки, словом каждая оппозиция, борясь с партией, с ее ЦК, выдвигала на пересмотр в своем освещении отдель-

⁹ Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 2, 256—257.

¹⁰ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 1930, с. 284.

ные вопросы ленинского кооперативного плана, и каждый раз, давая отпор неправильным и паническим пророчествам, партия, борясь на два фронта, выходила с новыми силами и новыми достижениями.

Достижения партии за 10 лет на кооперативном фронте говорят сами за себя. К ним нечего прибавлять. В самом деле, что мы имеем на пороге второго десятилетия нэпа, когда завершается построение фундамента социалистической экономики?

В области потребительской кооперации в результате правильной политики партии в деле подъема народного хозяйства и переделки его на социалистических основах мы имеем охват кооперированием 61,2% взрослого населения. Число пайщиков достигает огромнейшей цифры в 56 млн. человек, план на 1931 г. определяет размер кооперированной массы в 80 млн. человек. Удельный вес потребительской кооперации в розничном товарообороте страны за 1930 г. составлял 68,8%, а вместе с государственной торговлей оборот обобщественного сектора составляет уже 94,4%. Это означает, что мы добились решающих успехов в деле установления торговой смычки между социалистической промышленностью и крестьянским хозяйством, вопрос «кто — кого» в этой области в основном решен, и партия добилась вытеснения частнокапиталистических элементов из товарооборота. Одновременно мы имеем успех и в увеличении собственных средств кооперации, достигших крупных размеров (1 900 млн. руб.). Выросло общественное питание и механизированное хлебопечение. Поднимается новое дело по развитию пригородного хозяйства. Еще в большей степени развернулся торговый кооперативный аппарат (158 тыс. лавок к концу 1930 г.). Эти успехи за последний период вызвали ряд неправильных установок в печати, требующих перехода к прямому продуктообмену и прямому распределению. Авторы этих статей не учли того, что еще очень большая часть крестьянских хозяйств в колхозы не влилась и что как у этой части, так и у самих колхозников еще существует наличие определенной доли продукции, которая может быть вовлечена в обобщественное русло через торговлю, и что развитие и дальнейшее укрепление производственной смычки отнюдь не исключает смычки через торговлю, как и не может быть противопоставлено ей.

Необходимо отметить еще один крайне важный момент, подчеркнутый т. Сталиным на XVI съезде партии. «Выходит,—указывает он в своем докладе,— что кооперация действует в данном случае не как социалистический сектор, а как своеобразный сектор, зараженный неким нэпманским духом». Речь идет о плохом снижении цен, о недоснабжении рабочих со стороны потребительской кооперации с.-х. продуктами, торговле более «доходными» товарами и т. д.

Добившись исключительного, почти монопольного положения, потребительская кооперация не сумела еще провести того, что Ленин называл культурной торговлей. «Под умением быть торгашом,—указывал Ленин,— я полагаю умение быть культурным торгашом. Это пусть намотают себе на ус русские люди или просто крестьяне, которые думают: раз он торгует, значит умеет быть торгашом. Это совсем неверно. Он торгует, но от этого до умения быть культурным торгашом очень далеко. Он торгует сейчас по-азиатски, а для того, чтобы уметь быть торгашом, надо торговать по-европейски. От этого его отделяет целая эпоха».

Эта культурная торговля в существующих советских условиях означает прежде всего такую организацию дела, которая бы отвечала

тем задачам, которые выдвинули партия и рабочий класс на данном этапе, и такую организацию торговли, которая бы соединяла в себе все достижения торговой техники с осуществлением целевых заданий государства, строящего социализм.

Центр тяжести всей работы потребительской кооперации переносится на данном этапе на оживление товарооборота, на усиление качественных показателей, на вовлечение масс, на решительную перестройку работы применительно к задачам индустриализации и ударным темпам промышленного строительства, к задачам наилучшего обслуживания нужд рабочего класса и борьбы за повышение заработной платы путем снижения цен и наиболее полного охвата бюджета рабочих. Внимание потребкооперации должно быть направлено на увязку снабжения с выполнением производственных планов промышленности, с переустройством сельского хозяйства, с задачами, указанными партией на декабрьском пленуме ЦК и в решениях XV Всероссийского съезда советов.

Увязать свою работу с осуществлением пятилетки в четыре года, повернуться лицом к производству, опереться на массу означает для потребкооперации полную перестройку ее работы и тех методов и практики, которые сложились в ее системе.

В этой связи обращение ЦК, Совнаркома и Центросоюза, опубликованное в печати 12 мая 1931 г., имеет особо большое значение. Обращение ставит резкую грань между прошлой деятельностью и тем новым этапом, в который оно вступает. Оно бьет по «левацким» загибам и стремлениям перескакивания к прямому продуктообмену, переоценки имеющихся достижений и как следствие отсюда, — забвению интересов потребителя, правильного его снабжения, осуществления хозрасчета и т. д.

Но перестроить, — это не только ударить по левым «заскокам», это означает добиться наиболее высоких темпов в работе, отвечающих темпам строительства социализма, тем ответственнейшим требованиям, которые предъявляются к кооперации в период завершения постройки фундамента социалистической экономики. А это требует самой твердой и непреклонной борьбы с бюрократизмом, с теми недочетами, что мешают подняться на более высокую ступень, борьбы с правым оппортунизмом, игнорирующим те огромные сдвиги, которые произошли в стране, стремящимся сохранить организационные формы построения и методы работы по старинке. Оппортунизмом на деле, часто поддерживающим «левацкие» настроения, бюрократическую централизацию торговли, не видящего, что эта централизация ведет к неповоротливости, «замораживанию» товарооборота, созданию искусственного безтоварья, увеличению товарных остатков на складах и ставящего самого потребителя в такое положение, при котором он не может проявить свои творческие силы, наладить контроль над кооперацией, в результате чего кооперация отрывалась от своей массовой базы, ослабляя общественность, принцип выборности, что давало возможность вредительским, классово-враждебным элементам и бюрократам безнаказанно проводить долгое время свою политику.

Обращение изменяет существующее положение. Оно ставит задачу перестройки кооперации в направлении упрощения и улучшения руководства, осуществления специализации и обслуживания потребителя. Реорганизуется Центросоюз путем создания оптовых отраслевых, действующих на основе хозрасчета объединений, и создания ряда авто-

номных кооперативных секций при нем. Реорганизуются его республиканские, краевые и областные объединения. Увеличивается сеть новых магазинов.

Потребительская кооперация освобождается от ряда несвойственных ей функций. Наряду с этим усиливается ее роль в заготовительной деятельности, которая в связи с данным обращением должна приобрести широкий характер. Отменяется показавшая отрицательные стороны практика нормирования и бронирования товаров за исключением незначительной группы. Вводится система премирования за перевыполнение качественных показателей торгфинплана, ускорение товарообращения, сокращение расходов, мобилизацию средств, кооперирование и снижение убыли и потерь товаров.

Выполнение обращения требует новых кадров, и потому не случайно оно ставит вопрос о переподготовке в 1931 г. не менее 150 тыс. человек особенно нужных профессий. Обращение по-новому ставит задачи работы партийных и профессиональных организаций в потребкооперации, что поведет не только к улучшению работы, но и к коренной ее переделке, к реорганизации всей системы потребкооперации в соответствии с новыми задачами. По существу обращение, подводя черту старому этапу, переводит всю работу потребительской кооперации на новые рельсы, ставит ее перед новыми задачами в соответствии с гигантскими темпами, осуществленными рабочим классом в Советском Союзе.

В своем докладе на XV съезде партии т. Сталин, отмечая успехи в области торговой смывки, вместе с тем указал, что теперь вопрос «кто — кого» приобретает уже другой характер. Теперь этот вопрос переносится из области торговли в область производства, в область производства кустарного, в область производства сельскохозяйственного, где частный капитал имеет свой удельный вес и откуда его нужно систематически вытеснять. Задача партии — расширять и укреплять наши социалистические командные высоты во всех отраслях народного хозяйства как в городе, так и в деревне, держа курс на ликвидацию капиталистических элементов в народном хозяйстве.

Что же мы имеем в этой области и в первую очередь по линии развития другой системы кооперации — по линии колхозов? Свыше половины крестьянских хозяйств, объединенных в колхозы, — таков итог. Успехи коллективизации позволили партии перейти от политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов к политике ликвидации на базе сплошной коллективизации кулачества как класса и наметить программу вовлечения половины крестьянских хозяйств в колхозы уже в текущем году с тем, чтобы завершить в основном коллективизацию к концу пятилетки.

Фактом огромнейшего значения является объединение в колхозы 67% бедняцких и середняцких хозяйств по основным и 35% по остальным зерновым районам, и 19% по потребляющей полосе. Фактом является, что 85 тыс. крупных коллективных хозяйств засеяли весной 1930 г. 32,8 млн. га и что в этом же году товарная продукция зерновых культур превышает в 3½ раза размеры товарного внедеревенского хлеба кулаков в 1926/27 г. и больше чем в 1,6 раза довоенную товарную продукцию помещичьего хозяйства.

Фактом теперь является выполнение решения декабрьского пленума ЦК о коллективизации в 1931 г. не менее половины крестьянских бедняцких и середняцких хозяйств. Подъем масс, введение сдельщины, борьба за уплотненные сроки, использование накопившегося

за прежние посевные кампании опыта дают возможность предполагать, что эта весна даст нам еще более высокие показатели, свидетельствующие о правильности генеральной линии партии.

Во всей своей силе сказываются преимущества крупного товарищеского, артельного объединения во всех областях работы. Решающую роль начинает играть механизация сельского хозяйства, которая может быть доступна лишь при коллективном пользовании. 1 400 машинно-тракторных станций с тракторным парком в 1 млн. лошадиных сил, сотни миллионов рублей, которые идут через колхозы крестьянству в виде с.-х. машин, удобрений, улучшенных и сортовых семян, являются лучшими показателями по выполнению партией указаний Ленина «о поддержке кооперативного строя»; о переделке мелкого и мельчайшего хозяйства «при помощи общего артельного, товарищеского труда». Разрешение намеченных партией в области коллективизации задач является победой всемирно исторического значения.

Имеем мы успехи и по линии кооперации кустарно-промысловой. В. И. Ленин в свое время указывал, что «промысловая кооперация поможет развитию мелкой промышленности, которая увеличит количество необходимых для крестьян продуктов, не требующих большей частью ни дальнего подвоза по железным дорогам, ни крупных фабричных заведений. Надо всеми мерами поддерживать и развить промысловую кооперацию, оказать ей всяческое содействие, это обязанность партийных и советских работников, ибо это сразу даст облегчение крестьянству и улучшит его положение»¹¹.

Промысловая кооперация закончила 1930 г. числом пайщиков в 2 081 тыс. чел., с размером продукции в 2 890 млн. руб. и свыше 19 тыс. первичных кооперативов, объединенных в 385 союзах, — таковы итоги истекшего года, 3 626 тыс. кооперированных и 5 155 млн. руб. продукции — такова программа на 1931 г. Фактором огромнейшего значения является коллективизация по этой системе в артелях с общей мастерской, где обобществлены капиталы, орудия и средства производства и нормирован труд. На 1 января 1931 г. в общих мастерских работало 923 тыс. человек, или 52,5% к общему составу кооперированной массы, план текущего года намечает довести общее количество занятых в обобществленном секторе лиц до 1 727 тыс., или до 62,5% от всего числа кооперированной массы, причем уже около миллиона человек будут работать в ценовых предприятиях. Благодаря разделению труда и проведенной механизации общие мастерские повышают резко производительность труда, в силу чего три четверти всей продукции промкооперации падает на обобщественный сектор и лишь одна четверть — на работающих на дому.

По линии промысловой кооперации на новом этапе мы встречаемся также с рядом характерных моментов. Вытеснив с основных позиций частника — мелкого промышленника, заняв в ряде отраслей преобладающее значение, промысловая кооперация вместе с тем не возместила в необходимых размерах его производства и не восполнила до чрезвычайности выросшего спроса на ее продукцию, что создало обострение на товарном рынке. Искривления в хозрасчете, централизация, планирование всех статей баланса из центра повели к потере инициативы кооперированной массы по развертыванию новых производств, не предусмотренных планами, а также и к разрешению су-

¹¹ Ленин, Собр. соч., т. XX, ч. 2, с. 466.

дествующих. В области промысловой кооперации, так же как и в потребительской, встал во весь рост вопрос об изменении существующих организационных форм и методов работы в соответствии с задачами социалистического строительства на современном этапе.

Поднялась и встала на ноги жилищная кооперация. За 6 лет своего существования жилищно-арендная кооперация к 1 января 1930 г. создала 4 044 укрупненных кооператива с членской массой в 1 250 тыс. чел. и с населением в 3 750 тыс. Площадь, занимаемая жилищно-арендной кооперацией, по отношению к муниципальному жилому фонду составляет 70%, на капитальный ремонт арендной кооперацией затрачено свыше 100 млн. руб.

Но особенно показательным является развитие жилищно-строительных кооперативов. На 1 января 1931 г. их число выросло до 1 180, объединив собою до 400 тыс. чел., а с семейными 1 200 тыс. чел. В это строительство вложено 538 млн. руб. и отстроено около 3 500 тыс. квадратных метров площади, главным образом в индустриальных центрах. Свыше 80% общего числа членов жилищно-строительных кооперативов составляют рабочие и служащие с заработком до 150 руб. в месяц. Наряду с объединением в жилкооперативы идет работа по переустройству быта и улучшению культурно-бытовых нужд, на которые отчисляется до 10% от валовой доходности домовладений и до 12% от получаемых кредитов.

Даже при простом и беглом взгляде на приведенные цифры можно видеть, насколько велики успехи партии в осуществлении ленинского кооперативного плана за первые десять лет нэпа. Все что создано за многие десятки лет западноевропейским и всем мировым кооперативным движением, бледнеет перед этими данными, вместе с тем и сказывается несостоятельность кооперативных теорий буржуазии о «социалистической» роли кооперации в условиях капитализма. Только при победе пролетариата кооперация получает возможность своего развития. Это доказано на опыте истекшего десятилетия. Задача предстоящих лет состоит в том, чтобы закрепить эти успехи и еще быстрее продвинуться по намеченному В. И. Лениным пути. «Мы вступили в период социализма, — сказал в своем выступлении т. Молотов, — но вместе с тем мы не изжили еще и нэпа с его особенностями».

Учитывая эти особенности, на основе ленинского кооперативного плана, под руководством партии и ее ленинского ЦК, кооперация будет и должна добиваться новых, решающих успехов по строительству социалистической экономики.

Ю. ГОЛЬДШТЕЙН

МОНОПОЛИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ И НЭП

Было бы неправильно считать начало новой экономической политики началом советской внешней торговли: последняя началась гораздо раньше. Еще во время военного коммунизма и в период, предшествовавший военному коммунизму, советская власть прилагала все свои усилия к тому, чтобы всеми доступными ей средствами восстановить прерванные империалистической и гражданской войнами экономические связи. Но они увенчались очень скромным успехом и не по вине советской власти. Это были отдельные, разрозненные торговые сделки, которые носили случайный характер, и торговля шла по чрезвычайно узким, непривычным для мирского хозяйственных связей торговым путям, это была своеобразная «контрабанда», прорывы блокады и торговля с лимитрофами, заключившими первые мирные договоры с Советской республикой и мечтавшими стать единственным каналом для сближения капиталистического мира с отрезанной от всего остального мира Страной советов.

Одним из первых декретов Октябрьской революции было постановление Совета народных комиссаров, согласно которому товары могут быть вывезены за границу или ввезены из-за границы только с разрешения, выдаваемого государственной властью в лице Народного комиссара торговли и промышленности, т. е. на основе разрешительнo-запретительной системы. Подобно тому, как и в других областях хозяйственного строительства государство начинало с контроля и регулирования деятельности капиталистических предприятий и во внешней торговле, которая в начале еще не была изъята из частного торгового оборота. Но эта система ведения внешнеторговых операций реальных результатов не дала. Она натолкнулась, как и рабочий контроль, на саботаж буржуазии. Государство само должно было взять на себя заботу о восстановлении экономических связей с заграницей. Еще во время брестских переговоров наша делегация неоднократно подымала вопрос об урегулировании экономических взаимоотношений, и после заключения брестского договора в Берлине заседала смешанная финансово-экономическая комиссия, результатом работ которой явился добавочный договор к мирному договору между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с одной стороны, и Россией, с другой стороны, заключенный 27 августа 1918 г. и ратифицированный ВЦИК 2 сентября 1918 г. В этот короткий промежуток времени заключено было несколько договоров с группой шведских и датских фирм на началах товарообмена. Но результаты этих торговых сношений были мизерные, потому что многие пароходы («Коммунист», «Республиканец», «Лассаль», «Циммервальд»), отправленные с

советским льном и пенькой в Швецию, захвачены были временным правительством Эстонии. Осенью 1918 г. уже началась блокада, официально проводимая Антантой и отмененная советом Антанты в Париже лишь 16 января 1920 г. после героических побед советских рабочих и крестьян на всех фронтах и настойчивых требований известной части буржуазии о возобновлении торговых сношений с Советской республикой.

4 февраля 1920 г. был заключен первый мирный договор с Эстонией. Вслед за ним, в 1920/21 г., были заключены мирные договоры с Литвой, Латвией, Финляндией и Польшей. В Ревеле, Риге, Ковно, Варшаве и Гельсингфорсе были открыты первые торговые представительства. Империалистические державы пытались превратить эти лимитрофные страны в «торговые подворья», куда советские органы завозили бы свои товары для обмена на товары других стран, пытались вести с ними торговлю на самой границе, на «товарообменных пунктах», и возродить в XX веке чуть ли не торговлю ганзейского типа.

К тому еще совет Антанты, «снимая» официально блокаду («фактически она продолжалась все время, принимая лишь другие формы»), предлагал вести внешнюю торговлю через голову советского правительства непосредственно и исключительно с кооперацией. Это была первая попытка бойкота монополии внешней торговли в международном масштабе. Советское правительство ответило на эту попытку срыва монополии внешней торговли тем, что оно делегировало в Лондон и Стокгольм для переговоров таких известных «кооператоров», как гг. Красин, Каменев, Литвинов и др. «Центросоюз» служил долгое время тем «тройным конем», на котором торговые представители советского правительства въезжали во вражеский лагерь. Но этот путь не мог удовлетворить импортных нужд страны, и лимитрофы не могли служить сколько-нибудь серьезными рынками для реализации экспортных товаров Советской республики.

На X съезде партии, который служил поворотным пунктом в истории советской экономической политики и на котором Ленин выступил с докладом, послужившим обоснованием нэпа, Ленин одновременно с этим в политическом отчете ЦК подчеркивал, что «наш экономический кризис так глубок, что своими силами восстановить разрушенное хозяйство без оборудования и технической помощи из-за границы мы не можем», и «конечно нам обойдется очень дорого такая вещь, но иного выхода, поскольку мировая революция заставляет себя еще ждать, нет. Иной возможности подтянуть свою технику до современного уровня у нас нет»¹.

На том же съезде было постановлено: «возможность новых, основанных на договорах и соглашениях, отношений между Советской республикой и капиталистическими странами должна быть использована в первую очередь для поднятия производительных сил республики, для улучшения положения главной производительной силы — рабочего класса»².

С этого момента советская внешняя торговля вступила на широкий путь своего развития.

¹ Ленин, Собр. соч., т. XXVI, с. 213.

² „ВКП(б) в резолюциях и постановлениях“, изд. Гиз, 1927, с. 326.

Не история внешней торговли нас в данном случае интересует, хотя рассеять широко распространенное мнение о том, что советская торговля началась с введением нэпа, является необходимым для правильного понимания всей экономической политики советской власти и в особенности политики на фронте сношений с капиталистическим окружением, как и выяснение тех мотивов, которыми она руководствовалась, при введении системы монополии внешней торговли. Советская внешняя торговля еще ждет своего историка. Совершенно непростительным является то, что на том участке строительства, где советская власть впервые в мире осуществляет принципы ведения экономических сношений между двумя враждебными, борющимися системами хозяйства, пройденный исторический путь до сих пор не изучен и научно не освещен. В этом очерке мы попытаемся лишь теоретически осмыслить сущность монополии внешней торговли и выявить ее связь с новой экономической политикой. Само собой разумеется, что принципы этой системы могут быть осознаны лишь на канве конкретной исторической действительности, и поэтому нам придется в тех или иных случаях возвращаться к истории.

Что представляет собой сущность монополии внешней торговли? Какие цели и задачи она преследует и на каких принципах она зиждется? В какой мере она их осуществляет и какую роль она играла на различных этапах развития нэпа вплоть до последнего, до этапа завершения постройки фундамента социалистической экономики?

Декрет о национализации внешней торговли от 22 апреля 1918 г. гласил: «Торговые сделки по покупке и продаже всякого рода продуктов с иностранными государствами и отдельными торговыми предприятиями за границей производятся от лица республики специально на то уполномоченными органами. Помимо этих органов всякого рода торговые сделки с заграницей по ввозу и вывозу воспрещаются».

В декрете СНК от 11 июля 1920 г. об организации внешней торговли и товарообмена РСФСР говорится: «Заведывание национализированной внешней торговлей возлагается исключительно на Народный комиссариат внешней торговли, которому как единственному (разрядка наша—Ю. Г.) уполномоченному на то органу республики принадлежит исключительное право... проводить все мероприятия и осуществлять все операции, связанные с ввозом и вывозом товаров».

Первый пункт декрета от 13 марта 1922 г. имеет следующую формулировку: «Внешняя торговля РСФСР является государственной монополией».

С тех пор как наша партия и советская власть неоднократно подтверждали в целом ряде заявлений и решений необходимость монополии внешней торговли, последняя стала неотъемлемой частью диктатуры пролетариата и включена в конституцию Советского Союза.

Но какое содержание мы вкладываем в определение системы монополии внешней торговли? В чем заключается ее социально-экономическая сущность? Какие формы соответствуют этому содержанию?

На XIV съезде т. Сокольников, выступая по вопросу о госкапитализме и социализме, говорил: «Но я беру не только область промышленности, я спрашиваю вас всех, как организована наша внеш.

няя торговля? Наша внешняя торговля ведется как государственно-капиталистическое предприятие»³. Не только ведется, но, сравнивая монополию внешней торговли с железными дорогами и Государственным банком, т. Сокольников говорил в той же речи: «И вот я спрашиваю вас: с того момента, как железные дороги, бывшие государственным предприятием при царе, переходят в руки новой власти, рабочей власти, что с этого момента железные дороги в самом деле становятся социалистически организованной хозяйственной единицей? Нет!». отвечает Сокольников. Он не признает за монополией внешней торговли, железными дорогами и Государственным банком, как и за всей национализированной промышленностью, характера предприятий последовательно социалистического типа.

Это было мнение не одного т. Сокольникова, а ленинградской и всей троцкистской оппозиции.

Такое же мнение о характере советской внешней торговли до сих пор широко распространено за границей в буржуазных и социал-фашистских кругах. Те буржуазные экономисты, которые рассматривают социалистическое строительство в СССР, его индустриализацию и коллективизацию и плановое хозяйство как «гигантские эксперименты», не понимают социалистического характера их и расценивают наши государственные предприятия во всех областях хозяйства как госкапиталистические предприятия⁴.

Понять характер советской внешней торговли даже немного труднее, чем характер советской промышленности, внутренней торговли, транспорта и банковской системы, которые почти целиком и полностью оперируют в хозяйстве, и в котором средства принадлежат пролетариату, в то время как внешнюю торговлю СССР приходится осуществлять в странах, в которых господствует капиталистический способ производства, считаясь с условиями капиталистического рынка. Органам монополии внешней торговли приходится вести свои операции в двух сферах, в двух системах — в системе экономики строящегося социализма и в системе капиталистического хозяйства, и даже больше того, на стыке интересов в двух противоположных, борющихся между собой систем.

Это значит, что категории монополии внешней торговли в условиях советского хозяйства принимают соответствующий характер, а в своем дальнейшем осуществлении в условиях капиталистического хозяйства трансформируются и принимают иной характер.

На XIV съезде т. Сталин говорил:

«Мы работаем и строим в обстановке капиталистического окружения. Это значит, что наше хозяйство и наше строительство будут развиваться в противоречии, в столкновениях между системой нашего хозяйства и хозяйства капиталистического. Этого противоречия нам не избежать никак. Это есть рамки, в пределах которых должна протекать борьба двух систем: системы социалистической и системы капиталистической. Это значит кроме того, что наше хозяйство должно строиться не только в его противопоставлении во вне хозяйству капиталистическому, но и в противопоставлении различных элементов внутри нашей страны, в противопоставлении социалистических элементов, элементам капиталистическим.

³ Протоколы XIV партсъезда, с. 329.

⁴ Мы имеем в виду работы Фейлера, Поллока и русского меньшевика Югова, которые появились в Германии. Критику их мы дали в журнале „Unter dem Banner des Marxismus“ № 1, 1931.

Отсюда вывод: мы должны строить наше хозяйство так, чтобы наша страна не превратилась в придаток мировой капиталистической системы, чтобы она не была включена в общую систему капиталистического развития как ее подсобное предприятие, чтобы наше хозяйство развивалось не как подсобное предприятие мирового капитализма, а как самостоятельная экономическая единица, опирающаяся главным образом на внутренний рынок, опирающаяся на смычку нашей индустрии с крестьянским хозяйством нашей страны».

Эти начала, высказанные т. Сталиным, заложены в системе монополии внешней торговли. Эти задачи определяют характер и направление развития ее.

Многие полагают, что разница между системой капиталистической внешней торговли и системой монополии внешней торговли заключается только в организационных формах: в одном случае торговые операции ведут частнокапиталистические предприятия, в другом — государство. Глубоко ошибочным является такой вывод. Разница в экономике двух систем определяет разницу в тех целях и задачах, которые осуществляет внешняя торговля каждой из этих систем. В условиях капиталистического хозяйства внешняя торговля служит средством извлечения прибыли, средством расширения сферы сбыта товаров и захвата источников сырья с той же целью увеличения прибыли. Маркс рассматривает внешнюю торговлю как фактор, противодействующий тенденции нормы прибыли к понижению. «Внешняя торговля, — пишет Маркс, — способствует повышению нормы прибыли, так как повышает норму прибавочной стоимости и понижает стоимость постоянного капитала»⁵. Продажа товаров за границей по более высоким ценам, чем внутри страны, дает возможность капиталистам одной страны присваивать часть прибавочной стоимости, создаваемой в другой стране (демпинг — продажа по пониженным ценам преследует ту же цель увеличения прибыли, но достигает этого обратным порядком: повышенная прибыль на внутреннем рынке покрывает с излишком убытки на внешнем рынке), покупка за границей по пониженным ценам (сырье, оборудование) понижает стоимость постоянного капитала и увеличивает норму прибыли. В этом направлении действует вообще внешняя торговля, «открывая возможность расширять размеры производства», — пишет Маркс⁶.

Этих функций не выполняет внешняя торговля страны строящегося социализма, и таких задач она не преследует. Ведя торговлю с капиталистическим миром, СССР не стремится извлекать прибыль из внешнеторговых операций, ни увеличивать норму прибавочной стоимости, которая вообще не присуща социалистическому хозяйству, ни противодействовать тенденции падения нормы прибыли, которая является законом капиталистической, а не социалистической системы хозяйства. Внешняя торговля социалистической системы хозяйства со странами капиталистической системы преследует совершенно иные цели: СССР ввозит то, что страна вообще не в состоянии производить или не в состоянии производить в надлежащем количестве и в требуемые сроки. СССР ввозит почти исключительно средства производства (машины, оборудование, сырье). Внешняя торговля пресле-

⁵ „Капитал“, т. III, кн. 1, с. 117.

⁶ Там же, с. 217.

дует цели импорта, экспорт служит лишь источником покрытия платежей по импорту. Ввоз орудий и предметов производства имеет целью содействовать социалистическому строительству и ускорять темпы его осуществления. Многие машины и аппараты, ввозимые из-за границы, могли бы быть произведены своей же промышленностью, но вопрос ввоза решают часто сроки и количества, которые требуются для ускорения темпов индустриализации и коллективизации страны. Под этим углом зрения решаются вопросы импорта и экспорта советской внешней торговли. Советская внешняя торговля есть часть социалистической системы хозяйства, и монополия является только формой выражения борьбы двух систем.

Некоторые рассматривают монополию внешней торговли с формальной, организационной стороны и видят в ней лишь момент изъятия внешнеторговых операций из сферы частного товарооборота и передачи их в руки государства. На этом основании они сравнивают советскую монополию с капиталистическими монополиями и видят в них предшественников ее. Нет сомнения в том, что пролетариат, завоевывая власть, берет у буржуазии средства производства и тот аппарат, который она создала, ибо «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем развиваются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые высшие, производственные отношения никогда не появляются на свет раньше, чем созреют материальные условия их осуществления в лоне старого общества» (Маркс). Накануне октябрьского переворота Ленин писал по поводу национализации банков: «Крупные банки есть тот «государственный аппарат», который нам нужен для осуществления социализма, и который мы берем готовым у капитализма, причем нашей задачей является лишь отсечь то, что капиталистически уродует этот превосходный аппарат, сделать его еще крупнее, еще демократичнее, еще всеобъемлющее»⁷. «Аппарат», созданный капитализмом, должен быть использован пролетариатом в его социалистическом строительстве. Но из этого не следует, что социалистические монополии тождественны капиталистическим монополиям, содержание в них совершенно другое, и следовательно изменились и формы их.

Многие полагают, что уже во время войны капиталистические государства частично или полностью осуществляли монополию внешней торговли. В некоторых странах до войны, и в особенности во время войны, а в некоторых случаях и после войны, государство изымлет из внешнего товарооборота торговлю тем или другим товаром и объявляет ее регалией государства. В известных случаях государство даже может монополизировать торговлю с какой-либо страной (в истории купеческого капитала это часто имело место). Но тем не менее такая внешняя торговля продолжает быть капиталистической торговлей, ведется на тех же основаниях и теми же методами, что и частная капиталистическая внешняя торговля. Она еще не является новой системой мирохозяйственных связей. Поэтому монополия импорта в Германии во время войны и даже монополия некоторых отраслей экспорта, которая проводилась при участии капиталистических предпринимателей в смешанных обществах с участи-

⁷ Ленин, Собр. соч., т. XXI, с. 260.

ем государства, еще не являются системой монополии внешней торговли, формой экономических сношений новой хозяйственной системы⁸. Капиталистическое хозяйство не способно на создание единой централизованной системы ведения внешней торговли; последняя противоречит сущности капитализма, развивающегося на основе конкуренции и посредством конкуренции. Представление о монополии внешней торговли в условиях капиталистического способа производства даже на высшей стадии его развития, в монополистическом капитализме, является осколком теории «организованного капитализма».

Для решения вопроса о сущности монополии внешней торговли решающими являются не только формы ее осуществления, но и содержание внешней торговли как орудия социалистического строительства. С полным основанием Ленин мог говорить о Государственном банке в условиях диктатуры пролетариата, что мы приводим как аналогию с национализацией внешней торговли: «Единый крупнейший Государственный банк с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике — это уже девять десятых социалистического аппарата»⁹. Отвечая Сокольникову, т. Сталин говорил: «До сих пор я думал и мы все думали, что наш Внешторг, если не считать облегающих его госкапиталистических учреждений, есть часть государственного аппарата, что наш государственный аппарат есть аппарат государства типа пролетарского государства. Мы все так думали до сих пор, ибо пролетарская власть является единственными хозяином этих институтов».

Не на основе закона стоимости регулируется внешняя торговля СССР, как это имеет место во внешней торговле между капиталистическими странами, а на основе плановых начал, которые являются составной частью единого плана построения социализма в стране, находящейся в капиталистическом окружении. Формой ведения внешнеторговых операций через государственные органы диктатуры пролетариата является не система индивидуальных сношений между отдельными капиталистическими фирмами, а коллективная форма осуществления мирохозяйственных связей пролетарского государства с капиталистическими странами, что еще больше подтверждает социалистический характер советской системы монополии внешней торговли.

Более конкретный анализ той роли, которую монополия внешней торговли играла на различных этапах развития советской экономической политики и социалистического строительства, в еще большей мере выявляет всю социалистичность этой системы и вместе с тем проливает яркий свет на ту роль, которую она будет дальше играть в борьбе двух систем.

* * *

С первых дней введения монополии внешней торговли она рассматривалась как мера оборонительного характера, которая защищает страну от расхищения ее богатств иностранными капиталистами, от вывоза сырья и других продуктов за бесценок, от ввоза дешевых иностранных товаров, которая охраняет восстановление ее

⁸ Мы полагаем, что т. Хмельницкая в своей книге „Военная экономика Германии“, которая является одной из лучших работ по экономике войны, ошибочно считает мероприятия германского правительства в области внешней торговли монополией. На это мы указывали в своей рецензии в журн. „Мировое хозяйство и мировая политика“ № 10, 1929.

⁹ Ленин, Собр. соч., т. XXI, с. 260.

промышленности от иностранной конкуренции, освобождает внешнюю торговлю от иностранной зависимости и охраняет страну, в которой прелетариат только что взял власть в свои руки, от экономического порабощения рабочих и крестьян, от превращения страны в колониальный придаток империализма. Эти мотивы тогда выдвигались на первый план. По мере развития советского хозяйства и укрепления социалистических элементов в нем выявились и другие стороны монополии внешней торговли, которые отодвинули первоначальные мотивы введения ее на задний план. Но для правильной оценки развития монополии и ее исторических перспектив в каждой пролетарской революции нельзя упускать из виду и этот первоначальный период.

До войны почти вся внешняя торговля царской России как экспортная, так и импортная, находилась в руках иностранного капитала. Почти все основные отрасли русского вывоза — хлеб, лес, лен, пушнина и др. — были в руках английских, германских и других иностранных фирм, которые имели во всей стране, вплоть до самых отдаленных уголков, свои конторы, скупали у крестьян продукты сельского хозяйства за бесценок, сами непосредственно вели заготовки и в совершенно необработанном виде вывозили русское сырье за границу, подвергая его переработке в других странах. Ввоз иностранных товаров находился также в руках иностранцев, которые открывали во всех промышленных городах царской России свои конторы, имели разветвленную сеть агентов, которые сбывали иностранные товары непосредственно потребителю по чрезвычайно высоким ценам. Несмотря на высокий протекционистский таможенный тариф царской России, он по существу защищал только несколько избранных отраслей промышленности, находившихся, также в значительной мере в руках иностранного капитала, а в остальных случаях широко открывал двери ввозу товаров из-за границы.

Во время войны внешняя торговля царской России, как и во всех других странах, стала вследствие крайне затрудненных путей ведения ее одной из самых спекулятивных отраслей военного хозяйства, в которой военные спекулянты наживали огромные барыши, пользуясь чрезвычайно выгодной для них конъюнктурой рынка.

Поэтому на первых шагах восстановления торговых сношений с заграницей особенно велика была опасность, что эти традиции, пустившие глубокие корни в довоенное время и достигшие еще большего расцвета за время войны, с особенной силой скажутся сейчас же после войны. Предостерегающим примером служили побежденные Германия и Австро-Венгрия, которых союзники стали грабить с первых же дней после победы и вывозить все ценное, что в них сохранилось, вплоть до картин и других предметов искусства, и которые в связи с инфляцией еще сами распродавали почти все свое достояние с аукциона. Робкие шаги ведения внешней торговли, предпринятые при Временном правительстве, которое могло вести ее вследствие войны в очень ограниченных размерах, шли в этом же направлении.

Поэтому тогдашний народный комиссар торговли и промышленности т. М. Бронский при открытии русско-германской комиссии по возобновлению экономических сношений между Россией и Германией 15 мая 1918 г. говорил:

«Огосударствление народного хозяйства, национализация его явились средством для возвращения народному хозяйству военных и спекулятивных барышей капиталистов; это было государственно не-

обходимо при объединении нашего народа». «Мы слишком бедны для того, чтобы покупать за границей не совсем необходимые нам товары и поставлять за границу то, в чем мы сами нуждаемся; мы слишком бедны, чтобы предоставить продажу этих товаров частным лицам, ибо при этом неизбежна спекуляция»¹⁰.

«Вестник комиссариата торговли и промышленности» тогда писал: «Вся наша торговая политика должна быть направлена к тому, чтобы защитить народное хозяйство России от использования его воюющими странами для нужных им целей. Мы должны с энергией и настойчивостью изъять из ведения частного торгового аппарата возможность распродавать остатки народных благ и вывозить их за границу»¹¹. «...национализацией внешней торговли было проведено изъятие торгового капитала из внешнего товарообмена в то время, когда нам грозила опасность остаться без сырья и продуктов при оставлении экспортному капиталу всех этих продуктов на предмет их вывоза за границу, за которые экспортеры могли получить хорошие барыши, вывозя при этом и сам капитал, остающийся в России под угрозой экспроприации»¹².

Но вначале национализация внешней торговли мыслилась как мера регулирования внешнеторговых операций: «концентрация в руках одного правительственного аппарата, контроль над внешним товарообменом» или «национализация внешней торговли имеет в виду строгую экономию и крайне осторожное регулирование внешнего товарооборота»¹³.

И вместе с тем в самом начале даже не предполагалось изъятие ведения внешнеторговых операций из рук частного капитала, а путем разрешительно-запретительной системы пытались регулировать, как тогда говорили, внешний товарооборот. На той же русско-германской комиссии т. Бронский говорил: «Национализация внешней торговли не означает исключения частноторгового аппарата из общей торговли, наоборот, она означает консолидацию и организацию существующего торгового аппарата, привлечение к государственной работе всего торгового мира России, конечно при условии, что он будет считаться с чрезвычайно тяжелым положением народа после четырехлетней войны и что как можно скорее будут забыты высокие военные прибыли».

Эти слова свидетельствуют о том, что только саботаж, бегство капитала и расхищение народного богатства быстро выявили недостаточность и беспомощность контроля над внешней торговлей в условиях диктатуры пролетариата. Контроль над внешней торговлей привел еще быстрее к монополии, чем рабочий контроль в промышленности и национализации. С того времени, как внешняя торговля была изъята из ведения частных капиталистических предприятий, национализация внешней торговли превратилась в монополию внешней торговли.

Многие после этого предполагали, что монополия внешней торговли является системой защиты слабых от более сильных, что она нужна только до того времени, пока окрепнет народное хозяйство страны, что она является временной, преходящей мерой, и сторонники

¹⁰ Цитировано по книге Б. Штейна „Торговая политика и торговые договоры Советской России“ с. 58.

¹¹ „Вестник комиссариата торговли и промышленности“ № 2, 20 февраля 1918.

¹² Там же, № 11, 12 ноября 1918.

¹³ Там же, № 2 и № 11, 1918.

такой точки зрения не разглядели самого существенного в монополии внешней торговли, не понимали того, что монополия внешней торговли является формой мирохозяйственных связей страны, строящей социализм в капиталистическом окружении, не замечали всех положительных сторон монополии внешней торговли, которые все более выявлялись и сделали монополию внешней торговли неотъемлемой частью социалистического строительства.

Но Ленин создавал это все время и всегда рассматривал монополию внешней торговли как одну из решающих командных высот, обеспечивающих победу социализма в экономике переходного периода. Ленин ставил монополию внешней торговли наряду с национализацией промышленности и транспорта. Говоря о концессиях, он на X съезде говорил: «Но страшен ли этот капитализм нам, если мы имеем в руках фабрики, заводы, транспорт и заграничную торговлю»¹⁴. Поэтому Ленин всегда настаивал, чтобы внешняя торговля была сохранена в руках пролетарского государства.

С введением новой экономической политики, с развязыванием товарооборота многим казалось, что монополия внешней торговли является «пережитком эпохи военного коммунизма». В то время даже раздавались отдельные голоса об отмене монополии внешней торговли или изменении формы ее организации и смягчении методов ее применения¹⁵. Всероссийская конференция партии в декабре 1921 г., подводя итоги первым шагам нэпа, подтвердила, что «сохранение народного достояния и интересы наиболее выгодной реализации на зарубежных рынках тех производств, кои разрешаются к вывозу, требуют сохранения монополии внешней торговли»¹⁶.

Восстановление хозяйства выдвинуло на первый план охрану восстанавливающейся и развивающейся промышленности как важнейшую задачу монополии внешней торговли. Тогда распространено было и такое мнение, что защита промышленности может быть обеспечена повышением таможенных пошлин, которые должны выражать «социалистический протекционизм». В ответ на это Ленин писал ЦК партии: «Пролетариат абсолютно не в состоянии возродить своей промышленности и сделать Россию промышленной страной без охраны ее — никоим образом не таможенной политикой, а только исключительно монополией внешней торговли. Всякий иной протекционизм в условиях современной России есть совершенно фиктивный бумажный протекционизм, который пролетариату ничего не дает»¹⁷.

С прозорливой гениальностью Ленин уже тогда предвидел ту ожесточенную борьбу, которую капиталистический мир поведет против СССР за его порабощение и превращение в экономически зависимую

¹⁴ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, с. 197.

¹⁵ В статье, посвященной памяти Л. Б. Красина, Г. Б. Стомяков пишет: „В результате введения нэпа осенью 1921 г. среди советских хозяйственников впервые оформились тенденции, а в отдельных случаях и определенные требования отмены монополии внешней торговли как пережитка эпохи военного коммунизма или по крайней мере разрешения хозяйственным организациям „свободного выхода на заграничные рынки“. „Энциклопедия советского экспорта“, т. I, с. 10.

¹⁶ „ВКП(б) в резолюциях“, с. 379.

¹⁷ Ленин, Собр. соч., т. XXVII, с. 379.

страну. В одном из последних своих писем ЦК на имя т. Сталина Ленин писал: «Никакая таможенная политика не может быть действительной в эпоху империализма и чудовищной разницы между странами — нищими и странами — невероятно богатыми. Несколько раз т. Бухарин ссылается на таможенную охрану, не видя того, что в указанных условиях полностью сломить эту охрану может любая из богатых промышленных стран. Для этого достаточно ввезти премию за ввоз в Россию тех товаров, которые обложены у нас таможенной пошлиной. Денег для этого у любой промышленной страны более чем достаточно, и в результате такой меры любая промышленная страна сломит нашу туземную промышленность наверняка. Поэтому все рассуждения т. Бухарина о таможенной политике на практике означают не что иное, как полнейшую беззащитность русской промышленности и прикрытый самой легкой вуалью переход к системе свободной торговли. Против этого мы должны бороться изо всех сил и бороться вплоть до партийного съезда, ибо ни о какой серьезной таможенной политике сейчас, в эпоху империализма, не может быть и речи, кроме системы монополии внешней торговли»¹⁸.

Тов. Красин совершенно правильно расценивает эти письма Ленина как «завещание Владимира Ильича», в котором он закрепил значение монополии внешней торговли как одного из основных устоев советской власти¹⁹. Весь пройденный путь это блестяще подтверждает.

«Монополия внешней торговли — один из методов борьбы за сохранение пролетарской диктатуры», писал Красин²⁰. Эта борьба шла во вне и внутри социалистических республик. Она принимала различные формы и на разных этапах развития выявляла иную степень остроты и напряженности борьбы, возлагая на монополию внешней торговли все новые и новые задачи. С ростом плановости и социалистических элементов в советском хозяйстве все ширилось и углублялось значение монополии внешней торговли. Уже на IX съезде партии, при первых попытках восстановить экономические связи с капиталистическим окружением, постановили: «Внешняя торговля, поскольку возможности ее открываются перед Советской республикой, должна быть также целиком подчинена потребностям основного хозяйственного плана»²¹. Во внешней торговле прежде всего ощущалась необходимость иметь план ввоза и вывоза товаров. Импортный и экспортный планы были одними из первых планов нашего социалистического строительства. Здесь острее, чем где бы то ни было, с самого начала была осознана настойчивая потребность строго взвешивать, что нужно ввезти из-за границы и что можно вывезти туда, ибо средства были ограничены, и всякий опрометчивый шаг во враждебном лагере мог вести к крайне нежелательным последствиям. Экспортно-импортный план стал составной частью общегосударственного хозяйственного плана.

Монополия внешней торговли стала необходимейшим условием осуществления планового хозяйства. Без этого невозможно в плановом порядке руководить хозяйством, и всякий прорыв на внешнеторговом фронте был бы раньше всего ударом по плановости хозяйства.

¹⁸ Ленин, Собр. соч., т. XXVI, изд. 2-е, с. 380.

¹⁹ Л. Б. Красин, Вопросы внешней торговли, с. 42.

²⁰ Там же, с. 40.

²¹ „ВКП(б) в резолюциях“, с. 268.

Ввоз машин и оборудования из-за границы играет очень большую роль для развития многих и очень важных отраслей промышленности. Уже первый импортно-экспортный план, составленный еще в 1920 г. по директивам Ленина, был планом завоза орудий и других средств производства. Годы голода заставили изменить характер импорта и придать ему почти исключительно потребительский вид, но уже с первых годов нэпа импорт стал все больше и больше индустриализироваться.

Высоко индустриальный импорт, каким он стал при монополии внешней торговли, служит могучим фактором, содействующим индустриализации страны. Величина импорта является лимитом для развития целого ряда отраслей и предопределяет сроки и размеры постройки многих промышленных гигантов. Импорт в свою очередь имеет свой лимит в размерах экспорта, который является почти единственным источником валютного покрытия импорта в условиях диктатуры пролетариата в капиталистическом окружении, когда другие статьи платежного баланса (займы, импорт капитала) занимают ничтожное место. Монополия внешней торговли дала возможность создать собственные источники выравнивания торгового баланса, создать и развить свою экспортную базу в соответствии с развитием всего народного хозяйства. Даже больше того: благодаря монополии пролетарское государство в состоянии в большей мере, чем правительство в какой-либо другой стране, держать торговый баланс в своих руках и дать ему определенное направление. Монополия внешней торговли дала также возможность охранять валюту страны и создать ей изолированное положение, независимое от состояния международных денежных рынков. Валютная реформа в свое время была проведена при активной поддержке монополии внешней торговли. Тов. Красин тогда писал: «Если бы наша внешняя торговля не была подчинена такому жесткому регулированию, какое возможно при монополии внешней торговли, то конечно нечего было бы и думать в такой короткий срок, после разорения и разрухи военных лет, гражданской войны, интервенции и блокады, восстановить активность торгового баланса»²².

Монополия продолжает охранять устойчивость советской валюты и по сей день. Все эти моменты учитывала XIII партконференция, когда она в январе 1924 г. постановила: «Одним из основных элементов всей хозяйственной политики партии является монополия внешней торговли. Монополия внешней торговли оправдала себя, в частности в условиях нэпа, и как орудие охраны богатства страны, и как средство социалистического накопления. Только целиком сохраняя систему монополии внешней торговли, мы могли добиться уже сейчас активного торгового баланса и сосредоточить доходы от внешней торговли в руках государства»²³.

Средством социалистического накопления монополия внешней торговли становится благодаря тем огромным экономическим преимуществам, которые она имеет перед капиталистической системой внешней торговли. Помимо вышеуказанных они состоят еще в следующем:

²² Л. Б. Красин, Вопросы внешней торговли, с. 52.

²³ „ВКП(б) в резолюциях“, с. 509.

1. Монополия выключила длинную цепь частных посредников, которые участвовали во внешней торговле довоенной России; благодаря монополии СССР устанавливает непосредственное сношение с крупнейшими производителями по линии импорта и по возможности непосредственные сношения с потребителями по линии экспорта.

2. При монополии СССР ведет непосредственные сношения со странами-производительницами необходимого ему оборудования и сырья и со странами-потребительницами советских экспортных товаров; до войны Германия занимала около 60% импорта царской России (колонияльные и заокеанские товары шли через нее), в настоящее время ее удельный вес снизился до 35%; до войны Россия почти не вела торговли с САСШ, в настоящее время САСШ занимают второе место в советской внешней торговле, и роль их увеличивается из года в год; СССР с помощью монополии внешней торговли завязал непосредственно сношения с Австралией, Аргентиной, Бразилией, Уругваем, Чили, Египтом, Южной Африкой и др., что до войны не имело места.

3. Непосредственные торговые сношения выключают посредническую торговую прибыль, снижают цены, по которым СССР покупает товары, и повышают цены, по которым он продает; эта разница поступает в руки государства.

4. Концентрируя торговые операции в централизованном аппарате, монополия дает все преимущества крупнейшего покупателя и продавца, которого когда-либо знала история внешней торговли; это дает возможность торговым органам СССР использовать конъюнктуру на внешних рынках, приспособляться к требованиям сезонности, использовать конкуренцию между фирмами и конкуренцию между странами, маневрировать соответствующим образом в требуемые моменты и сокращать издержки обращения (торговые, складские, транспортные и др. расходы).

5. Она перевела внешнюю торговлю СССР на более высокую стадию развития, перенесла торговые операции на территорию тех стран, в которых СССР покупает и продает товары, в отличие от более низких форм торговли, когда импортеры продают свои товары в чужой стране и экспортеры скупают товары на месте, как это имеет место в колониальной торговле.

Служа средством и источником социалистического накопления, монополия внешней торговли до сих пор не ведется у нас на таких началах, которые дали бы возможность учесть экономические выгоды ее. Хозрасчет до сих пор меньше всего проводится при ведении внешнеторговых операций. Для более полного выявления эффективности внешней торговли, хотя бы в денежном выражении, государство должно было бы отпускать хозяйственным организациям импортируемые товары по ценам внутреннего рынка, сохраняя в своих руках всю разницу между мировыми и внутренними ценами по ввозимым товарам (по импорту).

Но было бы неправильно в одних только экономических выгодах видеть преимущества монополии внешней торговли. Только в реконструктивный период выявилась в полной мере истинная роль монополии как одного из основных рычагов социалистического переустройства хозяйства. Монополия не только охраняет промышленность, не только

дает ей возможность восстанавливаться и развиваться, но содействует также ее технической и экономической реконструкции. При ее посредстве СССР ввозит оборудование новейшей конструкции, приобретает производственную помощь наиболее передовых в техническом отношении стран и производит перегруппировку предметов импорта между отраслями промышленности в соответствии с требованиями индустриализации развития производства средств производства и необходимостью вложения средств в определенные отрасли.

Монополия внешней торговли коренным образом изменила структуру внешней торговли: до войны импорт царской России был в основном потребительским, а экспорт почти исключительно сельскохозяйственным, в настоящее время импорт СССР стал на 95% производственным, а экспорт почти на половину промышленным. Такие изменения в структуре и в такой короткий срок возможны были только благодаря монополии. Таких резких структурных сдвигов во внешней торговле не знает ни одна страна.

Монополия внешней торговли содействует также коллективизации страны, ввозя в страну огромное количество тракторов, комбайнов и других сложных машин и предоставляя их в распоряжение обобщественного сектора. Система монополии внешних сношений в руках государства разорвала десятилетиями установившиеся связи между иностранным капиталом и крестьянством (кулаками), препятствовала восстановлению смычки между ними и содействовала диктатуре пролетариата в разрешении вопроса «кто — кого?»

Монополия внешней торговли является орудием и формой классовой борьбы. Лучше всего эта мысль была выражена словами т. Микояна в его выступлении на Всесоюзном совещании товарных бирж в 1927 г.:

«Наша монополия внешней торговли, представляющая собою совершенно новую в мире хозяйственную систему, является надежнейшим аппаратом борьбы социалистического хозяйства с частнокапиталистическим, особой формой классовой борьбы с капитализмом»²⁴.

Монополия внешней торговли служит средством перераспределения национального дохода и перераспределения ценностей между отраслями хозяйства. В этом отношении она является средством социалистической реконструкции страны.

Монополии внешней торговли СССР в значительной мере обязан признанием его многими капиталистическими странами. «Без нее капиталистический мир рассматривал бы Страну советов, как худшего среди париев», говорил Красин. Эта система мирохозяйственных связей дает Советскому Союзу возможность вести определенную политику с империалистическими странами и иную торговую политику с колониальными и полуколониальными странами, которые сами страдают от империалистического гнета.

Монополией внешнеторговых сношений СССР завоевал экстерриториальность для своих заграничных органов. Она теперь признана официально в целом ряде торговых соглашений и договоров.

Но самое важное в монополии внешней торговли заключается в той роли, которую она играет при ограждении самостоятельности

²⁴ „Экономическая жизнь“ № 102 от 8 мая 1927 г.

сти и увеличении независимости СССР, то, о чем т. Сталин говорил на XIV съезде, чтобы наша страна «сохранилась как самостоятельная экономическая единица», чтобы она «не превратилась в придаток мировой капиталистической системы», что является первым и основным условием победы социализма в СССР.

Только рассматривая монополию внешней торговли со всех сторон и ту разностороннюю роль, которую она играет для социалистического строительства, и то, каким образом она становится формой мирохозяйственных связей диктатуры пролетариата в капиталистическом окружении, мы в состоянии оценить значение этой системы.

На разных этапах развития монополии внешней торговли принимала различные организационные формы, сохраняя свою сущность и не нарушая основных принципов самой системы.

В эпоху военного коммунизма ведение внешнеторговых операций сосредоточено было в руках одного централизованного органа НКВТ, который сам закупал все импортные товары, распределял их, сам заготавливал экспортные товары и реализовал их на внешнем рынке.

В первый период нэпа организационные рамки монополии были расширены. Многие хозяйственные организации получили право выхода на внешний рынок, сами совершали торговые сделки, заключали договоры с иностранными фирмами, но действовали под контролем торгпредств, которые сохраняли за собою оперативные функции и приобрели еще новые регулирующие функции. Без санкции торгпредства хозяйственные организации не имели права вести даже переговоры с фирмами, и ни один договор не вступал в силу без утверждения его торгпредством. Лицензии служили средством проверки выполнения всех условий монополии внешней торговли. Но все-таки в этот период выступали на внешнем рынке многие организации, которые конкурировали между собою во вред делу.

В первый период нэпа были созданы государственные экспортные и импортные организации (Госторг) и смешанные общества с участием иностранного капитала. Последние имели целью привлечь в СССР иностранные капиталы и кредиты, перенять опыт более развитых в торговом отношении стран. Роль смешанных обществ за все время их существования была не велика; удельный вес всех смешанных обществ в импорте был не выше 2%, в экспорте не выше 4%²⁵. С развитием внешнего товарооборота и укреплением государственных организаций роль их еще уменьшилась.

В 1926 г. внешняя торговля была реорганизована. Учитывая рост внешнеторговых операций, необходимость углубленной специализации и укрепления единства выступлений на внешнем рынке, создавались специальные экспортные и импортные общества (специальные общества), в которых концентрировалась вся экспортная и импортная деятельность Союза по определенной номенклатуре, ликвидируя самостоятельные организации за границей и образуя в торгпредствах «спецотделы». Была создана единая система при множественности органов.

При разрешении организационных вопросов монополии внешней торговли необходимо все более и более проводить следующие основные принципы: 1) абсолютное единство выступлений на самом

²⁵ Более подробно деятельность торговых организаций во внешней торговле освещена в наших статьях в „Энциклопедии советского импорта“ и в „Энциклопедии советского экспорта“, т. I, изд. 1-е.

внешнем рынке; 2) дальнейшую специализацию аппарата, учитывая огромный количественный рост оборотов и качественные их изменения; 3) приближение оперативного органа к заказчику-потребителю и уничтожение всякого средостения на пути реализации заказов; 4) учет необходимости расширения экспортной базы и создания для этой цели специальных предприятий и даже отраслей; 5) концентрацию всего этого весьма сложного дела в единой централизованной системе.

С ростом оборотов и задач, стоящих перед советской внешней торговлей, придется еще не один раз менять организационные формы внешней торговли, но нет сомнения в том, что монополия должна будет еще более крепнуть как верное, испытанное оружие в борьбе двух систем, в обстановке обостряющихся противоречий между капиталистическим миром и СССР.

Монополия внешней торговли знает длинную и богатую историю борьбы классовых врагов пролетарского государства с той системой связей, которую страна, строящая социализм, выдвинула в качестве форпоста во вражеский лагерь и которой приходилось всегда принимать первые удары обостряющейся борьбы. Борьба шла извне и внутри страны, имея одни и те же классовые корни.

Капиталистический мир неустанно ведет борьбу против монополии внешней торговли. Борясь против СССР вообще, он особенно заостряет борьбу против советской системы мирохозяйственных связей. Даже в тех случаях, когда монополия внешней торговли СССР в целом ряде соглашений официально и была признана, фактически борьба с ней никогда не прекращалась. Капиталистический мир, можно сказать, ненавидит СССР вдвойне: за социалистический характер его хозяйственной деятельности и за монополию внешней торговли в частности. Последняя лишила буржуазию многих стран огромного рынка сбыта для своих товаров, сферы приложения капитала, источника многих видов сырья и значительных барышей, которые давали бы всякого рода экономические сношения с этой страной. Поэтому со стороны буржуазии делались неоднократно попытки пробить брешь в этой крепости, созданной диктатурой пролетариата. Если нельзя было открыто выдвигать требование об отмене монополии внешней торговли, то под видом требования о «смягчении» ее, изменения организационных форм, «исключения» из применения монополии в торговле с определенными странами фактически добивались обхода монополии и срыва ее.

«В бесчисленных уже теперь торговых сделках купли и продажи, в кредитных соглашениях, в ссудных, залоговых, вексельных, транспортных, страховых операциях капиталистический мир ежедневно пробует силы Советского Союза; он ищет наши слабые места, он пытается в той твердыне, которую мы воздвигли между ним и нашим внутренним советским хозяйством в виде монополии внешней торговли, найти слабую точку, пробить в ней брешь и эту брешь сделать проломом всей системы — проломом, через который возможно овладение нашей внутренней экономикой, разрушение наших попыток планового хозяйства и воссоздание на этих обломках чистого капитализма, господства частной «собственности»²⁶. В этих словах Красин дал в своей последней предсмертной статье блестящую ха-

²⁶ Л. Б. Красин, Монополия внешней торговли—командная высота советской власти, „Экономическая жизнь“, 7 ноября,

рактеристику тем попыткам срыва, к которым буржуазия прибегает ежедневно, ежечасно на пути «мирного сожительства» капиталистического мира с пролетарским государством.

В наступлении на монополию внешней торговли капиталистический мир организовал «золотую блокаду» (советское золото принималось ниже паритета на 20—30%), кредитную блокаду (советские векселя не учитывались или учитывались в ограниченных размерах и по чрезвычайно высокому учетному проценту), устанавливал особый режим для торговли с СССР и ставил последнюю в иные условия, чем торговлю с любой другой страной. Для борьбы с советской монополией создавались специальные организации, вырабатывались специальные условия продажи товаров СССР и покупки советских товаров, создавался особый ветеринарный и таможенный кордон для них. Кампании о «советском демпинге» и «принудительном труде» являются только дальнейшими этапами той борьбы, которая уже давно ведется против СССР, и монополии внешней торговли и составляют только новую фазу в этой борьбе. Последняя фаза отличается от предыдущих тем, что эти кампании уже являются непосредственной подготовкой экономической блокады и интервенции против СССР. Нет сомнения в том, что это наступление отражается раньше всего на самом чувствительном для СССР фронте, на том стыке, где непосредственно и прямо сталкиваются интересы двух борющихся систем, на фронте мирохозяйственных связей.

Но одновременно с борьбой классовых врагов против монополии извне шла борьба и изнутри, которая по мере усиления классовой борьбы внутри страны обострялась и против командных высот социалистического строительства. Кулаки и нэпманы искали смычки с иностранным капиталом, при помощи последнего они надеялись восстановить капиталистический способ производства и частную капиталистическую собственность.

«Когда был объявлен нэп в 1921 г., инженеры уверены были, что восстановление промышленности неизбежно приведет к восстановлению буржуазии, так как они иначе не мыслили восстановления промышленности, как только средствами капиталистическими», говорили подсудимые на процессе «Промпартии»²⁷. Это в равной мере относится и к внешней торговле. Контрреволюция рассчитывала, что восстановление экономических сношений Советской республики с капиталистическим миром приведет к капиталистической реставрации внутри страны. Преградой служила монополия внешней торговли, которую нужно было убрать с пути. Бежавший за границу профессор П. П. Гензель пишет в недавно изданной им книге, что он в 1921 г., служа в Комиссариате финансов, готовил проект об отмене монополии внешней торговли, который был отвергнут²⁸. Гензель, как он сам рассказывает, готов был ограничиться «меньшим»: он предлагал свободный вывоз мехов и драгоценностей как вещей, ненужных пролетарскому государству!

Русский меньшевик Югов в своей книге «Народное хозяйство СССР», которая стала евангелием социал-фашизма для оценки социалистического строительства в СССР и которая является источником вдохновения и информации Каутского о том, что делается в СССР (см. его книгу «Большевизм в тушке»), пишет: «Упорная утопиче-

²⁷ „Процесс Промпартии“, изд. 1931 г., с. 102.

²⁸ Paul Hänsel, Die Wirtschaftspolitik Sowjetrusslands, S. 157.

ская политика сохранения системы современной монополии внешней торговли искусственно задерживает начавшийся восстановительный процесс»²⁹ и считает отмену монополии неизбежной.

Классовые враги пролетарского государства добивались изменения «хотя бы организационных форм внешней торговли», не решаясь всегда открыто выступать против нее. Они оказывали давление на советский аппарат и через него делали свои вылазки против ненавистной им монополии. «Открытых требований отмены монополии после постановления ВЦИК от 13 марта 1922 г. было мало, зато усилили обходные атаки. Одни требовали предоставления права выхода на заграничные рынки учреждениям и госпредприятиям, а также кооперации наравне с органами НКВТ, другие настаивали на том, что последний вообще не должен иметь оперативных функций и что на него должно быть возложено лишь регулирование и контроль над деятельностью всех органов, осуществляющих внешнюю торговлю», пишет т. Стомоняков в статье, посвященной памяти Л. Б. Красина³⁰.

Опасность, которую представляла тогда возможность смычки зажиточной части крестьянства и кулаков, была вполне реальна. Ее недооценивал т. Бухарин, когда он в то время предлагал ограничиться одной таможенной политикой и отказаться от монополии внешней торговли. Эту точку зрения чрезвычайно резко бичевал Ленин. В одном из своих последних писем он писал: «Если в шестом пункте, возражая мне, Бухарин пишет, будто ему не важно, что крестьянин заключит выгоднейшую сделку, и будто борьба будет идти не между крестьянином и советской властью, а между советской властью и экспортером, то это опять-таки в корне неправильно, ибо экспортер при указанных например мною разнице в ценах (лен стоит в России 4 р. 50 к., в Англии 14 руб.) мобилизует вокруг себя все крестьянство, самым быстрым, верным и несомненным образом. На практике Бухарин становится на защиту спекулянта, мелкого буржуа и верхушек крестьянства против промышленного пролетариата, который абсолютно не в состоянии воссоздать своей промышленности, сделать Россию промышленной страной без охраны ее никоим образом не таможенной политикой, а только исключительно монополией внешней торговли» (разрядка наша — Ю. Г.)³¹.

Ленин придавал такое огромное значение вопросу монополии внешней торговли и ее организационных форм, что он в том же письме на имя т. Сталина писал: «Вопрос состоит в том — будет ли наш НКВТ работать на пользу нэпманов или он будет работать на пользу пролетарского государства. Это такой коренной вопрос, из-за которого безусловно можно и должно побороться на партийном съезде (разрядка наша.— Ю. Г.)»³².

Эти письма Ленина были направлены не только против тт. Сокольникова и Бухарина, но и против тт. Зиновьева и Каменева, которые также готовы были изменить организационные формы монополии и требовали изменения режима монополии внешней торговли³³. Уже

²⁹ А. J u g o w, Die Volkswirtschaft Sowjetrusslands, S. 263.

³⁰ „Энциклопедия советского экспорта“, т. I, изд. 2-е, с. 10.

³¹ Ленин, Собр. соч., т. XXVII, с. 379.

³² Там же, с. 381.

³³ Статья М. Фрумкина в „Экономической жизни“ от 20 февраля 1927 г.

тогда в борьбе за монополию внешней торговли выкристаллизовывались те позиции, которые впоследствии правые и «левые» оппозиции занимали по вопросу о борьбе двух систем, по вопросу о внешнеэкономических связях СССР.

С вступлением нэпа в реконструктивный период, с усилением классово-борьбы снова началось наступление на монополию внешней торговли под флагом необходимости изменить характер и направление советской внешней торговли. Классовые враги пролетарского государства в довольно незавуалированной форме ставили вопрос о «необходимости включить себя в систему международного разделения труда, т. е. в связи с мировым рынком» (Кондратьев) и что «наше сельское хозяйство развилось, развивается и будет развиваться в связи с мировым рынком, и темп его развития соответствует темпу развития мирового рынка» (Громан).

Нет сомнения в том, что кулацкие элементы и идеологи их, мечтавшие о капиталистической реставрации, оказывали давление на правые и «левые» оппозиции нашей партии, которые выражали их интересы. «Только становясь на путь развития сельскохозяйственного экспорта,— говорил т. Сокольников на XIV съезде,— мы можем в ближайшие годы получить такие платежные средства за границей, которые позволят финансировать ввоз оборудования, а также сырья для нашей промышленности и позволят произвести переоборудование и развертывание, если мы в самом деле хотим развиваться по темпу и масштабу заграничной промышленности»³⁴.

Это был путь аграризации, а не индустриализации страны, путь дачизации СССР, как его охарактеризовал т. Сталин на XIV съезде.

Троцкий и вся оппозиция требовали максимального развития внешнеэкономических сношений и включения СССР в международное разделение труда. На VII пленуме ИККИ Троцкий говорил «Конец восстановительного периода — в то же время начало восстановления наших материальных связей с мировым хозяйством. Мы должны обновить наш основной капитал, который сейчас проходит через кризис. Кому представляется, что мы сможем в ближайшие годы сами строить все свое оборудование или большую его часть — тот фантаст. Индустриализация нашей страны, поставленная XIV партсъездом как важнейшая задача партии, означает для дальнейшего и достаточно длительного периода не уменьшение, а наоборот — возрастание наших связей с внешним миром, что означает следовательно и нашу возрастающую зависимость (конечно взаимную!) от мирового рынка, от капитализма, от его техники и экономики и т. д.»³⁵.

В ответ на это т. Сталин говорил: «Троцкий по сути дела отступил к Суханову прямо и открыто. К чему сводятся «новые» аргументы Троцкого? Они сводятся к тому, что ввиду своей экономической отсталости мы не доросли до социализма, что у нас нет объективных предпосылок для построения социалистического хозяйства, что наше народное хозяйство превращается ввиду этого и должно превратиться в придаток капиталистического мирового хозяйства и подконтрольные хозяйственные единицы мирового капитализма, но это есть откровенная и ничем не прикрытая сухановщина»³⁶.

³⁴ „Протоколы XIV партсъезда“, с. 329.

³⁵ „Пути мировой революции (VII пленум ИККИ)“, т. II, с. 102.

³⁶ Там же, с. 334.

Откровенную и ничем не прикрытую связь контрреволюционных позиций Троцкого с позициями Суханова, Громана и Кондратьева уже тогда, в 1927 г., с ослепительной ясностью вскрыл т. Сталин. На фронте мирохозяйственных связей СССР с капиталистическим миром эта связь выявилась ярче всего. Истекшие 4 года, бурный темп экономического развития, индустриализация и коллективизация страны, целиком и полностью подтвердили путь развития в борьбе на два фронта, на который указывал т. Сталин на XIV и XV съездах. Тот знаменательный факт, что нынешний мировой экономический кризис остановился у ворот пролетарского государства, является сокрушительным опровержением того, что говорил Троцкий о подконтрольном характере экономического развития СССР.

«В области международных отношений, — гласит резолюция XV партсъезда, — необходимо исходить не из голого лозунга максимально широкого развития этих отношений (такой лозунг, выдвигаемый оппозицией, при последовательном своем применении означал бы отмену монополии внешней торговли и капитуляцию — хозяйственную и военную — перед интернациональной буржуазией) и не из свертывания экономических отношений с капиталистическим миром (осуществление такого лозунга означало бы большое замедление темпа нашего хозяйственного развития вообще и темпа социалистического строительства). Здесь необходимо исходить из максимально широкой связи, поскольку эти связи (расширение внешней торговли, иностранного кредита, концессий, привлечение иностранных технических сил и т. д.) увеличивают хозяйственную мощь Союза, делают его более независимым от капиталистического мира, расширяют социалистическую базу дальнейшего развития Союза — только в этих пределах можно говорить о максимально широких связях»⁸⁷.

Во исполнение этих директив вырастают огромные задачи, которые приходится осуществлять в обстановке обостряющейся борьбы двух систем — мира капитализма и мира строящегося социализма.

В настоящее время задачи, стоящие перед советской внешней торговлей, значительно возросли и крайне осложнены в связи с теми общими задачами, которые стоят на последнем этапе нэпа — на этапе достройки фундамента социалистической экономики. В эти годы импорт не только количественно изменяется, но главным образом изменяется качественно. От ввоза машин, аппаратов и сырья мы все больше переходим к ввозу оборудования целых заводов-гигантов, к ввозу технически наиболее усовершенствованного оборудования, когда технические вопросы, качество импортируемого оборудования, сроки доставки их приобретают все большее значение. Проблемы импорта становятся технико-экономическими проблемами, разрешение которых требует наиболее тесной и непосредственной связи органов внешней торговли с хозяйственными организациями. Вопросы приобретаемой иностранной технической помощи (патенты, изобретения, технический опыт, квалифицированная рабочая сила и т. д.) находятся в теснейшей связи с вопросами ввоза того или иного типа оборудования и машин. Одно определяет другое. Одновременно с этим необходимо учесть, что обстановка, в которой нашим заграничным торговым органам в последние годы приходится реализовать импортные заявки хозяйственных организаций, также все время осложняется вследствие

⁸⁷ „Протоколы XV партсъезда“, с 1291.

обостряющихся противоречий между капиталистическим миром и СССР и тех конкретных мероприятий, которые определенные группы буржуазии и некоторые правительства проводят для срыва торговых сношений с СССР и организации экономической блокады против него. Из этого вытекает необходимость еще более жесткого соблюдения основ монополии внешней торговли и проведения железной дисциплины в единстве выступлений на внешних рынках.

Необходимость усиления экспорта для обеспечения импорта выдвигает перед советской внешней торговлей следующие задачи: расширение номенклатуры экспорта, сосредоточивание главного внимания на основных видах экспорта, вовлечение новых видов экспорта и развитие второстепенного экспорта, индустриализация экспорта не только в смысле переключения экспорта с вывоза сельскохозяйственных продуктов на вывоз промышленных товаров, но и максимальной переработки с.-х. сырья и других продуктов сельского хозяйства внутри стран с целью увеличения валютной эффективности экспорта, приспособление целого ряда предприятий к экспорту и создание новых специальных экспортных промышленных предприятий и даже индустрий, углубленное изучение потребностей мирового и национальных рынков и еще большее приспособление к тем требованиям, которые иностранные рынки выдвигают в ввозимым товарам. Вопросы экспорта приобретают все большее значение, потому что в условиях обостряющейся борьбы между капиталистическим миром и СССР экспорт становится в еще большей мере основным и единственным источником покрытия платежей по импорту.

Происходящий во всем капиталистическом мире экономический кризис значительно сузил емкость мирового рынка, сократил обороты внешней торговли всех стран, что затрудняет размещение советских товаров на внешних рынках. К тому еще надо учесть, что советскому экспорту приходится преодолевать ожесточенную конкуренцию с национальными и международными монополиями и что он встречает целый ряд затруднений и препятствий, связанных с открытой организацией бойкота советских товаров и блокады СССР. Для советского экспорта единство выступлений наших торговых организаций за границей и усиление монополии внешней торговли является неотложнейшей задачей.

В настоящее время, в период вступления в социализм, монополия внешней торговли должна быть в еще большей мере, чем когда-либо, целиком и полностью поставлена на службу социалистическому строительству и подчинена его интересам. Она стала частью социалистического плана и должна с таким же энтузиазмом осуществляться, как и вся наша социалистическая стройка.

Последний партсъезд постановил: «считать необходимым дальнейшее разрывание экономических отношений СССР с капиталистическим миром на основе неизбежного сохранения монополии внешней торговли и самое широкое использование техники передовых капиталистических стран для обеспечения экономической самостоятельности СССР, для укрепления обороноспособности пролетарского государства и отпора всяким попыткам интервенции со стороны международного империализма». Это является директивой партии, руководящим началом в ведении внешней торговли на данном этапе развития.

К ВОПРОСАМ ТЕОРИИ РЕКОНСТРУКТИВНОГО ПЕРИОДА ¹

(по работам т. Сталина)

Обоснование необходимости социалистической реконструкции представляет собой неотъемлемую часть учения Ленина. Им же сформулировано и содержание проблемы — построение социалистической экономики.

Задачей т. Сталина в этих условиях было отстоять гениальное предвидение и директиву Ленина от троцкистского и правооппортунистического ее извращения, руководить партией в систематической подготовке и проведении социалистической реконструкции, определить необходимый момент поворота и, что нас сейчас особенно интересует, дать развернутую во всех деталях теорию реконструктивного периода. Партия, рабочий класс, весь мир знают, как блестяще выполнена эта задача т. Сталиным.

Она могла быть и была выполнена потому, что т. Сталин — вернейший и лучший ученик Ленина, потому что он, как никто другой, пользуется ленинской диалектикой, наконец, потому, что, направляя и создавая движение масс, партия под его руководством добилась таких успехов в формах и темпах социалистического строительства, о которых прежде можно было только мечтать. В ряду этих условий громадную роль играет умение применять ленинскую диалектику — ту диалектику, которой, переняв ее от Маркса и Энгельса, гений Ленина придал новую форму путем дальнейшего развития и углубления. «Раздвоение единого на взаимноисключающие противоположности и взаимоотношение между ними» как суть процесса диалектического развития и суть диалектики, «самодвижение» в противовес троцкистско-оппортунистической теории непресодолимости противоречий собственными силами, «завершение» процесса как пункт поворота в противовес меньшевистско-механическому вечному «продолжению» (Деборин), диалектика формы и содержания, диалектика революционного превращения возможности в действительность — все это только намек на ту особую большую тему о диалектике у т. Сталина, без которой (диалектики) не могла бы быть и теория реконструктивного периода.

1. Экономика и политика в реконструктивный период

Изучение работ т. Сталина о реконструктивном периоде способно «удивить» некоторых полным отсутствием того «экономического анализа, извращенные образцы которого в применении к переходному периоду были даны Преображенским в «Новой экономике» и Бухариным в «К вопросу о закономерностях переходного периода»,

¹ Статья затрагивает далеко не все даже важнейшие проблемы.

«Заметках экономиста» и т. п. Тут нет и не может быть речи ни о каких двух сталкивающихся «законах» (Преображенский), ни о совлечении с себя «законом трудовых затрат» «греховного ценностного белья» (Бухарин), ни о равновесии как основной проблемы социалистического строительства.

И этот факт, могущий «смутить» троцкистского или правооппортунистического экономиста, не есть результат чисто политического подхода к вопросу, ибо такового марксизм не знает. Он — выражение подлинно ленинского понимания закономерностей переходного периода, реконструктивного периода в том числе.

Суть ленинских замечаний на «Экономику переходного периода» в отношении всяких «трансформаций», законов и т. п. может быть резюмирована в следующих кратких, но выразительных пометках Ленина на полях главы об «Экономических категориях капитализма в переходной период»: «1) Автор забыл «социально-классовые отношения» и 2) «социальная система», «общественная формация» — все это недостаточно конкретно без понятия класса и классового общества»², а это не говорит ничего иного кроме известного положения Ленина о соотношении между экономикой и политикой.

Об ошибке т. Бухарина в отношении политики и экономики Ленин писал: «Теоретическая неверность вопиющая. Политика есть концентрированное выражение экономики. Политика не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе — значит забывать азбуку марксизма». «Вопрос стоит (и по-марксистски может стоять) лишь так: без правильного политического подхода к делу данный класс не удержит своего господства, а следовательно, не сможет решить и своей производственной задачи»³.

Тут у Ленина с чрезвычайной четкостью определена та связь, которая существует между политикой и экономикой, и дано самоопределение экономики. Ведь только человек, скатившийся на точку зрения буржуазной науки, может понимать под последней изучение всяких балансов, равновесий и т. п. Экономическое учение Маркса есть учение о производственных отношениях. А в классовом обществе — это есть проблема классов и материальных условий их борьбы. Экономическая наука, изолирующаяся от классов (в чем сущность например рубиншины), есть буржуазная экономическая наука, окатывающаяся к так сказать социальной бухгалтерии.

В условиях капитализма она — апология последнего. Пересаженная на нашу почву, она — оппортунистическое смазывание того, что всякая экономическая проблема есть проблема классовая. Классы и являются тем звеном, которое соединяет политику с экономикой, делает первую «концентрированным выражением» второй. Вот почему политика не может не иметь первенства над экономикой.

Современный экономический уровень делает возможным и требует перехода к социализму, требует строительства социализма. Это есть коренная классовая задача пролетариата. Это и есть наша политика. Как концентрированное выражение экономики она призвана все силы класса и трудящихся сосредоточить на выполнении задачи. А разве можно это осуществить, не подчиняя экономику политике? Ясно нельзя.

² „XI Ленинский сборник“, с. 386 и 383. (В дальнейшем везде, где не оговорено, разрядка принадлежит цитируемому произведению).

³ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, с. 50—51.

Между троцкистским столкновением двух метафизических «законов» и софистическими телодвижениями «закона трудовых затрат», совлекающего и не могущего совлечь с себя «греховного белья», с одной стороны, и ленинской диалектикой классово́й борьбы, с другой, существует непроходимая пропасть. Правый оппортунизм исходит из положения, что раз капиталистические отношения начали «лопаться», то и возрождение невозможно; метафизический процесс «трансформации» идет сам по себе. Ленинизм исходит из другого, прямо противоположного: строительство коммунизма «зависит от того, насколько пролетариат сумеет «на базе лопющихся отношений» (ну и язык! ну и «социология»! ну и организационная наука!) довести до того, чтобы они совсем лопнули»⁴.

Ленинизм все свое внимание обращает на силу класса и его противников, подготовленность пролетариата к борьбе, авторитет партии, четкость политической линии. Не законы «лезут» на людей, а революционный класс в своей борьбе с капитализмом за социализм может использовать и до поры до времени использует эти «законы» в целях социалистического переустройства общества.

Точка зрения правооппортунистических «закономерностей», изолирующих от классов и их борьбы, совершенно последовательно приводит к отрицанию необходимости реконструктивного периода, к теории и практике самотека и т. п. Ленинизм обосновывает самую реконструкцию, указывая необходимый момент поворота, мобилизуя силы пролетариата на проведение ее в жизнь.

Экономические вопросы суть вопросы классовые, политические. Верный ученик Ленина, т. Сталин так и ставит всегда проблему. «Экономическая база социализма далеко еще не создана, и ее надо еще создавать... Вопрос стоит ввиду этого так: имеем ли возможность построить своими собственными силами экономическую базу социализма в нашей стране?.. Если этот вопрос переложить на классовый язык, то он примет следующий вид: имеем ли возможность преодолеть своими собственными силами нашу советскую буржуазию?»

Итак, экономические проблемы перелгаются у нас на проблемы классовые, причем тут дело идет не о политическом преодолении буржуазии, а о «ее экономическом преодолении, ибо политически она уже преодолена»⁵. Или, короче: «Развитие шло у нас и продолжает идти не по формуле т. Бухарина (о мирном вращении, вытекающем из всяких «трансформаций» и «законов» К. М.). Развитие шло и продолжает идти по формуле Ленина — «кто — кого». Мы ли их, эксплуататоров, сомнем и подавим или они нас, рабочих и крестьян СССР, сомнут и подавят, — так стоит вопрос, товарищи»⁶.

Это и есть концентрированное выражение экономики, самая суть нашего экономического развития.

Ленинское учение о политике и экономике имеет отношение не только к переходному периоду: всякая экономическая теория капитализма, изолирующаяся от политики последнего, есть меньшевистский вздор. Но в переходный от капитализма к социализму период диалектика соотношения, так резко выраженная в ленинском

⁴ „XI Ленинский сборник“, с. 356.

⁵ „Об оппозиции“, с. 530 (первая разрядка принадлежит автору).

⁶ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 1930 г., с. 654.

тезисе о первенстве, неизбежно подчеркивается: и потому, что растуший социализм не получает от капитализма готовых форм, и потому, что тут происходит революционное уничтожение анархии производства и его замена плановостью и, что самое важное, происходит уничтожение классов. Тем самым сказано, как обострена проблема в реконструктивный период, в период развернутого наступления социализма по всему фронту, в период социализма. Когда объективные условия общественной жизнью уже даны, тогда «решают сознательность и твердость рабочего класса...». «Решимость рабочего класса, его непреклонность осуществить свой лозунг — «мы скорее погибнем, чем сдадимся» — является не только историческим фактором, но и фактором решающим, побеждающим»⁷. Это органически противоречит всяким оппортунистическим «закономерностям». Но еще менее способен понять оппортунист такой тезис, что можно «создать, организовать... условия для осуществления партийных лозунгов» (Сталин). Он расценил это как некий волюнтаризм, теоретическое обоснование заскоков, перепрыгивание через неизжитую ступень развития и т. п., не отдавая себе отчета, что именно диалектика политики и экономики полностью отрицает всякий идеализм, «левачество», перепрыгивание.

Политика, когда объективные условия даны и когда сама она правильна, т. е. верно отражает экономические тенденции и реальные возможности развития (а такова генеральная линия нашей партии) — такая политика решает. Она превращает возможность в действительность, перекраивает экономику, создает новую. «Мы решили ряд труднейших задач. Мы свергли капитализм. Мы взяли власть. Мы построили крупнейшую социалистическую индустрию. Мы повернули середняка на путь социализма». «Поистине нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять»⁸.

Громадной заслугой т. Сталина является то, что, сохраняя и отстаивая ленинское учение о политике в экономике от наскоков троцкизма и правого оппортунизма, он применяет его к реконструктивному периоду. И тут он подчеркивает то своеобразие, которое вносит сюда этот период.

Некоторые товарищи вопрос о сроках социалистического строительства, о выполнении партией предвидения и относящихся сюда директив Ленина считают вопросом формальным. Это глубокая ошибка. Не как «соблюдение «формальности», а как выполнение марксистского предвидения и потому директивы Ленина расценивает вопрос о сроках т. Сталин. И тут мы находим один из блестящих образцов диалектики марксистской политики, перестраивающей экономику.

Троцкий говорил, что минимумом срока для построения социализма в нашей стране является 30 — 50 лет⁹. Не трудно понять, что это не что иное, как выражение растерянности мелкобуржуазного политика перед всемогуществом непонятых им экономических законов.

Предвидение Ленина: «10—20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспеченная победа во всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут), иначе 20—40 лет мучений белогвардейского террора» понято и взято т. Сталиным как директива. Иначе и быть не может. Ленин говорил это не для «успо-

⁷ Ленин, Собр. соч., изд. 2-е, с. 103.

⁸ Сталин, О задачах хозяйственников, с. 15.

⁹ Ту же перспективу давал и т. Бухарин, см. „К итогам XIV съезда“, с. 29.

коения» кого-то, не как человека гадающий, а как марксист, мскрывающий действительные возможности, имеющиеся в нашу эпоху у революционного пролетариата, и дающий на этой почве руководство к действию. Вот как обосновывал т. Сталин — марксистски, а не как-то там «волюнтаристически», как любят изображать это дело враги пролетариата — возможности наших темпов развития и следовательно сроков победы. «Феодализму потребовалось около 200 лет для доказательства своего преимущества над рабской системой хозяйства. Капитализму на это понадобилось что-то около ста лет или и того меньше... Разница в сроках объясняется тут более быстрым темпом развития и более развитой техникой буржуазной системы хозяйства». И дальше: «Разве тот факт, что социалистическое хозяйство является наиболее объединенным хозяйством, что социалистическое хозяйство ведется в плановом порядке, — разве этот факт не говорит за то, что социалистическое хозяйство будет иметь все плюсы для того, чтобы доказать свое превосходство в сравнительно короткий срок над капиталистической системой хозяйства, раздираемой внутренними противоречиями и разъедаемой кризисами?»¹⁰.

Мы видим, что это не троцкистское «назначение революции в срок»¹¹, когда будто бы можно заранее сосчитать все и всякие процессы и назначить, когда какой этап революции должен притти. Сосчитать и на этом успокоиться, время от времени разрешаясь памфлетами.

Это — ленинский учет объективных возможностей и революционное, настойчивое, упорное, не сгибающееся под тяжестью трудностей, а мобилизующее на преодоление их массы, переведение возможностей в действительность, которые сами в нее не перейдут, если ослабеет воля пролетариата и воля и зоркость вождя. И если мы говорим о плане ГОЭЛРО как предвидении и директиве Ленина, то нет абсолютно никаких оснований смазывать значение ленинской директивы об исторических сроках победы социализма. За ней далеко не последнее место в организации этой победы. За ней значение той политики, которая главенствует над экономикой. Не кто иной как правооппортунисты ее хотели извратить, опошлить, предать забвению. А партия под руководством Сталина систематически подготавливала выполнение директивы, как бы перебирая одно звено за другим. Борясь за его осуществление и закрепил достигнутое, она переходила от XIV съезда — съезда — индустриализации, к XV съезду — коллективизации, дабы создать почву для развернутого наступления социализма по всему фронту (XVI партсъезд). Политическое недоросли и враги видели в этом случайные шаги маленького ребенка, качающегося между двумя опасностями — «левой» и правой. На деле же это — уверенная поступь пролетариата, светом ленинизма освещающего себе путь, идущего от одной исторической вехи к другой со всей страстью революционного борца, проводящего восстановление для реконструкции и сметающего от себя тех, кто проявляет свой оппортунизм, мешает ему строить социализм.

Ленин говорил во время Октября: «Либо смерть, либо догнать и перегнать передовые капиталистические страны». Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»¹².

¹⁰ «Об оппозиции», с. 537—538.

¹¹ См. например Л. Троцкий, Что и как произошло? Париж 1929.

¹² Сталин, О задачах хозяйственников, с. 13.

Хороша «формальная» постановка вопроса. Политика, классовые интересы пролетариата требуют этого. И экономика будет перестроена. Лозунг «догнать и перегнать» будет осуществлен.

С этим диалектическим решением ленинизмом проблемы политики и экономики тесно связана та постановка вопроса о разнотипности у нас систем хозяйства и о двух разных основах советской власти, которая имеется в работах Сталина вслед за Лениным. С этим же связана и его критика оппортунистической теории и практики «самотека» в социалистическом строительстве.

Первый вопрос это решение проблемы о пяти экономических укладах, более обще — разнотипности и противоречивости экономических укладов, т. е. проблемы Ленина. Но есть решение и «решение».

В своей речи на конференции аграрников-марксистов т. Сталин говорил: «При капитализме деревня шла стихийно за городом, потому что капиталистическое хозяйство города и мелкотоварное хозяйство крестьянина являются в своей основе однотипным хозяйством. Конечно мелкокрестьянское товарное хозяйство не есть еще капиталистическое хозяйство. Но оно в своей основе однотипно с капиталистическим хозяйством, так как опирается на частную собственность, на средства производства»¹³.

Однотипна ли эта основа в двух различных секторах нашего советского хозяйства? Конечно, нет. Государственная промышленность есть совокупность предприятий последовательно-социалистического типа. Общественные отношения здесь — отношения последовательно-социалистические по своему типу. Тут уничтожена частная собственность на средства и орудия производства; последние находятся в собственности пролетарской диктатуры как государства, а не собственности отдельных ассоциаций производителей. Кроме того социалистическая промышленность представляет собой «самую крупную и объединенную» (Сталин) промышленность. А крестьянское хозяйство до коллективизации — хозяйство иного противоположного типа. В подавляющей своей массе оно есть «самое раздробленное и отсталое мелкотоварное хозяйство», мелкая и мельчайшая частная собственность. Если пролетариату присуща социалистическая тенденция, то крестьянству — тенденция товарно-капиталистическая: как мелкий и мельчайший собственник, он капиталистом, конечно, не является и являться не может. Между ним и деревенским капиталистом-кулаком есть грань, которую экономически переходят лишь немногие. Но «мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» (Ленин). Рождает и путем перехода в разряд кулаков, но, главным образом, рождает своей мелкой собственностью, позволяющей кулакам богатеть и наживаться на отсталости и раздробленности крестьянства.

«Можно ли следовательно сказать, что мелкотоварное крестьянское хозяйство в своей основе однотипно с социалистическим производством в городе? Очевидно, что нельзя этого сказать, не разрывая с марксизмом»¹⁴.

Правый оппортунизм считает, что раз новые, высшие по своему типу производственные отношения даны, то они одним фактом своего существования переделывают все другие экономические уклады: общие-де рамки развития в нашей стране заранее даны строем пролетарской диктатуры. Беспокоиться нечего. Пусть все идет так,

¹³ Сталин, Вопросы ленинизма, 1930, с. 550.

¹⁴ Там же.

как оно идет. Это свидетельствует о теоретическом убожестве, о полном непонимании того, что социализму необходимо переделат ь крестьянина, уничтожив частнособственнический уклад хозяйства.

Когда на XV съезде партии т. Сталин ставил вопрос о коллективизации как очередную практическую задачу нашего социалистического строительства, он говорил о двух путях «охвата сельского хозяйства» — и з в н е и и з н у т р и ¹⁵. Извне—через рынок, через снабжение и сбыт, изнутри—через производство. Такое разграничение имеет громадное теоретическое и практическое значение.

В условиях капитализма рынок (конечно, не снабжение!) есть единственная нормальная форма связи города с деревней. Через него устанавливается связь между капиталистическим и простым товарным хозяйством, через него происходит капитализация деревни. У нас положение меняется. Государственная и кооперативная торговля социалистического города с мелкокрестьянской деревней ограничивает и вытесняет капиталистические элементы деревни, но взята сама по себе как торговля не перестраивает окончательно мелкокрестьянского производства. Охват извне должен дополниться охватом изнутри. Подготовив с помощью первого почву, пролетариат должен перестроить самый способ сельскохозяйственного производства миллионов крестьян. П е р е с т р о й к а п р о и з в о д с т в а приводит через ряд посредствующих форм к окончательному уничтожению рынка, рыночной связи города с деревней. Но достаточно так поставить вопрос, чтобы было видно (для этого нужен зоркий марксистский глаз и преданность намеченной цели построения социализма), что само собой стихийно, самотеком, даже при наличии диктатуры пролетариата крупное социалистическое производство в сельском хозяйстве не рождается. «Стало быть, теория самотека в деле социалистического строительства есть теория гнилая, антиленинская. Стало быть, чтобы мелкокрестьянская деревня пошла за социалистическим городом, необходимо еще кроме всего прочего н а с а ж д а т ь в деревне крупное социалистическое хозяйство в виде совхозов и колхозов как базы социализма, могущее повести за собой во главе с социалистическим городом основные массы крестьянства... Социалистический город должен в е с т и за собой мелкокрестьянскую деревню, н а с а ж д а я в деревне колхозы и совхозы и преобразуя деревню на новый социалистический лад» ¹⁶.

Общеизвестно, что это «насаждение» возможно только там, где подготовлены соответствующие условия, и что оно совершенно исключает «левые» загибы в коллективизации, перепрыгивание через неизжитую ступень и т. п.

Но это есть именно насаждение: сельское хозяйство активно переводится на новую ступень техники и культуры, впервые с о з д а ю т с я социалистические отношения в сельском хозяйстве, организационный опыт рабочего класса передается бедноте и середнякам. И эта организаторская роль рабочего класса отнюдь не снижается тем замечательным фактом, что «теперь уже не мы одни, квалифицированные большевики, а сами крестьяне из колхозов, десятки тысяч крестьян — организаторов, агитаторов колхозного дела — будут нести вперед знамя коллективизации» (Сталин). Напротив, организаторская

¹⁵ „Бюллетень XV съезда ВКП (б)“ № 2, с. 25.

¹⁶ Сталин, Вопросы ленинизма, 1930, с. 551.

роль пролетариата — а это его основная роль, говорит Ленин — тут еще больше подчеркивается.

Насаждение колхозов необходимо не только потому, что беднота и середняки не могут сами с этим справиться, но и в особенности потому, что кулачество и другие капиталистические элементы страны и нашего окружения всячески борются против строительства социализма. И этого тоже «не понимают» правые оппортунисты.

Формулируя существеннейшую задачу реконструктивного периода, вопрос о двух типах хозяйства в нашей стране т. Сталин ставит и решает и в другой плоскости. Вопрос идет об основе советской власти. «Можно ли в продолжение долгого периода времени базировать советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах — на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства? Нет, нельзя. Это когда-либо должно кончиться полным развалом всего народного хозяйства»¹⁷.

Есть люди, которые (например троцкисты) исключают самую возможность того, чтобы беднота являлась опорой пролетариата в деревне, а середняк — его союзником. На лучший конец, считают они, советская власть имеет только одну основу — промышленность, в деревне же она висит в воздухе.

Советская власть, по учению Ленина, потому и является наилучшей формой диктатуры пролетариата, что, охватывая, хотя и по-разному, пролетариат и крестьянство, она базируется и на социалистической промышленности и на крестьянском хозяйстве. Именно это при обеспечении руководства со стороны пролетариата и дает возможность переделывать крестьянство (бедняка и середняка). Конечно социалистическая промышленность и мелкокрестьянское хозяйство — это разные основы, разные споры. В первой — отношения социалистические, во второй — мелкособственнические. Но это не значит, что в деревне советской власти как власти социалистической опереться не на что, у ней нет основы. Гениальность учения Ленина в частности заключается в том, что он обосновал возможность и неизбежность диктатуры пролетариата в мелкокрестьянской стране.

Троцкизм путает советскую власть с социалистическими отношениями производства и решает вопрос «просто» и неверно: либо власть не социалистическая, либо она существует без опоры в деревне. Однако смешивать диктатуру пролетариата с производственными отношениями — значит забыть азбуку марксизма.

«Социалистические отношения в СССР, опирающиеся до сих пор почти исключительно на социалистическую промышленность, отныне начинают опираться также и на быстро растущий социалистический сектор (крупное производство в виде колхозов и совхозов) в сельском хозяйстве» (Сталин).

Тем самым открыта возможность преодоления величайшей трудности пролетарской революции, которая заключается в том, что пролетарская власть «готовых» социалистических отношений не получает, если не брать самых развитых форм капитализма, которые в сущности охватили небольшие верхушки промышленности и совсем мало еще затронули земледелие¹⁸. А ведь это абсолютно не значит, что советская власть впервые приобретает себе

¹⁷ Сталин, Вопросы ленинизма, 1930, с. 548, 443.

¹⁸ Ленин, „Доклад о войне и мире“ на VII съезде партии, т. XXII, изд. 2-е, с. 316.

базу в деревне. Эта база была в лице бедноты как опоры и середняка как союзника. Конечно база не одинаковая; бедняк ближе к пролетариату по своему экономическому положению, чем середняк. Последний «класс колеблющийся» (Сталин), что не свойственно бедноте как целому. Резолюция XVI съезда отмечает другой, тот действительно новый факт, что по-новому ставится теперь вопрос об опоре советской власти в деревне. По-новому, так как в лице колхозников мы имеем не создание опоры советской власти, а создание «действительной и прочной опоры» ее в деревне. Создание социалистических отношений в деревне в лице колхозов разрешает не ту «трудность» пролетарской революции, что у советской власти будто бы нет опоры в деревне: эта «трудность» разрешалась проведением в жизнь лозунгов Ленина по крестьянскому вопросу, союзом пролетариата с крестьянством, изменением основ этого союза в связи с историей борьбы, при обеспечении руководства со стороны пролетариата. Строительство совхозов и колхозов разрешает действительно «величайшую трудность пролетарской революции» — создание социалистических отношений в деревне, создание там действительной и прочной опоры советской власти, опоры социалистической по своему типу¹⁹.

Само собою разумеется, что вопрос о политике и экономике и вопрос о самотеке касается не только развития сельского хозяйства, но индустрии. Индустриализация в тех темпах, свидетелями которых мы являемся, индустриализация как преимущественное развитие тяжелой промышленности, индустриализация как ключ к социалистической перестройке сельского хозяйства, индустриализация как обеспечение обороны страны социализма от капиталистической интервенции — в целом, индустриализация как путь, ведущий к победе социализма, — это совершенно исключает тот «экономический» подход, выше которого не могут подняться правые. Это есть классовая политическая проблема.

2. Производительные силы и производственные отношения в реконструктивный период

Проблема реконструкции народного хозяйства, будучи проблемой классовой, ставит вопрос о производительных силах и производственных отношениях в этот период. Пользуясь теорией марксизма как руководством к действию, партия «хорошо роет», выкорчевывая самые корни капитализма, таящиеся в мелком производстве.

«Социализм есть уничтожение классов» говорил Ленин. Классы коренятся в различии «исторически определенных систем общественного производства» и в обусловленной этим возможности присвоения одной группой людей труда других групп. Именно отсюда вытекает та постановка вопроса о создании экономической базы социализма, которая в своей законченности дана только т. Сталиным. «Создать экономическую базу социализма — это значит сомкнуть сельское хозяйство с социалистической индустрией в одно целостное хозяйство, подчинить сельское хозяйство руководству социалистической индустрии, наладить отношения между городом и деревней на основе прямого обмена продуктов сельского хозяйства и индустрии, закрыть и ликвидировать все те каналы, при помощи которых рождаются классы и рождается прежде всего капитал, создать в конце кон-

¹⁹ XVI съезд ВКП (б), Стеногр. отчет, с. 730.

цов такие условия производства и распределения, которые ведут прямо и непосредственно к уничтожению классов»²⁰. Уничтожая классы и самую возможность их дальнейшего возникновения, пролетариат и его партия не могут действовать иначе, как перестраивая общественную систему производства. В этом осуществление того материализма, который был открыт Марксом и Энгельсом. В этом новое, величайшее доказательство истинности и силы марксизма. Но здесь же и то своеобразие, которое бросает новый свет на привычные и иногда толкуемые вкривь и вкось формулы марксизма; такова пролетарская революция в целом, таков в особенности реконструктивный период.

Производственные отношения — экономический базис общества — не могут существовать вне тех корней, из которых они вырастают.

Крупная концентрированная и централизованная промышленность эпохи империализма создает возможность установления новых производственных отношений пролетарской революцией. В период реконструкции наша страна вошла и не могла не войти с существующими последовательно социалистическими отношениями в государственной промышленности. Этот последний факт определяет собою своеобразие соотношения производительных сил и производственных отношений в реконструктивный период в данной области, в данном секторе. Для марксизма понятно (правда, для очень и очень многих после специальных «разъяснений» Ленина и Сталина), что иначе должен ставиться вопрос о соотношении их в сельском хозяйстве.

Но прежде всего несколько слов о тех «истматовских» теориях, которые сильно мешают правильному пониманию проблемы.

Вслед за Плехановым у нас чаще всего утверждается, что «производительное воздействие общественного человека на природу и совершающийся в процессе этого воздействия рост производительных сил, это — с о д е р ж а н и е, экономическая структура общества, его имущественные отношения, это ф о р м а»²¹. У Плеханова такое утверждение понятно, поскольку у него сильно метафизическое стремление свести все общественное развитие к соотношению природы и человека, к влиянию географической среды при игнорировании специфически общественного характера социального процесса, классов и классовой борьбы как его действительного содержания. Но ведь кроме Плеханова есть Маркс и Ленин — подлинные диалектики. У них надо учиться марксизму, у политика партии, у Сталина.

Производственные отношения есть базис общества, и пока существуют классы, с о д е р ж а н и е м общественной жизни будет классовая борьба, подчиняющая себе «производительное воздействие общественного человека на природу». Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая с о в о к у п н о с т ь всех противоречивых тенденций, с в о д я (К. М.) их к точно определенным условиям жизни и производства различных классов общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая к о р н и (К. М.) без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил. Люди сами творят свою историю, но чем определяются мотивы людей и именно масс людей, чем

²⁰ „Об оппозиции“, с. 453.

²¹ Плеханов, Собр. соч., т. XI, с. 180 (разрядка автора).

вызываются столкновения противоречивых идей и стремлений, какова совокупность всех этих столкновений всей массы человеческих обществ, каковы объективные условия производства материальной жизни, создающие базу (К. М.) всей исторической деятельности людей, каков закон развития этих условий — на все это обратил внимание Маркс и указал путь к научному изучению истории как единого закономерного во всей своей разносторонности и противоречивости процесса²² — вот каково ленинское определение и сути исторического процесса и сути марксистского учения о производительных силах, как о «корнях», «базе» общественной жизни. Ведь именно с плехановско-каутскианским, короче — оппортунистическим пониманием воевал Ленин, когда писал свои незабываемые страницы о «сухановщине».

Эпоха реконструктивного периода, выраженная в теории т. Сталина, бросает яркий свет и на общее понимание проблемы производительных сил и производственных отношений. Не диалектика формы и содержания — то, чем обычно ограничиваются, о чем у Плеханова одни слова, — но и диалектика противоположностей как суть первой — вот, что лежит в основе всех положений Сталина по этому вопросу. И такое разграничение не формальность, не схоластика²³.

Было бы ошибкой утверждать, что наши производственные отношения переделывают производительные силы именно и только потому, что они есть активная форма. Всегда, когда Ленин и Сталин говорили о возможности построения у нас социализма, они ссылались не на форму, переделывающую содержание, хотя они дают образцы такой диалектики, а на нечто совсем другое — на новые общественные отношения, имеющие под собою прочную базу крупной промышленности. А это и значит, что дело идет в первую очередь о диалектике противоположностей. При этом известная формулировка Ленина — пересесть «на лошадь, которую и щет и не может не и скать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя, и т. д.»²⁴ не дает никакой возможности говорить, что производительные силы нашей страны и щут для себя новой формы.

Именно об этом шла речь, когда т. Сталин говорил, что при победе социализма в других странах мы перешли бы от политики обеспечения своей самостоятельности к политике включения себя в систему этих стран²⁵. Развитие производительных сил как корень, основа укрепления и развития социалистических отношений тоже происходило бы, но видимо в иных темпах. А это говорит, что не тут заложено содержание процесса социалистического развития. Именно об этом идет речь, когда мы говорим о направлении нашей индустриализации. Много мест из работ т. Сталина можно привести по этому поводу. Но вот одно из самых ярких: «В росте производительности труда вообще заинтересовано всякое общество и капиталистическое, и докапиталистическое. Отличие советского общества от всякого

²² Ленин, Собр. соч., т. II, изд. 2-е, с. 13.

²³ Странная вещь. Пишущие о производительных силах и производственных отношениях прекрасно знают, что по Ленину „раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности“ есть суть диалектики. Закон формы и содержания, несмотря на все свое значение, далеко не обладает таким качеством (у Энгельса он не числится даже среди трех основных законов). И все-таки продолжают вечно спорить о форме и содержании, игнорируя Ленина. Плехановская традиция в вопросах истмаша у нас среди популяризаторов еще очень сильна.

²⁴ Ленин, Собр. соч., т. XXVII, изд. 2-е, с. 417 (разрядка наша).

²⁵ Сталин, Вопросы ленинизма, 1930, с. 519—520.

другого общества в том именно и состоит, что оно заинтересовано не во всяком росте производительности труда, а в таком росте, который обеспечивает перевес социалистических форм хозяйства над другими формами и прежде всего над капиталистическими формами хозяйства, который обеспечивает таким образом преодоление и вытеснение капиталистических форм хозяйства»²⁶. Не ясно ли после этого, что производительные силы нельзя брать оторванно от общества, превращать их в «содержание» и на этом основании забывать то своеобразие их соотношения, которое имеется всегда и подчеркивается реконструктивным периодом? И наконец, лозунг Сталина: «Большевики должны овладеть техникой» может быть истолкован в духе «технической реконструкции» т. Бухарина. Но это означает полное непонимание классового значения лозунга «Техника в период реконструкции решает все», ибо есть: а) достаточные природные богатства, б) «наличие такой власти, которая имеет желание и силу двинуть использование этих огромных природных богатств на пользу народа», в) эта власть пользуется поддержкой миллионов масс рабочих и крестьян, г) «мы свободны от неизлечимых болезней капитализма» и д) партия, достаточно сплоченная и единая для того, чтобы направить усилия всех лучших людей рабочего класса в одну точку, и достаточно опытная для того, чтобы не сдрейфить перед трудностями и систематически проводить в жизнь правильную, революционную большевистскую политику»²⁷. Одна из сторон производительных сил — техника — решает, так как основа для этого — общественные отношения, и они обеспечивают возможность такого «решения». Итак, как ставится конкретно вопрос о соотношении противоположностей производительных сил и производственных отношений в зависимости от различия между секторами хозяйства?

На XVI партсъезде Сталин говорил: «Надо иметь в виду... то обстоятельство, что реконструкция народного хозяйства не ограничивается у нас перестройкой его технической базы, а наоборот, требует вместе с тем перестройки социально-экономических отношений. Я имею в виду главным образом сельское хозяйство. В промышленности, которая уже объединена и социализирована, техническая реконструкция имеет уже в основном готовую социально-экономическую базу. Задача реконструкции состоит здесь в том, чтобы усилить процесс вытеснения капиталистических элементов в промышленности. Не так просто обстоит дело в сельском хозяйстве»²⁸. Таким образом в социалистической промышленности проблема реконструкции заключается не в том, чтобы создать новые общественные отношения. Через техническую реконструкцию необходимо так сказать интенсифицировать и экстенсифицировать эти отношения. Экстенсифицировать, вытеснив окончательно капиталистические элементы и охватив социалистическими отношениями всю промышленность. Интенсифицировать — переводить в борьбе с остатками и возрождениями капитализма социалистические по своему типу отношения на более высокую ступень. Что же является здесь исходным пунктом переворота? Что ведет реконструкцию? «Партия организовала широкое социа-

²⁶ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 1930 г., с. 44 и Вопросы ленинизма, изд. 1923 г., с. 361—362.

²⁷ Сталин, О задачах хозяйственников, с. 5—8.

²⁸ Там же. Тому, кто вздумает упрекнуть нас в отождествлении техники и производительных сил (такова именно ошибка Богданова, Бухарина, Плеханова), заметим, что дело идет не о голой технике, а о большевиках, обладающих техникой.

листическое соревнование и массовый трудовой подъем на фабриках и заводах. Теперь уже не может быть сомнения, что одним из самых важных фактов, если не самым важным фактом нашего строительства, является в данный момент социалистическое соревнование фабрик и заводов, переключки сотен тысяч рабочих о достигнутых результатах по соревнованию, широкое развитие ударничества»²⁹. Это организованное партией массовое движение и есть исходный пункт реконструкции производительных сил в промышленности — техники и рабочей силы («кадры»). Кто не знает вызванных этим громадных успехов по выполнению пятилетки в 4 года (а в некоторых отраслях и в 3 и 2½ года)? Кто не знает успехов по котлотурбостроению, по перестройке угольных шахт, по досрочному окончанию в труднейших условиях больших новостроек?

Но «самое замечательное в соревновании состоит в том, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и героизма. Ничего подобного нет и не может быть в капиталистических странах»³⁰. Нет и не может быть, хотя уровень производительных сил там все еще выше, чем у нас. Но зато, укрепляя и развивая социалистические отношения в госпромышленности, это обеспечивает нам возможность таких темпов, о которых капиталисты не смеют даже и мечтать. Вот конкретный образец того, как социалистический пролетариат, перестраивая (а не только давая простор существующим) производительные силы, реализует большевистский лозунг «догнать и перегнать».

Иначе обстоит дело в сельском хозяйстве. Причина — все особенности мелкокрестьянского уклада. «Мелкое хозяйство лишено возможности освоить новую технику, ввиду этого перестройка технической базы сельского хозяйства невозможна без одновременной перестройки старого социально-экономического уклада, без объединения жалких хозяйств в крупные коллективные хозяйства, без выкорчевывания корней капитализма в сельском хозяйстве»³¹.

Конечно, ведущими, направляющими являются и здесь социалистические производственные отношения, выраженные и закрепленные в господстве рабочего класса, в диктатуре пролетариата. Однако эта ведущая роль оказывается не самотеком, а в активном действии и помощи пролетариата крестьянству (производственная помощь, совхозы, 25-тысячники и т. п.), в борьбе с капиталистическими элементами деревни.

В своей речи на пленуме ЦК (апрель 1929 г.) «О правом уклоне в ВКП(б)» т. Сталин чрезвычайно рельефно, как и в других местах, противопоставил установку правых установке партии в этом вопросе. Для партии «ключом реконструкции сельского хозяйства является быстрый темп развития нашей индустрии». Для правых «ключом реконструкции сельского хозяйства является развитие индивидуального крестьянского хозяйства»³².

В такой установке правых выражена некая «идея» о связи производительных сил и производственных отношений в процессе развития сельского хозяйства. Правые стоят на точке зрения одного лишь воз-

²⁹ Сталин, Вопросы ленинизма, 1930, с. 651.

³⁰ Там же, с. 661.

³¹ Там же, с. 661.

³² Там же, с. 636.

действия «извне», через товарооборот, через рынок, боясь, как чорт ладана, «охвата изнутри», через производство. Они видимо считают, что положение тут таково же, как и в нашей социалистической промышленности. Производственные отношения мелкотоварного хозяйства, хотя и с помощью пролетарского государства, способны сами перестроить его производительные силы на социалистический лад. Нет ничего наивнее и... реакционнее этой утопии.

Ленинизм всегда исходил и исходит из того, что мелкокрестьянское хозяйство, именно как мелкое, неспособно, оставаясь таковым, само освоить новую технику, новые способы производства. Так называемые «старательные» одиночки — только подтверждения правила. Тем более неспособно оно создать новые формы сельскохозяйственного производства. Отсюда его вековая застойность, отсюда — нужда и нищета подавляющей массы мелких собственников-крестьян. Даже диктатура пролетариата, если она не перестраивает крестьянского производства, может только улучшить положение основных масс крестьянства, но не избавить его окончательно от «идиотизма деревенской жизни». Проблема город — деревня может быть решена только на путях изменения сельскохозяйственного производства диктатурой пролетариата.

Оригинальная картина: провозглашая содержанием реконструктивного периода техническую реконструкцию, правые для сельского хозяйства ее не требуют, социальное значение ее смазывают. Они видимо думают, что в реконструкции (в решительном, существенном изменении) нуждается как раз то, что в таком изменении не нуждается, ибо производственные отношения, последовательно социалистические по своему типу, в госпромышленности имеются.

«Колхозы являются единственным средством, дающим крестьянам выход из нужды и темноты»³³. В истории человечества впервые появилась на свет власть советов, которая доказала на деле свою готовность и свою способность оказывать трудящимся массам крестьянства систематическую и длительную производственную помощь³⁴.

Одной из важнейших предпосылок к этому является национализация земли.

Но основным, решающим и главным исходным пунктом развития, ключом является то, что «советская власть правильно учла растущую нужду крестьянства в новом инвентаре, в новой технике, она правильно учла безвыходность положения крестьянства при старых формах обработки земли и, учтя это, во-время организовала ему помощь в виде прокатных пунктов, тракторных колонн, машинно-тракторных станций, в виде организации общественной обработки земли, в виде насаждения колхозов, наконец в виде всесторонней помощи крестьянскому хозяйству силами совхозов»³⁵.

Не случайно, что именно на XVI партсъезде — съезде «по преимуществу коллективизации» (Сталин) — т. Сталин поставил вопрос об учете опыта Шевченковского совхоза, оказавшего производственную помощь крестьянству, стимулируя тем коллективизацию. Не случайно наша политика строительства машинно-тракторных станций и тракторных колонн, вокруг которых растет и закрепляется сплошная

³³ Сталин, там же, с. 595.

³⁴ Там же, с. 539.

³⁵ Там же, с. 539.

коллективизация. Не случайно наконец одно из последних решений партии об организации в 1931 г. 1,040 МТС и направлении в сельское хозяйство 120 тыс. тракторов. Это — аргумент, который и стимулирует и облегчает переход мелкокрестьянского хозяйства на рельсы колхозов. Именно это, а не «левацкое» администрирование и декретирование колхозов обеспечивает то положение, что «таких бурных темпов развития (колхозов — К. М.) не знает даже наша социализированная крупная промышленность, темпы развития которой отличаются вообще большим размахом»³⁶.

Все это есть блестящее подтверждение тезиса Ленина — «решить дело переработки мелкого земледельца может только материальная база, техника, применение трактора и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе. Вот что в корне и с громадной быстротой переделало бы мелкого земледельца» (цитиров. т. Сталиным, разрядка наша). Отсюда известное положение Ленина о 100 тыс. тракторов.

Исходя из всего этого, конкретизируя и развивая положения ленинизма, Сталин говорит относительно «технического перевооружения середняка» следующее: «То, что считалось несколько лет назад «фантазией», мы имеем теперь возможность превратить в действительность. Вот где причины того, что середняк повернул в сторону «коммуни»»³⁷.

Индустриализация есть рычаг социалистической перестройки сельского хозяйства и переделки мелкого земледельца, так как она меняет самую основу, корень его, бытия — производительные силы. Этот рычаг приводится в движение пролетариатом. Индустриализация и коллективизация — звенья одной и той же цепи социалистического строительства, социалистической реконструкции сельского хозяйства, взятые в границах этого взаимоотношения: первое — рычаг, исходный пункт переворота, второе — ближайшая цель, как создание новых социалистических отношений в сельском хозяйстве.

Однако было бы глубочайшей ошибкой думать, что такой способ, будучи главным и основным, является единственным, что он исключает другие формы и пути подхода к социалистической переделке крестьянства.

Дело идет «о колхозах первичных, представляющих так сказать мануфактурный период колхозного строительства и опирающихся на крестьянский инвентарь», опирающихся «на простое сложение крестьянских орудий производства»³⁸. Это та форма, которая была впервые открыта и теоретически обоснована т. Сталиным, форма, недоучет практического и теоретического значения которой есть оппортунизм.

Будучи непосредственно следующей ступенью за простой кооперацией, подготовленная ею и контракцией, она сама подготавливает дальнейший перевод колхозов на базу тракторов и механизации. Исходным пунктом переворота являются здесь не новые производительные силы (они действуют извне, в порядке показа достижений совхозов и более развитых колхозов), а простое сочетание трудовых усилий и навыков крестьянства на базе сложения их собственных орудий производства. Тут есть общее с тем, что Маркс установил в от-

³⁶ Сталин, Вопросы ленинизма, с. 538.

³⁷ Там же, с. 544 (разрядка наша).

³⁸ Там же, с. 554—555.

ношении капиталистической мануфактуры: «Специфическим для мануфактурного периода механизмом остается сам коллективный рабочий, составленный из многих частных рабочих»³⁹. И как капиталистическая мануфактура дает большой рост производительности труда сравнительно с индивидуальным ремесленником, так и тут «простое сложение крестьянских орудий в недрах колхозов дало такой эффект, о котором и не мечтали наши практики. Крестьяне, будучи бессильны в условиях индивидуального труда, превратились в величайшую силу, сложив свои орудия и объединившись в колхозы»⁴⁰. И эта сила тем больше, что колхозы, построенные на этой основе, в том отношении решительно отличаются от капиталистической мануфактуры, что никакого владеющего средствами производства всего объединения частного собственника тут нет. Колхозники — не наемные рабочие, хозяин «мануфактуры» отсутствует.

«Нечего и говорить, что превосходство колхозов перед индивидуальным крестьянским хозяйством станет еще более бесспорным, когда на помощь первичным колхозам в районах сплошной коллективизации подойдут наши машинно-тракторные станции и колонны, когда сами колхозы получают возможность сосредоточить в своих руках тракторы и комбайны»⁴¹. Таким образом окончательное закрепление колхозов, подъем их на высшую ступень и тут произойдет через изменение производительных сил.

Но теоретическое значение тезиса т. Сталина о «так сказать, мануфактурном периоде» колхозов далеко не исчерпывается одними приведенными утверждениями.

Нам представляется, что здесь заложен также ответ на вопрос о применимости категорий «Капитала» Маркса к известным процессам переходного периода, т. е. ответ на чрезвычайно большой и трудный вопрос. Что дело обстоит именно так, видно, кроме приведенных мест, еще из следующего: говоря о работе сельхозкооперации, Сталин писал «о домашней системе государственно-социалистического производства по аналогии с домашней системой капитализма в области, скажем, текстильного производства, где кустари, получая от капиталиста сырье и орудия и сдавая ему всю свою продукцию, фактически являлись полунаемными рабочими на дому. Это один из многих показателей того, по какому пути должно пойти у нас развитие сельского хозяйства»⁴². Если принять во внимание ту помощь которую оказала делу коллективизации контрактация крестьянских посевов («государство стало поставщиком товаров для крестьянства, а крестьянство становится поставщиком хлеба для государства») ⁴³, то легко увидеть, как осуществлялось на практике и к каким успехам привело это диалектическое, т. е. дающее новое социальное содержание, использование марксовых категорий при руководстве социалистическим строительством. И в этом значение того тезиса т. Сталина, что без «ряда основных положений марксистско-ленинской политической экономии, являющихся вернейшим противоядием

³⁹ „Капитал“, из 1906 г., т. I, с. 314.

⁴⁰ Сталин, Вопросы ленинизма, с. 555. Метафизик Троцкий, говоря, что из суммы лодок нельзя сделать корабля, отрицает обоснованную Марксом и Сталиным диалектику возникновения нового качества через количественное сочетание старого.

⁴¹ Там же, с. 556.

⁴² Там же, с. 55.

⁴³ Там же, с. 500.

против буржуазных и мелкобуржуазных теорий, невозможно добиться полной победы над классовым врагом»⁴⁴.

Что дает диалектическое понимание этих основных положений чрезвычайно ярко показывают проблемы накопления и расширенного воспроизводства в реконструктивный период.

3. Проблемы накопления и темпов развития

Проблему расширенного воспроизводства в советских условиях пытался в свое время разрешить Преображенский. Игнорируя марксистскую постановку вопроса, он разрешал ее, так сказать, капиталистически, через эксплуатацию крестьянства. Его «Теории» отнюдь нельзя путать с учением Маркса о расширенном воспроизводстве. Ведь марксистско-ленинская политическая экономия говорит не только о капиталистической форме накопления и расширенного воспроизводства, но и о том, как накопление в своих основах будет происходить даже при коммунизме. Не даром к положению Бухарина, что «конец капиталистического общества будет концом и политической экономии», Ленин делает заметку: «Неверно. Даже в чистом коммунизме, хотя бы отношение (ОЭТ) к II с? и накопление?»⁴⁵. Тем более видимо, по мысли Ленина, относится это к нам.

Если троцкистская политическая экономия («социальная технология») переносила на переходный период законы капитализма, то т. Бухарин воевал против применимости марксистской политической экономии к этому периоду. При этом он исходил из типичной мелкобуржуазной точки зрения, «обоснованной» для него особенностями переходного периода.

В «Пути к социализму» он писал: «Наша промышленность работает... прежде и раньше всего на крестьянский рынок. Она и раньше в своем развитии зависела от этого рынка, но в условиях пролетарской диктатуры она неизбежно зависит от этого рынка в еще большей степени, чем при старом режиме... Наша промышленность, таким образом, зависит в своем развитии от крестьянского хозяйства (разрядка наша — К. М.). Наша промышленность развивается тем быстрее, чем больше платежеспособный спрос со стороны крестьянства. Накопление нашей промышленности идет тем быстрее, чем быстрее идет накопление (!) в нашем крестьянском хозяйстве, чем скорее это крестьянское хозяйство выходит из нищеты, чем больше оно богатеет (!!)... и чем больше поэтому становится в состоянии покупать у городской промышленности... Эта взаимная зависимость друг от друга «нашей» промышленности и крестьянства, которое «богатеет» (К. М.), есть самое коренное, что должно определять собою правильную политику со стороны руководящей партии...»⁴⁶.

Эта длинная цитата очень ясно показывает, как понимает правый оппортунизм вопросы расширенного воспроизводства у нас. Но едва ли не более выпукло формулировано это понимание в «Заметках экономиста»: «Рост потребностей является непосредственной

⁴⁴ Там же, с. 546.

⁴⁵ „XI Ленинский сборник“, с. 349.

⁴⁶ Н. Бухарин, *Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз*, с. 41—42 (разрядка автора, кроме оговоренного).

двигательной пружиной его (нашего общества — К. М.) экономического развития, «производство становится средством», причем последний факт видите ли показывает, что «общество действительно переходит к социализму»⁴⁷. В соответствии с этим круг интересов автора «Заметок» не выходит за пределы рынка, рыночного спроса, где он и видит коренной исходный пункт накопления и расширенного воспроизводства. Отсюда, как известно, установка на преимущественное развитие легкой промышленности в противовес крупной, но якобы в целях накопления для последней.

Невольно на память приходят те мысли, которые Ленин уже давно развил в ряде своих работ и в частности в «К характеристике экономического романтизма»⁴⁸. Не в бровь, а в глаз попадает нашему автору такая характеристика Лениным Сисмонди: «Его утверждения, что быстрое (а этого у промышленности боится Бухарин — К. М.) накопление ведет к бедствиям, совершенно ошибочны и проистекают лишь из непонимания накопления, точно так же, как многократные заявления и требования, чтобы производство не перегоняло потребления, ибо потребление определяет производство. На деле происходит именно обратное, и оно просто-напросто отворачивается от действительности в ее особой исторически определенной форме, подставляя на место анализа мелкобуржуазную мораль»⁴⁹. Само собой разумеется, что Сисмонди совершал свои ошибки в отношении капитализма, а т. Бухарин в отношении переходной экономики. Но это не мотив для замены теории марксизма экономическим романтизмом, мелкобуржуазностью.

Но не есть ли приведенные положения т. Бухарина только своеобразная форма выражения той мысли, что «у нас в СССР рост потребления (покупательной способности) масс все время обгоняет рост производства, толкая его вперед...»⁵⁰. Отнюдь нет. Марксистская диалектика производства и потребления утверждает, что второе создается первым, хотя и сама оказывает известное влияние на него. В условиях капитализма это есть «производство для производства», производство для прибыли. В условиях советского строя это — производство для победы социализма. В капитализме тут заложен источник кризисов, как выражения непримиримого в его условиях противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения. У нас — источник развития без кризисов, без перепроизводства, «развитие производства (в советской системе хозяйства — К. М.) подчинено не принципу конкуренции и обеспечения капиталистической прибыли⁵¹, а принципу планового руководства и систематического подъема материального и культурного уровня трудящихся»⁵².

А это исключает самую бухаринскую постановку вопроса. У него — развитие промышленности зависит от уровня потребления. Для партии — уровень потребления зависит от развития промышленности.

⁴⁷ Бухарин, Заметки экономиста, с. 15.

⁴⁸ Ленин, Собр. соч., т. II, изд. 2-е.

⁴⁹ Ленин, Сисмонди и наши отечественные сисмондисты.

⁵⁰ Сталин, Вопросы ленинизма, с. 667 (разрядка наша).

⁵¹ Сталин напр. говорит: «... у нас крупные зерновые хозяйства не нуждаются для своего развития ни в максимуме прибыли, ни в средней норме прибыли, а могут ограничиваться минимумом прибыли, а иногда обходиться и без всякой прибыли...» (Вопросы ленинизма, с. 540). Такое отсутствие прибыли было у нас и в известный период развития тяжелой индустрии.

⁵² Там же, с. 667.

Тов. Бухарин фактически «примлет», перенося на СССР, те капиталистические противоречия, которые означают, что так как капиталистическое производство создает потребление, оно неизбежно периодически «наталкивается, как на преграду, на нищенское положение и с ним же и материальной обеспеченности миллионов масс трудящихся, не всегда имеющих возможность удовлетворить свои потребности даже в пределах крайнего минимума, что неизбежно создает почву для неминуемых кризисов перепроизводства, роста безработицы, и т. д.»⁵³. Тов. Бухарин выбрасывает марксистскую политическую экономию для того, чтобы обосновать мелкобуржуазную утопию, сделав ее критерием нашего движения. Партия — и это теоретически обосновано Сталиным для реконструктивного периода — именно в развитии производства, как учит этому марксизм, видит единственный коренной источник роста материального и культурного благосостояния трудящихся.

Марксистская категория «производство для производства», вскрывающая закономерность капитализма, и остается и существенно меняется. Это выражено в нашем пятилетнем плане и в лозунге: «Пятилетка в четыре года». Поскольку мы все силы направляем на развитие тяжелой индустрии, особенно производство угля, металла, электроэнергии, для производства средств орудий производства, постольку формула остается, ибо это обеспечивает нам рост производительных сил и реконструкцию нашей промышленности и сельского хозяйства. Но поскольку это «производство для производства» не есть производство для прибыли, а обеспечение такого потребления масс, которого не видел и не может видеть капитализм, поскольку формула решительно меняется в своем содержании превращаясь в производство для победы социализма.

Правооппортунистическая концепция не видит этой диалектики, спутывает марксистскую теорию воспроизводства с капиталистической формой последнего и всеми его противоречиями. Стараясь избежать последних, она возрождает мелкобуржуазные взгляды, разрывает с марксизмом. Тов. Сталин как марксист, ленинец, отнюдь не держащий под спудом марксистско-ленинской политической экономии, указал стране путь «разрешения своими собственными силами проблемы накопления, заложив основы тяжелой индустрии». Теоретически это значит: отвергнута капиталистическая форма накопления, сохранено и приведено в действие на пользу пролетариата и социализма марксово учение о расширенном воспроизводстве. «Марксистская теория воспроизводства, — говорит Сталин, — учит, что современное общество не может развиваться, не накапливая из года в год, а накапливать невозможно без расширенного воспроизводства из года в год. Это ясно и понятно. Наша крупная централизованная социалистическая промышленность развивается по марксистской теории расширенного воспроизводства, ибо она растет ежегодно в своем объеме, имеет свои накопления и движется вперед семимильными шагами»⁵⁴.

При этом наши общественные отношения и плановость вносят сюда то новое и для капитализма невозможное, что «при росте общественного сектора часть народного дохода, шедшая до сих пор для кормления эксплуататорских классов и их челяди, должна остаться

⁵³ Сталин, Вопросы ленинизма, с. 667.

⁵⁴ Там же, с. 548.

ся отныне в самом производстве, на расширение производства, на постройку новых фабрик и заводов, на улучшение быта трудящихся», говорит Сталин⁵⁵.

Но это далеко не то единственно новое, что устанавливает в данной совокупности вопросов плановость нашего хозяйства и что обеспечивает через индустриализацию дальнейший рост накопления и стимулирует расширенное воспроизводство в невиданных темпах.

Расширенное воспроизводство в условиях капитализма чрезвычайно облегчается системой кредита. Мы, как известно, кредитов от других стран почти не имеем.

Капиталисты могут осуществлять накопление (и делают это) за счет удлинения рабочего дня. Мы установили 7-часовой рабочий день (6-часовой — во вредных отраслях).

Капиталисты могут осуществлять накопление (и делают это) за счет использования труда детей и вытеснения мужского труда женским как более дешевым. Первое у нас запрещено законом, второго нет.

Капиталисты могут снижать зарплату (и делают это) ниже прожиточного минимума. Мы успешно производим расширенное воспроизводство на основе повышения материального и культурного благосостояния рабочего класса.

Капитализм не может жить и развиваться без постоянной резервной армии труда, «помогающей» ему осуществлять нажим на рабочих. У нас безработица ликвидирована.

Капиталисты могут проводить свою «рационализацию», которая означает удар по рабочему классу. Наша рационализация обеспечивает дальнейший рост промышленности и потому улучшение положения масс.

Мы наконец ввели непрерывку и пятидневку, означающие новое колоссальное улучшение положения рабочего класса. И характерно: у нас все это в условиях индустриализации, преимущественного роста производства средств производства, т. е. в условиях, которые с точки зрения правых, должны были бы ухудшить положение трудящихся.

Отсюда видно, как повышается для нас значение индустриализации, всемерного развития производства чугуна, стали, угля, электроэнергии, даже если это идет за счет развития легкой промышленности. Социализм должен доказать свое превосходство над капитализмом более высоким уровнем производительности труда. Путь, ведущий через ухудшение положения рабочего класса для нас исключен. А тогда другого пути, кроме того, что Марксом названо «повышением органического состава капитала» (для капитализма), и который для нас есть превращение страны из аграрной в индустриальную («СССР должен стать металлическим»), другого пути ни наука, ни практика не дали и не могут дать. Как можно иначе двигаться к социализму, как в форме общества, избавляющей трудящихся от рабской зависимости от капиталиста и сил природы — секрет этого известен только оппортунистическим теоретикам. Правильно будет сказать, что для страны социализма проблема накопления и расширенного воспроизводства имеет значение, многократно перекрывающее значение ее для капитализма. И наши темпы — одни из крупнейших показателей того, что

⁵⁵ Сталин, Вопросы ленинизма, с. 643.

мы уже вошли в период социализма со свойственными ему возможностями повышения производительности труда.

Именно в большем росте производства средств и орудий производства по сравнению с ростом средств потребления разгадка наших темпов, которые покажут еще дальнейшие новые успехи. Эти темпы — прямое противоречие троцкистским измышлениям Преображенского с его эксплуатацией крестьянства. Они — прямое противоречие и «подвижному экономическому равновесию» т. Бухарина.

«До сего времени мы вынуждены были «экономить на всем, даже на школе, для того, чтобы «спасти, восстановить тяжелую промышленность» (Ленин)⁵⁶. Мы совершали «передвижку средств из области производства средств потребления в область производства средств производства», борясь против иллюзии о том, что мы можем теперь же ликвидировать товарный голод⁵⁷. Мы вели ту трезвую политику, которая позволяет «взять у индивидуального крестьянского хозяйства максимум того, что можно взять» и «вместе с тем постепенно переводить индивидуальное хозяйство на рельсы коллективизма»⁵⁸.

Подготавливая твердую почву целой системой организационных мероприятий (таких, как самокритика, организация кадров и т. д.), партия во главе с т. Сталиным мобилизовала все возможности и силы рабочего класса и бедняцко-средняцкого крестьянства на индустриализацию, на решение страной социализма проблемы догнать и перегнать передовые капиталистические страны.

Именно поэтому мы можем теперь «двинуть вперед ускоренным темпом» и легкую индустрию. Именно поэтому, благодаря накоплению в самой промышленности и участию трудовых масс (займы, ударничество и т. д.), мы можем вкладывать миллиарды в народное хозяйство, обеспечивая расширенное воспроизводство в совершенно невиданных темпах. «Перестройка технической базы промышленности и сельского хозяйства при социалистической организации производства открывает такие возможности ускорения темпов, о которых не может мечтать ни одна капиталистическая страна»⁵⁹.

4. Вступление в период социализма и обострение классовой борьбы

Новая экономическая политика была введена партией не как форма чистого и окончательного отступления перед мелкобуржуазной стихией и нашей отсталостью, а как форма отступления для накопления сил и одновременного продвижения вперед. «От штурма к осаде» — вот с чем сравнивал ее Ленин в своей речи на VII Московской губпартконференции⁶⁰.

В восстановительный период партия выдержала нападение троцкистов, которые требовали ликвидации нэпа. При переходе к реконструктивному периоду проявили себя правые, которые цепляются за прошлое, которые не переносят наступления на капиталистические элементы. И если т. Бухарин заявил, что «переход к реконструктивному периоду, разумеется, не выражает принципиального

⁵⁶ Сталин, Вопросы ленинизма, с. 649.

⁵⁷ там же, с. 453.

⁵⁸ Сталин, там же, с. 417.

⁵⁹ Сталин, Политотчет XVI партсъезду.

⁶⁰ Ленин, Собр. соч., изд. 2-е, т. XXVII.

сдвига хозяйственной политики»⁶¹, то сила марксистского метода т. Сталина сказалась здесь в той периодизации, которая со всеми вытекающими отсюда последствиями им установлена. «Ошибки правых, — говорил он в речи «О правом уклоне в ВКП(б)», — связаны с той полосой развития, которая уже пройдена и которая называется периодом восстановления народного хозяйства, когда строительство шло мирным путем, так сказать в порядке самотека, когда не было еще тех классовых сдвигов, которые имеются теперь, когда не было еще того обострения классовой борьбы, которое наблюдается теперь. Но теперь у нас новая полоса развития, отличная от старого периода, от периода восстановления. Теперь у нас новый период строительства, период реконструкции всего народного хозяйства на базе социализма. Этот новый период вызывает новые классовые сдвиги, обострение классовой борьбы. Он требует новых приемов борьбы, перегруппировки наших сил, улучшения и укрепления всех наших организаций. Несчастье группы т. Бухарина в том именно и состоит, что она живет в прошлом, она не видит характерных особенностей этого нового периода и не понимает необходимости новых приемов борьбы. Отсюда ее слепота, растерянность, паника перед трудностями»⁶².

Неслучайно, что именно на непонимании реконструктивного периода проявилась правооппортунистическая, антимарксистская установка Бухарина и одновременно нашла свое особое выражение сила теоретического и политического таланта т. Сталина.

Именно из этой диалектики различения двух периодов, диалектики, которая охватывает, как увидим ниже, все важнейшие вопросы, в противовес механическому стремлению оппортунизма все отождествлять друг с другом, именно отсюда вытекает составившее в теоретической мысли эпоху утверждение: новая практика рождает новый подход к проблемам экономики переходного периода. По-новому ставится теперь вопрос о нэпе, о классах, о темпах строительства, о смычке, о политике партии⁶³. Отсюда же вытекает и утверждение, что мы переживаем «последнюю стадию нэпа», поскольку «мы уже вступили в период социализма».

Ленин говорил, что одной из крупнейших ошибок является то, когда люди абстрактно противопоставляют капитализм социализму, невдумываясь в конкретные формы перехода (см. «Очередные задачи соввласти»). Такие же ошибки возможны и в отношении переходного периода. Ведь тут можно видеть две друг от друга совершенно отделенных эпохи — либо переходный период, либо чистый и сразу полный социализм. Но есть и другая столь же важная ошибка: неумение разграничить, отделить то особое, что свойственно отдельным этапам внутри переходного периода, и на этой основе установить черты последнего этапа. Жизнь показывает переход, переплетение, а также и разграничение и здесь. Это и установлено т. Сталиным.

«Нэп предполагает на известной стадии развития наступления социализма на капиталистические элементы, сужение поля деятельности частной торговли, относительное и абсолютное сокращение капитализма, растущий перевес обобщественного сектора над сектором необобщественным, победу социализма над капитализмом (нынешняя стадия нэпа). Нэп введен для победы со-

⁶¹ Н. Бухарин, Заметки экономиста, с. 7.

⁶² Сталин, Вопросы ленинизма, с. 484.

⁶³ Там же, с. 546.

циализма над капиталистическими элементами. Переходя в наступление по всему фронту, мы еще не отменяем нэпа, ибо частная торговля и капиталистические элементы еще остаются, товарооборот, денежное хозяйство еще остаются,—но мы наверняка отменяем начальную стадию нэпа, развернутая последующую его стадию, нынешнюю стадию нэпа, которая есть последняя стадия нэпа»⁶⁴. И в другом месте того же политотчета на XVI партсъезде: «И там переходный период. И здесь переходный период. И все же они в корне отличаются друг от друга, как небо от земли. И все же никто не может отрицать, что мы стоим на пороге ликвидации последнего серьезного капиталистического класса, класса кулаков. Ясно, что мы уже вышли из переходного периода в старом его смысле, вступив в период прямого и развернутого социалистического строительства по всему фронту. Ясно, что мы уже вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко»⁶⁵.

Эти формулировки конечно противоречивы. Еще бы: вступление в период социализма и в то же время: «Частная торговля и капиталистические элементы еще остаются, товарооборот и денежное хозяйство еще остаются». Но тут противоречие жизни, а не выдумки, схемы, желания. «Эти противоречия живой жизни; живой истории... рабочего движения умеет охватить марксизм как теория диалектического материализма» (Ленин). Это-то и создает ему ту сталиную цельность и единство взглядов, которая бесит всех его врагов. Сомневающимся в значении и совместимости всех этих определений т. Сталина было бы весьма полезно перечитать ту главу Ленина из «Государство и революция», где он говорит о двух фазах коммунистического общества. Там Ленин показывает, что Маркс не случайно, не произвольно «всоставляет» кусочек буржуазного права в коммунизм, Маркс рассматривает коммунизм «как нечто развивающееся из капитализма»⁶⁶. Без известного совмещения противоречий и их борьбы тут дело обойтись не может. Именно из этого и исходит т. Сталин в своих определениях.

Таким образом разграничение в пределах переходного периода есть одновременное совмещение противоположностей в рамках последнего этапа нэпа как начала периода социализма.

Когда Ленин обосновывал необходимость нэпа, он ссылаясь на наличие пяти укладов в нашей экономике. Ясно, что в этом отношении у нас произошли сейчас серьезные изменения: «В результате массового развития колхозов и совхозов и начавшейся ликвидации кулачества меняется самое соотношение различных экономических укладов в хозяйстве СССР, поскольку вдобавок к социалистическому укладу, представленному промышленностью, вырастает социалистический уклад в сельском хозяйстве СССР, вытесняющий капиталистический уклад»⁶⁷.

Каковы же конкретно эти изменения? В том ли суть дела, что в нашей теперешней экономике изменились сами уклады, какие-нибудь из пяти совсем исчезли? Или напротив изменились только их соотношения? Или и то другое вместе?

⁶⁴ Сталин, Вопросы ленинизма, с. 655.

⁶⁵ Там же, с. 709.

⁶⁶ Ленин, Собр. соч., т. XVI, изд. 2-е, с. 438.

⁶⁷ Резолюция XVI партсъезда „О колхозном движении“, [раздел I, пункт 3, разрядка подлинника.

Когда Ленин перечислял элементы различных общественно-экономических укладов, то он как марксист-диалектик ставил вопросы не только о их наличии как таковом, но и о том, «какие же элементы преобладают», между кем и кем идет... борьба, если говорить в терминах экономических категорий»⁶⁸.

Именно так и должен ставить вопрос марксист-ленинец. В противном случае наличие например еще и сейчас, даже в период завершения построения фундамента социалистической экономики, элементов патриархального уклада неизбежно приведет к оппортунистическому отрицанию вступления в период социализма. И так, не статика укладов, а диалектика их соотношения и борьбы, диалектика возникновения одних и уничтожения других.

Положение укладов изменилось. «Некоторые из этих укладов как устарелые уже идут ко дну, а одни из этих укладов, именно новый уклад в области промышленности и сельского хозяйства, растет и развертывается с невиданной быстротой», говорил на XVI парсъезде т. Сталин⁶⁹.

При этом «капиталистические элементы в крупной промышленности уже пошли ко дну. Ясно, что вопрос «кто кого», вопрос о том, социализм ли победит капиталистические элементы в промышленности или они победят социализм, — уже решен в основном в пользу социалистических форм промышленности. Решен окончательно и бесповоротно»⁷⁰.

Это конечно не может означать, и не означает, что борьба между социализмом и частнохозяйственным капитализмом или даже государственным капитализмом (концессии, поскольку они еще есть) прекратилась. Это значит лишь, что в этой области социализм решительно и абсолютно преобладает над элементами капитализма, хотя они и их агентура, смыкаясь с деревенским капиталистом, кулаком и поддерживая его, могут и будут оказывать бешеное сопротивление наступлению социализма.

Иначе ставится вопрос о соотношении укладов в другой области — в сельском хозяйстве. В лице совхозов и колхозов мы имеем гигантский рост социалистического уклада и в сельском хозяйстве, чего, конечно, не было, когда Ленин (1918 и даже 1921 гг.) писал о пяти укладах. Не говорить об его преобладании в отношении 1930 еще нельзя (24,1% коллективизации по всему СССР, 49,3% в основных зерновых районах)⁷¹. Следовательно осталась мелкобуржуазная стихия, наличие которой требует нового продвижения вперед к завершению построения фундамента социалистической экономики. Однако, «решающее заключается теперь в том, что мелкобуржуазная стихия уже не преобладает в нашей стране»⁷². Ведь дело решается не только простым ее количеством, но и сосредоточением средств производства. Положение же здесь даже ко времени XVI партсъезда было таково, что «судьбу сельского хозяйства и его основных проблем будут отныне определять не индивидуальные крестьянские хозяйства,

⁶⁸ Ленин, Собр. соч. т. XVIII, ч. 1, с 204—205, см. изд. 2-е, т. XVII, с 513.

⁶⁹ Сталин, Вопросы ленинизма, с. 709.

⁷⁰ Там же, с 627.

⁷¹ Эти соотношения сейчас так быстро изменяются, внося существенно-новое в положение, что оперировать здесь терминами „период“ вне годов совершенно нельзя. К середине мая текущего года колхозами охвачено 50,4% бедняцко-средняцких хозяйств по всему СССР.

⁷² Каганович, Об итогах декабрьского пленума ЦК и ЦКК, с. 51.

а колхозы и совхозы». «В стране уже произошли такие экономические сдвиги, которые дают полное основание утверждать, что нам удалось повернуть деревню на новый путь, на путь коллективизации, обеспечив тем самым успешное строительство социализма не только в городе, но и в деревне»⁷³. Иными словами, вступление в период социализма означает не то, что у нас есть теперь только один экономический уклад — социалистический. Так понимать дело могут лишь формалисты (троцкистского и правооппортунистического типа), отрицающие на основе наличия капиталистических элементов и обостряющейся классовой борьбы это вступление. Нет, мы вступили в период социализма, «ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства», говорит т. Сталин. Это создает предпосылку для перехода к следующему ближайшему звену в том же периоде — к завершению построения фундамента социалистической экономики. «Выполнение плана в области коллективизации даст абсолютный перевес социалистическим элементам над индивидуалистическим сектором в деревне, упрочит смычку рабочего класса с трудящимися массами крестьянства и завершит построение фундамента социалистической экономики СССР»⁷⁴.

Ленинизм разграничивает две задачи, стоящие перед пролетариатом: построение фундамента социалистической экономики и построение социализма. Содержание первой раскрывается в тезисе Ленина: «Ни разверстки, ни налога, а обмен продуктов крупной («социализированной») промышленности на крестьянские продукты, такова экономическая суть социализма, его база»⁷⁵, и в приводившейся выше развернутой формуле т. Сталина об экономической базе социализма.

Задача вторая выражена в тезисе: «Социализм есть уничтожение классов». Экономическая база и уничтожение классов — это не одно и то же несомненно, но обе эти задачи связаны друг с другом: первая решается решением второй, решение первой создает почву для разрешения второй. Формулировка Сталина в этой части гласит: «Создать экономическую базу социализма — это значит... закрыть и ликвидировать все те каналы, при помощи которых рождаются классы и рождается прежде всего капитал, создать, в конце концов, такие условия производства и распределения, которые ведут прямо и непосредственно к уничтожению классов». Задача 1931 г., года завершения построения фундамента социалистической экономики, в том и состоит, чтобы сделать в этом отношении решительный шаг вперед. Этот шаг еще не ликвидирует классов, но, создавая абсолютный перевес социалистических элементов, дает тем самым предпосылку к дальнейшему, через ряд новых ступеней движению: к полной ликвидации всех каналов, рождающих классы, а затем и к уничтожению самих классов и их остатков... «Мы уже вступили в период социализма... хотя до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко» (Сталин).

Социализм есть уничтожение классов, но именно уничтожение, как процесс, а не единовременный акт. Социализм, в начальной стадии которого мы живем, — это не какое-то инертное состояние, а процесс, борьба, противоречия и их преодоление силой пролетариата.

⁷³ Сталин, Вопросы ленинизма, с. 641–642.

⁷⁴ Резолюция Объединенного пленума ЦК и ЦКК, XII, 1930, с. 13.

⁷⁵ Ленин, Собр. соч., т. IV, с. 372.

У нас кое-где существуют теориейки, что вопрос о движении классов в период социализма должен решаться по аналогии с марксистским учением об отмирании государства: если государство отмирает, то также отмирать должны классы. Эти теориейки — либо сознательная оппортунистическая подмена линии партии, либо проявляющийся в беспросветной путанице основных марксистских положений оппортунизм людей, не могущих защищать прямо «врастания кулака в социализм» и т. п. Государство отмирает, и это отмирание еще требует «высшего развития государственной власти в целях подготовки условий для отмирания...» (Сталин), именно потому, что это есть организация пролетариата, организация одного класса, идущего в союзе с крестьянством. Классы не могут отмирать по самой своей природе. «Мы предприняли развернутое наступление на капиталистические элементы, мы подвинули далеко вперед нашу социалистическую промышленность, мы развернули строительство совхозов и колхозов. Но такие явления не могут пройти даром для эксплуататорских классов. Эти явления обычно сопровождаются разорением отживающих классов, разорением кулачества в деревне, сужением поля деятельности мелкобуржуазных слоев города. Понятно, что все это не может не обострить борьбы классов сопротивления отживающих классов политике советской власти»⁷⁶. Классы не отмирают, они уничтожаются через уничтожение их производственной основы.

Ленин так определил, что такое классы. «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда и следовательно по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может присваивать себе труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»⁷⁷. Из этого замечательного по своей диалектике понимания и исходит т. Сталин. Но тут важно подчеркнуть одну сторону, на применении которой в конкретных условиях реконструктивного периода особенно ярко проявляется политический и теоретический таланты Сталина. Эта «сторона» чрезвычайно выпукло видна из такого замечания Ленина на полях «Экономики переходного периода» Бухарина. Последний определял классы так: «Классы представляют из себя прежде всего группы лиц, объединенных общими условиями и общей ролью в производственном процессе». На это Ленин замечает. «Классы представляют из себя прежде всего (разрядка Ленина), «группы лиц» (неточно сказано), различающихся положением в общественном строе производства и различающихся так, что одна группа может присвоить себе труд другой группы»⁷⁸.

Вот в этом «различении» и суть того, что важно отметить. Это конечно деталь, но деталь решающая. Стремление Бухарина подчеркнуть объединенность класса более чем подозрительно. Во всяких теориях «врастания» — его конкретный политический результат. А такое понимание само собою разумеется не способно привести к тому,

⁷⁶ Сталин, Вопросы ленинизма, с. 690.

⁷⁷ Ленин, Собр. соч., т. XVI, „Великий почин“.

⁷⁸ „XI Ленинский сборник“, с. 357.

что мы имеем у Сталина в отношении диалектики классов в реконструктивный период.

И тут дело не только в том, что путь преодоления классовых противоречий в нашей стране лежит по линии изменения «общественного строя производства»: это старое марксистское положение, хотя как видно было выше, и его ревизовали правые оппортунисты. Дело тут в том, что может и должно быть названо дополнением к трем лозунгам Ленина о крестьянстве. «Ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации» — это принадлежит Сталину как лозунг, открывающий новый этап в соотношении классов в переходный период⁷⁹. Не говоря о том, что этот лозунг есть блестящее применение того марксистского критерия, который дан в ленинском определении классов по всем пяти пунктам («обобществленный строй производства» и «присвоение одной группой труда другой», в особенности), он является замечательным образцом применения диалектики «различения».

В этом лозунге — та форма «различения», которая, базируясь на ленинской формуле: «опора на бедноту, союз с середняком, борьба против кулака» и не открывая возникшего будто бы противоречия кулака с пролетариатом и трудящимся крестьянством⁸⁰, учитывает происшедший перелом середняка к колхозам, к социалистической форме сельского хозяйства. «Нам удалось повернуть основные массы крестьянства в целом ряде районов от старого капиталистического пути развития... к новому, социалистическому пути развития. Нам удалось организовать этот коренной перелом в недрах самого крестьянства и повести за собой широкие массы бедноты и середняка»⁸¹. Раз так, то вопрос о кулачестве не может не ставиться по-новому: не ограничение и вытеснение капиталистических элементов деревни, а ликвидация кулачества как класса, как последнего капиталистического класса. Такое «различение» есть формулировка непримиримых противоречий, которые до поры до времени сосуществуют, дабы в определенный период одно из них в жестокой борьбе было ликвидировано. Нечего и говорить, что точка зрения бухаринского «объединения» внутри класса исключает самую возможность такой постановки вопроса.

Другая форма диалектического «различения» выражена в тезисе, что отныне «колхозники являются действительной и прочной опорой советской власти в деревне». Будучи конкретизацией четвертого лозунга по крестьянскому вопросу, тезис этот устанавливает новый всемирноисторический факт превращения бывшего крестьянина-индивидуала-труженика в действительную и прочную опору социалистической власти, в то, чем прежде не были ни бедняк (как опора), ни тем более середняк (как союзник). Средняк вне колхоза попрежнему остается союзником, а беднота — опорой рабочего класса в борьбе с кулаком.

⁷⁹ Ленин говорил: „Лишь по мере победы пролетарского движения в деревне и не против помещиков вообще, а против кулаков — лишь по мере победы этого движения мы будем переходить систематически к коллективному общественному землевладению и к общественной обработке земли“ (Собр. соч., изд. 2-е, т. XXIII, с. 320).

⁸⁰ „Мы терпели этих кровопийц (кулаков—К. М.), пауков и вампиров, проводя политику ограничения их эксплуататорских тенденций. Терпели, так как нечем было заменить кулацкое хозяйство, кулацкое производство“ (Сталин, Вопросы ленинизма, с. 579 (разрядка наша).

⁸¹ Там же, с. 573.

Поэтому резолюция XVI съезда и говорит: «Отныне в важнейших зерновых районах СССР деревня делится на две основных части: на колхозников, являющихся действительной и прочной опорой советской власти, и на неколхозников из бедноты и середняков, пока еще не желающих войти в колхозы, но которых массовый опыт колхозов несомненно убедит в относительно кратчайшие сроки в необходимости вступить на путь коллективизации». Это есть одна из форм ленинского «раздвоения единого» в классовых отношениях, и это чрезвычайно ярко сказывается даже в самой формулировке. Отныне возникает новое деление деревни. Средняки, вступившие в колхоз, и середняки вне колхоза — это отныне такие группы людей, которые различаются по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по отношению к средствам производства, по роли в общественной организации труда⁸² и по способам и размерам доли общественного богатства. При этом крестьяне-колхозники, оставаясь пока еще крестьянами и далеко не став еще работниками социалистического общества, в то же время меняют свое классовое бытие. Ленинский тезис, чрезвычайно существенный для определения класса, о том, что это такие группы людей, из которых одна может присваивать себе труд другой — уже неприменим для внутренних отношений в колхозе, если брать колхозы как тип производства. «Колхозы как тип хозяйства есть одна из форм социалистического хозяйства... Разве в колхозе имеется класс людей, являющихся собственниками средств производства, и класс людей лишенных, этих средств производства? Разве в колхозе имеется класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых?» говорил т. Сталин⁸³. Но это не уничтожает того, что в колхозах «имеются противоречия» (Сталин) и элементы классовой борьбы. «Не может не быть элементов классовой борьбы в колхозах, если там сохраняются еще пережитки индивидуалистической или даже кулацкой психологии, если там имеется еще некоторое неравенство». Но «можно ли сказать что классовая борьба в колхозах равнозначна классовой борьбе вне колхозов». «В первом случае дело идет о борьбе между членами колхозов, из коих одни не освободились еще от индивидуалистических и кулацких пережитков и пытаются использовать некоторое неравенство в колхозах в свою выгоду, а другие желают изгнать из колхозов эти пережитки и это неравенство». Положение, следовательно, таково, что в колхозах, как типе хозяйства, нет двух классов — эксплуататоров и эксплуатируемых, поскольку тут обобществлены основные средства и орудия производства. Но неизбежно существующее еще неравенство есть еще источник внутренних противоречий. Основное в том, что через колхозы бедняцко-середняцкая деревня решительно повернула к социализму. А в середняцкой деревне, оставшейся вне колхозов, хотя и той, которая будет в ближайшем будущем охвачена ими, середняк остается середняком, он может еще рождать и рождает деревенского капиталиста, поскольку частная собственность на средства производства еще есть, так как тайком кулацкая эксплуатация существует.

И не чем иным как дальнейшей конкретизацией тезиса XVI съезда об этом делении деревни, новым звеном в диалектическом понимании процесса развития и политики является утверждение, что «победо-

⁸² Именно об этом говорил т. Сталин, когда он указывал, что теперь за колхозы будут агитировать сами крестьяне-колхозники.

⁸³ Сталин, Вопросы ленинизма, с. 560.

носное колхозное движение решающим образом меняет соотношение классовых сил в Союзе СССР»... «Отныне основной и главной опорой является колхозное крестьянство». Теперь, когда многомиллионные массы бедняков и середняков, убедившись в преимуществах колхозов, вступили на колхозный путь, а кулачество — основной враг колхозов — ликвидируется как класс, перед каждым бедняком и середняком-единоличником, еще не вступившим в колхоз, встает основной вопрос за или против колхоза. Бедняк и середняк-единоличник, который помогает кулаку бороться с колхозами и подрывает колхозное строительство, не может быть назван союзником и тем более опорой рабочего класса, он на деле союзник кулака.

Лишь тот бедняк и середняк-единоличник продолжает оставаться, союзником рабочего класса, кто вместе с рабочим классом помогает строить колхозы, кто поддерживает колхозное движение, кто помогает вести решительную борьбу с кулаком. Для того, чтобы стать действительной и прочной опорой советской власти, перед бедняком и середняком-единоличником один путь — путь помощи колхозам, а потом и вступление в колхоз»⁸⁴. Передовая «Правды» от 7/III справедливо называет это положение имеющим «исключительное политическое значение». То же можно сказать и о теоретическом значении. Диалектика «различения» в противовес объединительным стремлениям правооппортунистической метафизики видит, что в связи с успехами колхозного движения и обострением классовой борьбы вокруг него проводится некоторая грань и внутри самой бедноты и середняков. Эта грань еще более стимулирует вступление в колхоз основной бедняцко-средняцкой массы, но одновременно и отделяет известные элементы бедноты и середняков, переставших тем самым быть опорой и союзником рабочего класса. За или против колхозов — так ставится сейчас, в связи с грандиозными успехами социализма, вопрос о диалектике классовых отношений и классовой борьбы. Таким путем происходит завершение построения фундамента социалистической экономики.

Но не означает ли тот факт, что в 1931 г. построение фундамента социалистической экономики будет завершено, что и классовая борьба претерпит резкое снижение после этого периода, или будет снижаться не резко, или затухать? Такой взгляд во всех своих внешне различных разновидностях есть взгляд правооппортунистический, хотя и могущий быть преподнесенным под флагом «левацкого» «восторга» о наших победах⁸⁵. Он особенно опасен потому, что дезорганизует и демобилизует рабочий класс на будущую борьбу с классовым врагом, стремясь обосноваться на наших действительных успехах. Он есть перепев и бухаринской теории затухания классовой борьбы в период строительства социализма и теории отмирания классов, а не их уничтожения.

Если говорить о философских корнях, то тут полный и решительный разрыв с диалектикой и чисто механистическое смазывание того, что коллективизация на 50% в 1931 г. означает разный процент ее по различным районам: от 80% в основных зерновых до 20—25% в потребляющей полосе. «Кулак еще не добит и будет оказывать бешеное сопротивление победоносному продвижению кол-

⁸⁴ Тезисы т. Яковлева к VI Всесоюзному съезду советов, „Правда“ (3/III, № 61, 4866).

⁸⁵ Эту правооппортунистическую ошибку совершил недавно автор настоящей статьи когда он выступил в своей ячейке с таким взглядом,

лективизации. Ликвидация кулачества как класса потребует длительной упорной борьбы с кулаком»⁸⁶.

Приведенная точка зрения ревизует кроме того то положение ленинизма, что «сопротивление эксплуататоров начинается до их свержения и обостряется после...» Ленин в конспекте брошюры о «Диктатуре пролетариата», конкретизируя положение о диктатуре пролетариата, как «продолжении классовой борьбы пролетариата в новых формах», писал: «подавление сопротивления эксплуататоров». Об этом, как задаче (содержанию) эпохи, вовсе забывают оппортунисты и «социалисты». Отсюда особая (высшая) ожесточенность классовой борьбы»⁸⁷. Это убивает «теорию» о затухании или снижении классовой борьбы во время или после завершения построения фундамента социалистической экономики. Дело не только в том, что это завершение не закроет еще всех каналов, по которым рождаются классы и в первую очередь капитал, но и в особенности в том, что такое закрывание каналов подстегнет кулака и все капиталистические элементы внутри и вне СССР на повторные и еще более ожесточенные попытки сорвать своим нападением, вредительством, открытыми выступлениями вырывание из нашей экономики корней капитализма. Конечно, «нет больше возврата к старому. Кулачество обречено и будет ликвидировано»⁸⁸. Но именно поэтому оно будет еще бросаться неоднократно в свой последний бой, рассчитывая на поддержку извне и изнутри. «Отпадающие классы сопротивляются не потому, что они стали сильнее, чем мы, а потому, что социализм растет быстрее, чем они, и они становятся слабее, чем мы»⁸⁹. Вот единственно правильная теоретическая и политическая постановка вопроса.

«Невозможно развернуть настоящую борьбу с классовыми врагами, имея в тылу их отражение в партии, оставляя в тылу людей, не верящих в наше дело и всячески старающихся затормозить наше движение вперед. Отсюда непримиримая борьба с уклонами от ленинской линии как очередная задача партии».

Борьба партии с уклонами—это такая политика, без которой невозможны никакая социалистическая экономика, никакое построение социализма; она есть неразрывная составная часть реконструктивного периода, развернутого наступления социализма по всему фронту. Без этой борьбы невозможны успехи рабочего движения вообще. В период социализма, когда все силы старого мира объединились для уничтожения призрака, ставшего реальностью, эта борьба необходимее во много раз. Малейшая измена теории и практике ленинизма, генеральной линии партии — пособничество врагу в борьбе социализма с капитализмом не на жизнь, а на смерть.

«Со знаменем Ленина победили мы в бою за Октябрьскую революцию. Со знаменем Ленина добились мы решающих успехов в борьбе за победу социалистического строительства. С этим же знаменем победим в пролетарской революции во всем мире» (Сталин).

⁸⁶ Резолюция декабрьского пленума ЦК и ЦКК, с. 19.

⁸⁷ „Ленинский сборник“, с. 500 и 501 (разрядка автора).

⁸⁸ Сталин, Вопросы ленинизма, с. 676.

⁸⁹ Сверх того, теория затухания классовой борьбы после завершения построения фундамента социалистической экономики прямо ведет к теории, что государство уже начало отмирать. Тогда как именно в этот период его значение, как организатора и орудия подавления, подымается (Сталин, Вопросы ленинизма, с. 492).

А. ЗОЛОТАРЕВ

ХОЗРАСЧЕТ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

I

На наших глазах завершается построение фундамента социалистической экономики, и СССР превращается из отсталой аграрной страны, каким он был к моменту Октябрьской революции, в передовую индустриально-аграрную страну. Этого факта теперь не могут отрицать даже наши враги: не даром апологеты и идеологи капитализма пустили в оборот явно несостоятельную идею о построении своей «капиталистической» пятилетки. Успехи нашего социалистического строительства являются лучшим доказательством победы генеральной линии партии в борьбе с капитулянтами — правыми и левацко-правыми, отступающими в панике перед трудностями развернутого социалистического наступления на классового врага.

Первый и второй кварталы третьего года пятилетки полностью подтверждают правильность взятых нашей партией темпов наступления. Несмотря на ряд прорывов на отдельных участках промышленного фронта, общие итоги знаменуют дальнейшее повышение уровня промышленного развития.

Сотни предприятий тяжелой индустрии (средства производства) закончили план первого квартала досрочно, и вся эта группа за первый квартал превысила прошлогодний уровень (ориентировочно) на 13—15%, в то время как все страны капиталистического мира в первом квартале 1931 г. непрерывно снижают производство, даже по сравнению с низким уровнем 1930 г. В первом квартале промышленность энергично перевооружает сельское хозяйство. В среднем по СССР уже свыше 50% крестьянских хозяйств вступили в колхозы. Следовательно постановление XVI съезда партии в этом отношении перевыполнено. На базе нового типа с.-х. машин 1 040 МТС вступают в бой за социалистическую реконструкцию сельского хозяйства. Сельскохозяйственное машиностроение на 1/IV выполнило задание правительства по обеспечению посевной кампании на 95%. Этот факт обеспечивает в значительной мере успех второго большевистского сева. «Мы идем на всех парах по пути индустриализации к социализму, оставляя позади нашу «расейскую отсталость» (Сталин).

Не менее яркий пример большевистских темпов показывает нефть. Нефтяная промышленность задания пятилетки выполнила в 2½ года и вышла на второе в мире место по добыче. Она в первом квартале добыла 5,5 млн. тонн сырой нефти, т. е. ровно столько, сколько должна была произвести в первом квартале 1932/33 г., чтобы дать 22 млн тонн по пятилетке. Кроме того она снизила себестоимость за 2½ года на 39½% и значительно увеличила выход светлых нефтепродуктов, нужных для тракторов, автомашин и для сельского хозяйства.

В этих условиях вопрос о причинах прорыва на угольном фронте, на фронте черной металлургии, химической промышленности или транспорта, приобретает особо жгучий интерес.

Для ответа на этот вопрос необходимо со всей решительностью отвести оппортунистические ссылки на перенапряженность плана, на неполадки в работе транспорта, вообще на так наз. «объективные причины». План рядом отраслей и заводов перевыполняется, транспорт — как бы плохо он ни работал — не может обусловить столь низкого уровня прироста производства, какое мы имеем в ряде шахт и рудников («Востоктруда»). Главная причина лежит в плоскости организации управления и снабжения всех звеньев в промышленности. Опыт бесчисленного количества бригад и обследований неизбежно приводит к тому выводу, что эту «главную причину» дефектов планирования и выполнения производственных заданий нужно искать в основном звене — на предприятии, где пересекаются и встречаются в действии все дефекты вышестоящих органов и где мы нередко сталкиваемся с конвейером аварий и срывов производственного процесса, с исключительно плохим снабжением и провалами финансирования, с низкой производительностью труда рядом с проявлением огромного трудового подъема и ударничества.

Чем же объясняются подобные факты?

Низким уровнем технической подготовки рабочего состава завода, исключительной слабостью технического руководства, забвением того, что «в период реконструкции техника решает все» (Сталин). С другой стороны, объяснение этому лежит в том, что мы недостаточно решительно проводим на практике принципы хозрасчета. Об этом достаточно много говорили тт. Молотов и Орджоникидзе на Первой всесоюзной конференции работников промышленности.

Что означает хозрасчет? спрашивал т. Молотов.

«Хозрасчет означает, что мы еще работаем в условиях нэпа, что нэп мы еще не изжили. Конечно нэп 1931 г. не нэп 1921 г. Десятилетие нэпа внесло немалые перемены. Это относится и к хозрасчету. В условиях изживания нэпа, в период последнего этапа нэпа роль планового начала неизмеримо выросла, и это накладывает свою печать на всю нашу хозяйственную работу. Однако поскольку еще существует нэп, нельзя по-бюрократически «отменять» хозрасчет. Напротив, хозрасчет является необходимым рычагом управления в госпромышленности. Забвение этого приводит к тяжелым для строительства социализма последствиям».

Постановление ЦК от 5/ХІІ 1929 г. о реорганизации управления промышленностью говорит о том, что «хозрасчет выявляет лицо предприятия» и, — об этом прямом указании нам особенно не мешает теперь напомнить, — что хозрасчет «вызывает вместе с тем противодействие элементам бюрократизма и волокиты».

С точки зрения борьбы с бюрократическими извращениями и вовлечения масс в эту борьбу на деле хозрасчет, облегчающий постановку учета в предприятиях, также имеет исключительное значение. Хозрасчет является подлинной школой социализма: для того, чтобы управлять социалистической промышленностью на началах социалистического производства, обмена и распределения, необходимо пройти через школу развернутого хозрасчета. В этом основной смысл указаний т. Молотова.

Таким образом партия и правительство вновь со всей силой выдвигают проблему хозрасчета как основу правильной организации производства и правильного управления предприятием, следовательно и как важнейшее условие выполнения промфинплана,

Это говорит не только о том, что в практической работе не была полностью проведена важнейшая директива партии, данная еще в 1929 г., это говорит о большем: в условиях, когда мы завершаем построение фундамента социализма и ставим перед предприятием сложнейшие задачи технической реконструкции («не более чем за 10 лет догнать и перегнать»), категория хозрасчета приобретает некоторые новые черты, которые заставляют трактовать проблему хозрасчета несколько по-иному, чем до сих пор.

II

Могут спросить: что же «нового» в понятии хозрасчета, если Ленин еще в ноябре 1921 г. говорил о необходимости «коммерческого расчета» в условиях нэпа.

Действительно Ленин теснейшим образом связывал необходимость введения коммерческого расчета с переходом к торговле, которая в первый период нэпа стала для партии основным звеном «экономического строительства».

«Чем диктуется переход на коммерческие начала? спрашивает Ленин и отвечает:

«Окружающей обстановкой, настоящими условиями. Он необходим для того, чтобы крупная промышленность быстро восстанавливалась и быстро связалась с земледелием, чтобы получился правильный продуктообмен. В стране с более развитой промышленностью все это произойдет гораздо быстрее, у нас же это идет путем окружным и длительным, но в конце-концов то, к чему мы стремимся, будет достигнуто»¹.

Таким образом для Ленина это вопрос стратегии. На первом этапе нэпа, когда пришлось в процессе общего наступления временно отступить для нового наступательного движения, «оселком нашей экономической жизни» сделалась торговля. Соответственно этому Ленин требует коммерческого расчета... «Мы... должны понять,— говорит он,— что только на этой почве можно создать сносные условия, удовлетворяющие рабочих и в смысле заработной платы и в смысле количества работы» и т. д.

Для Ленина это был маневр, нужный для того, чтобы после отступления «сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленней, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем».

Именно это «ускорение» и было целью ленинской стратегии в первый период нэпа, в период восстановления. Начала коммерческого расчета нашли свое отражение в законе о трестах, который был издан в начале 1923 г. и понимал под трестами «государственные промышленные предприятия, которым предоставляется самостоятельность в производстве своих операций и которые действуют на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли».

В этом определении отчетливо отразилось основное начало экономической политики первого периода восстановления. Чтобы как можно быстрее восстановить крупную промышленность как основу для хозяйственной смычки с крестьянской массой, с трудовым крестьян-

¹ Ленин, Соч., т. XVIII, гл. I, с. 406.

ством, трестам предоставляется «самостоятельное» производство своих операций с «целью извлечения прибыли». Начала коммерческого расчета в этот период нужны для обеспечения социалистического накопления. Но этого мало. Каждый трест должен «научиться торговать», так приспособиться к экономике рынка, чтобы осуществить основную цель, «восстановить смычку, показать крестьянину делами... что ему умеем помочь, что коммунисты в момент тяжелого положения разоренного, обнищавшего, мучительно голодающего мелкого крестьянина ему сейчас помогают в деле»².

Коммерческий расчет особенно необходим, чтобы оживить рынок путем усиления товарообмена, двинуть вперед развитие производительных сил мелкого крестьянства, дать стимул к подъему его производства с тем, чтобы в процессе экономической борьбы подчинить его экономической политике пролетарского государства и повести по путям социалистической переделки. Нэп есть борьба, он предполагает «свободу торговли в известных рамках, в известных пределах при обеспечении регулирующей роли государства и его роли на рынке. Если уничтожить одно из этих условий, то мы не получим нэпа» (Сталин)³.

Коммерческий расчет есть лишь одно из звеньев нэпа, которое было связано с необходимостью отступления, но при условии, что этот метод хозяйствования послужит целям перегруппировки сил, оживит товарооборот, поднимет уровень социалистического накопления, послужит одним из рычагов регулирования рынка и укрепления смычки между рабочим классом и бедняцко-среднекрестьянством под руководством рабочего класса для дальнейшего наступления.

В этих именно рамках необходимо рассматривать требование извлечения прибыли.

Движущей силой советского треста уже в 1923 г. являлась не погоня за наживой, а некий общехозяйственный план, который на путях нэпа осуществляла партия, начиная с IX съезда советов, когда Ленин уже со всей силой выдвинул идею «единственно научно-проверенного, кратчайшего и ближайшего плана для восстановления нашей крупной промышленности» (из доклада IX съезду советов 23/XII 1921 г.). Этим извлечение прибыли советского гостреста качественно отличалось от частнокапиталистического извлечения прибыли, поскольку последнее является основным законом, регулирующим деятельность предпринимателя.

Ко времени завершения восстановительного периода эта особенность «коммерческого расчета», а именно его органическая связанность с общехозяйственным планом выступает гораздо ярче, уже как решающая характеристика коммерческого расчета.

В полном соответствии с этим новый декрет 1927 г. о трестах выдвигает вперед более ярко эту сторону «коммерческого расчета» как метода хозяйственной деятельности, покоящейся на единстве общегосударственного хозяйственного плана.

«Государственным промышленным трестом признается государственное промышленное предприятие, организованное на основе особого устава в виде самостоятельной хозяйственной единицы с правами юридического лица и неделимым на паи капиталом, состоящее

² Ленин, из доклада на XI съезде РКП.

³ О правом уклоне в ВКП (б), изд. 1930 г., с. 17.

в ведении одного, указанного в уставе, государственного учреждения и действующее на началах коммерческого расчета в соответствии с плановыми заданиями, утверждаемыми упомянутым учреждением.

Центр тяжести нового определения явно перенесен на подчинение коммерческого расчета плану, утвержденному государственным учреждением, в ведении которого трест состоит.

Что это означает? Это означает, что и в период реконструкции особая экономическая политика пролетарского государства — нэп — продолжает существовать, но уже в условиях, когда крупная промышленность в основном закончила процесс своего восстановления и создала материальную базу для более быстрого вовлечения индивидуального мелкособственнического крестьянского хозяйства на путь обобществления и социалистической переделки. Это означает, что борьба между капитализмом и социализмом вступила в новый фазис и что элементы социалистического хозяйства оказываются достаточно мощными, чтобы повести решительное наступление на элементы капитализма. Это означает, что плановые начала продвинулись настолько далеко в своем влиянии на советскую экономику, что каждый трест хозяйствует в пределах и на основе утвержденного ему тем или иным ведомством или наркоматом участка общегосударственного плана, осуществление которого обуславливает накопление для целей расширения воспроизводства.

Таковы наиболее характерные черты «коммерческого расчета» на втором этапе нэпа, в период между завершением восстановительного процесса в промышленности и началом пятилетки.

Эти новые черты «коммерческого расчета» по-своему «оценил» меньшевик-интернационалист и вредитель Гинзбург. Говоря о влиянии резолюции XIV съезда нашей партии на организацию промышленности, он пишет:

«Первым результатом явилось ограничение начала «коммерческого расчета» и отступление к началам «хозяйственного расчета». Ограничение начал «коммерческого расчета» шло наряду с интенсивным вытеснением частного капитала, описанным выше...»⁴.

Итак, отступление «к хозрасчету», «вытеснение частного капитала» — есть от чего притти в ужас меньшевикам всего мира. Большевики взяли курс не на углубление нэпа, а на отступление от начала нэпа — этот тезис Гинзбурга делает понятной ставку меньшевиков на интервенцию, которая была разоблачена пролетарским судом над Союзным бюро РСДРП.

Вся эта установка от начала до конца вредительская. Она исходит из того, что понятие коммерческого расчета целиком и полностью коренится в якобы капиталистических корнях советского хозяйства, т. е. что нэп есть политика восстановления капитализма, реставрация всего механизма капиталистической экономики. Она, далее, исходит из того, что «хозрасчет» означает не что иное, как «самоокупаемость», т. е. что промышленность довольствуется покрытием доходами своих расходов и отказывается от социалистического накопления, т. е. от расширенного воспроизводства.

Называя отход от коммерческого расчета к хозрасчету отступлением от нэпа Гинзбург угрожает советской экономике бесперспективностью, потерей стимула к расширенному воспроизводству, т. е. гибелью.

⁴ „Очерки промышленной экономики“, с. 260.

Вот что говорит по этому поводу Гинзбург в своем более раннем учебнике по экономике промышленности:

«Принцип хозяйственного расчета глубоко отличается от принципа коммерческого расчета. Последний представляет собой дальнейшее развитие хозрасчета в применении к условиям товарно-капиталистического хозяйства. Коммерческий расчет — это не только самоокупаемость... это стремление действовать подобно капиталистическому предприятию, т. е., как говорит наш декрет от 10/IV 1923 г. о трестах: «с целью извлечения прибыли».

Здесь мы имеем не только явную попытку извращения теории ленинизма, но и ставку на срыв социалистического строительства: Социалистическое накопление, которое является основным и решающим фактором для судеб пролетарской диктатуры при нэпе, сводится к частнопредпринимательской норме прибыли и следовательно к навязыванию партии политики высоких цен, которая неизбежно должна срывать смычку. Партия вела решительную борьбу с этого рода извращениями. XIII партконференция признала с точки зрения социалистического строительства ошибочным, когда в цены продуктов сверх себестоимости и необходимой минимальной прибыли включаются расходы на такое быстрое восстановление и расширение основного капитала, которое явно не под силу в данный момент основной массе населения страны... «Политика снижения цен, — продолжает та же резолюция по докладу ЦК, — должна направить внимание промышленности на понижение себестоимости путем дальнейшего улучшения и расширения производства, максимального сокращения накладных расходов, а также на улучшение и удешевление ее торгового аппарата».

Эта директива сохранила все свое значение и для реконструктивного периода.

Новый декрет о трестах сохранял начала коммерческого расчета с тем, чтобы они применялись по-новому, в новых условиях нэпа — на базе восстановленной и окрепшей тяжелой индустрии, на базе выросшей кооперации и перехода к новым методам торговли (контрактации), на базе огромного роста сельскохозяйственной кооперации и новых форм производственной смычки социалистической индустрии и середнячко-бедняцкого крестьянства. Следовательно речь идет о том, что побеждают элементы социализма, что социалистическое планирование вышибает один за другим элементы частнокапиталистического хозяйства (частный капитал в промышленности), частного торговца в крупном и среднем опте и т. д., т. е. что наше наступление на разных участках хозяйственного фронта усиливается, подготавливая переход ко всеобщему наступлению в целях полной ликвидации капиталистических элементов нашего хозяйства.

XVI съезд нашей партии, который утвердил основные принципы пятилетнего плана, не только не ликвидировал понятий коммерческого расчета, но поднял его на более высокий уровень хозрасчета.

Хозрасчет отличается от коммерческого расчета так же, как реконструктивный период нэпа от восстановительного: в условиях, когда основные и решающие позиции хозяйства завоеваны органами диктатуры пролетариата, когда рыночная стихия обуздана нормами социалистического регулирования, другими словами, когда план получает господство в таких областях как индустрия, транспорт, финансы, кооперация и в то же время свыше чем на 50% овладевает социа-

листической реконструкцией сельского хозяйства, хозрасчет является методом действий, в гораздо большей степени применяемым внутри социалистического сектора. Этим он отличается от коммерческого расчета: последний свое острие направлял в сторону частнокапиталистического и в особенности мелкотоварного крестьянского хозяйства.

Основной задачей коммерческого расчета 1923—1927 гг. было путем оживления товарооборота вовлечь в круг влияния обобществленного сектора середнячко-бедняцкое крестьянство.

В самом деле: в 1924/25 г. обобществленный сектор занимал в валовой продукции сельского хозяйства 2,1%, в 1926/27 г. — 2,7%. Всего 31,2% валовой продукции мелких хозяйств было втянуто в обобществленный оборот, в то время как простые товарные хозяйства (в том же году) вместе с частнокапиталистическими производили 58% + 9,5% валовой продукции, т. е. абсолютное большинство крестьянства еще было во власти рыночной стихии. В 1929/30 г. это соотношение круто изменилось: около 63% валовой продукции крестьянских хозяйств было подчинено воздействию социалистического плана. В 1930 г. один только обобществленный сектор давал стране около 95% валовой продукции промышленности, около 24% валовой продукции сельского хозяйства и около 95% всего розничного торгово-посреднического оборота. В 1931 г. эти показатели соответственно поднялись до 97,5% — 44,5% — 97,6%⁵. Естественно, что после XVI съезда партии в условиях последнего этапа нэпа и периода вступления в социализм хозрасчет является особым методом ведения планового социалистического хозяйства, методом регулирования по преимуществу внутри обобществленного сектора. Тем самым хозрасчет приобретает новое качество, обусловленное тем, что он действует в период огромных капитальных вложений, огромного развития и мощных темпов производства всех секторов народного хозяйства, которое совершается на основе выкорчевывания остатков капитализма и ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Хозрасчет как рычаг осуществления плана социалистической реконструкции приобретает новые качества в сравнении с коммерческим расчетом восстановительного периода.

Эти новые качества вытекают из того, что и субъекты и объекты хозрасчета являются в то же время субъектами и объектами социалистического плана. Следовательно план является предпосылкой осуществления хозрасчета, и «самостоятельные» действия, на которое предоставляется право хозобъединению, суть не что иное как выполнение конкретных заданий общехозяйственного плана в применении к тому или иному участку хозяйства.

Его особенностью поэтому являются задачи выполнения снижения себестоимости на базе капитального строительства, мобилизации внутренних ресурсов, рационального использования новых форм социалистического труда и всех стимулов к использованию богатейших ресурсов планового хозяйства. Но при всем этом ни на минуту нельзя забывать, что хозяйственный расчет — это рычаг экономики переходного периода, ибо пока существуют денежная система и рыночный оборот, пока социалистическая промышленность пользуется денежной системой и рыночным оборотом — даже в условиях огромного охвата его обобществлением, — план не может автома-

⁵ Данные по КЦ 1927/28 г. и народнохозяйственному плану СССР на 1931 г. Госплана.

г и ч е с к и регулировать хозяйственных отношений. Являясь основной движущей силой советской экономики, план для преодоления основных противоречий нэпа пользуется некоторыми дополнительными стимулами и в том числе рычагом хозрасчета, чтобы добиться максимальной эффективности применяемых мероприятий. Он является дополнительным стимулом к таким формам свободного социалистического труда, как социалистическое соревнование и ударничество, которые напоминают, что, по известному выражению т. Сталина, труд в СССР является «делом чести».

В приведенном выше выступлении т. Молотов напомнил о том постановлении ЦК партии, которое в 1931 г. еще далеко не всюду было проведено.

Это постановление от 5/XII 1929 г. в основу правильной постановки системы управления социалистической промышленностью, как известно, кладет требование развернутого осуществления хозрасчета именно под углом зрения дополнительных стимулов осуществления плана. «Перевод предприятий на хозяйственный расчет вполне себя оправдал. Хозрасчет выявляет лицо предприятия, способствует рационализации производства, правильной организации сбыта и снабжения и вызывает вместе с тем противодействие элементам бюрократизма и волокиты.

Одновременно перевод предприятий на хозрасчет способствует рациональной постановке учета производственной деятельности предприятия и ознакомления масс с этой деятельностью.

До настоящего времени перевод на хозрасчет совершился далеко не на всех предприятиях. Это мероприятие должно быть в кратчайший срок решительно проведено на всех без исключения предприятиях госпромышленности».

Чего требовало постановление ЦК, опубликованное 2½ года назад. Во-первых, борьбы за рационализацию, т. е. за качественные показатели производства и правильной организации снабжения и сбыта. Во-вторых, рациональной постановки учета результатов производственной деятельности, т. е. подготовки к социалистической системе хозяйства, которая немыслима без точного и своевременного учета. В-третьих, ознакомления масс с деятельностью предприятия, без чего невозможно поднять на надлежащий уровень борьбу за соцсоревнование и ударничество.

Если все это свести к основам, то генеральной задачей хозрасчета и нужно считать максимальное использование всех ресурсов социалистического хозяйства в борьбе за план.

Выявление и использование богатейших резервов, заложенных в природе советского хозяйства в условиях овладения командными хозяйственными высотами, когда промышленность, транспорт, кооперация, а теперь совхоз, колхоз, МТС являются в большей или меньшей степени монополистами, является важнейшей задачей.

Тов. Сталин в ответ на вопрос, что нужно для выполнения контрольных цифр 1931 г., ответил:

«Во-первых, чтобы были реальные или, как у нас выражаются, объективные возможности для этого. Во-вторых, чтобы было желание и умение руководить нашими предприятиями таким образом, чтобы эти возможности были претворены в жизнь».

Нет лучшего пути к руководству такого качества, которое требуется условиями переживаемого времени, кроме хозяйственного расчета, ибо он представляет собою цепь конкретных мероприятий по

осуществлению необходимых хозяйственных связей и использованию всех резервов. Ибо он есть не что иное как договор об осуществлении плана со всеми теми, кто рядом осуществляет свою часть общего народнохозяйственного плана, ибо он принудительную силу заменяет заинтересованностью и ответственностью хозрасчета.

Таковы основные задачи хозрасчета. Он должен так поставить хозяйство, чтобы базой его был здоровый баланс, основывающийся на плановой себестоимости продукции. Хозяйство предприятия этим вынуждается к улучшению системы учета, делается под влиянием хозрасчета школой соучета. Основой его работы по выполнению промфинплана является доброкачественный баланс, ибо прорыв в балансе означает для предприятия срыв его промфинплана.

Однако что же может угрожать в плановом хозяйстве предприятию, которое не выполняет своего промфинплана?

Прежде всего невыполнение плана другим предприятием. Цепная зависимость между отдельными хозобъединениями и между целыми секторами в данное время настолько велика, что малейшее невыполнение показателей на одном каком-либо участке немедленно вызывает отдачу на другом.

Опыт неудач на угольном фронте 1931 г. научил ясному пониманию всех, кто так или иначе соприкасается с топливом, — а кто же с этим не соприкасается?

Но этот «удар с тылу» в условиях хозрасчета немедленно же оборачивается против его фронта. Недовыполнение плана по производству, по строительству, по качественным показателям неизбежно приводит в действие механизм финансирования снабжения, ставит хозорганы под контроль рубля и вынуждает их искать путей к скорейшему заплатаванию своих прорывов.

Хозрасчет принял форму договора. Невыполнение своего плана выливается в форму невыполнения договора и следовательно влечет за собой обусловленные санкции. Контролером является Госбанк, который рублем вынуждает контрагентов к борьбе за выполнение договоров, а тем самым плана.

Таковы задания в деле проведения хозрасчета.

Эти задания, заложенные еще в постановлении ЦК партии от 5/XI 1929 г., не получили своего полного осуществления. Состоявшаяся в конце января конференция работников промышленности СССР, собравшая в Москву представителей всей промышленной системы, полностью подтвердила это.

Центральным пунктом, на котором сосредоточено было внимание буквально всех хозяйственников и профсоюзников, выступавших на пленуме конференции или в секциях, явились проблемы снабжения и сбыта, управления и технического руководства, т. е. по существу проблемы хозрасчета. Это конечно не случайно. Не даром т. Орджоникидзе подчеркнул, что та система снабжения, которая у нас имеется, — неудовлетворительна. Но есть разница в том, как ставил вопрос т. Орджоникидзе и как ставили вопрос ряд делегатов. Укрепление планирования на основе роста социалистического сектора у некоторых хозяйственников породило представление, будто проведение в жизнь хозрасчета, договорной дисциплины, правильной торговой политики изжили себя. В отдельных случаях эти вредные, по существу оппортунистические, иллюзии переродились в предложение о еще более централизованной системе снабжения, чем та, которая имеется

теперь. Ошибочное предложение одного из руководителей крупнейшей стройки в Саратове, т. Н. И. Смирнова, об организации в третьем году пятилетки своеобразного Чусоснабарма, наиболее ярко отразило эти ошибки.

Что скрывалось за предложением создать модернизированный Чусоснабарм?

Чтобы понять характер этой ошибки, нужно связать эту мысль о сверхцентрализованном снабжении с теми практическими позициями в хозрасчете, которые на деле выразились в «бездушной бюрократизации» снабжающих органов. Почти готовая доменная печь, почти законченная сернокислотная установка, почти смонтированный цементный завод не могут быть пущены в ход из-за нехватки некоторых второстепенных предметов снабжения. Ценнейшие предприятия не дают продукцию из-за некомплектности снабжения, из-за организационных дефектов.

Все дело снабжения мыслилось здесь как результат просчетов и ошибок снабженческого плана. Составить идеальный план снабжения, расписать все правильно и завести пружину часового механизма — таков был рецепт сторонников введения своего рода Чусоснабарма не в условиях военного коммунизма, а в условиях завершения фундамента социалистической экономики.

Следовательно за это дело должен взяться «центр», он должен организовать пайковую систему снабжения.

Здесь в этой ошибке отразилось то понимание нового этапа, которое считало, что в его рамки уже не укладывается «нэп», что хозрасчет и план — понятия несовместимые.

На самом же деле беда снабжения состояла не в ошибках планирования — эти правооппортунистические установки давно биты партией, — а в отрыве заказчика от производителя, в отсутствии живой связи между органически спаянными звеньями единой промышленной системы и в попытках заменить все многообразие этих связей бумагой, приказным творчеством. Осуществление плана, основанное как на заинтересованности хозяйственного руководства, так и на производственной активности рабочей массы, на ответственности за свою работу, пытались заменить подстегиванием сверху, окриком центра. Ясно, что эта была ставка на самотек, ибо никто не интересовался тем реальным соотношением сил, которое пряталось за привычной формой бумажного приказа.

Этому способствовали и те методы проведения кредитной реформы от 1 апреля 1930 г., которые фактически вводили практику огульного кредита «под план», т. е. систему оплаты не реального передвижения товарных масс от производителя к потребителю, а механическую оплату счетов поставщика независимо от согласия покупателя и наличия у него свободного лимита. В этом автоматизме кредита узаконялся отрыв заказчика от потребителя, а рубль невольно превращался в простой расчетный знак.

Это был вреднейший «левацкий» загиб. Во-первых, нельзя механически отрывать план-директиву от оперативной хозяйственной деятельности.

В том огромном размахе, который получила хозяйственная деятельность страны, преобразующей свою экономику на началах социализма, самостоятельность, соревнование, инициатива; борьба за план за его качественные показатели со стороны каждой хозяйственной единицы являются решающим элементом процесса планирования.

«Только бюрократы могут думать, что плановая работа заканчивается составлением плана. Составление плана есть лишь начало планирования. Настоящее плановое руководство разворачивается лишь после составления плана, после проверки на местах в ходе осуществления, исправления и уточнения плана» (Сталин).

Хозрасчет основан на непосредственной заинтересованности в выполнении обязательства, следовательно он будет рычагом этой проверки на местах, орудием исправления и уточнения плана.

Во-вторых, нельзя допустить, чтобы производитель и потребитель соприкасались только через кабинеты ВСНХ СССР или Госбанка. При таком отрыве живых хозяйственных единиц друг от друга элементы обязательств плана превращаются в голую абстракцию. Компрессор или лебедка перестают быть частью какого-то агрегата, который нужен для производства или стройки своего клиента, это заказ №... такой-то, под который нужно получить аванс — и только.., система приводит к прямому обезличиванию и омертвлению плана, особенно в части его важнейших элементов — срочности, комплектности, доброкачественности и т. д. Поэтому попытка, требовавшая организации централизованного снабжения по нарядам нового «Чусо-снабарма», грозила перерасти в типичное перепрыгивание через этап, как это имело место в практике перегибов при коллективизации деревни год тому назад, как это имеет место теперь в отдельных попытках перепрыгнуть через торговлю, организовать непосредственный продуктообмен между городом и деревней.

Перенесенные в область кредита, эти заскоки принимают форму такого например «невинного» вопроса!

«Не строится ли новый порядок кредитования, вытекающий из постановления Совнаркома от 14/1 и 21/III по принципу капиталистических банков с точки зрения той формы контроля, которую будет соблюдать теперь Госбанк?»

Вопрошающий при этом не догадывается, что хозрасчет советского банка базируется на плановом хозяйстве, а не на анархии капиталистической системы. Кредит советского банка есть часть общего социалистического плана, и «контроль рублем» не отменяет плана, а является орудием, обеспечивающим осуществление его заданий.

Очевидная опасность подобного загиба в том, что кое-кто из хозяйственников не в состоянии будет прощупать основной причины важнейших дефектов в системе и методах своего хозяйствования, а именно — отрыв от других звеньев промышленности или сферы хозяйства, отсутствие достаточной активности, самостоятельности и гибкости, отсутствие ответственности и четкой расстановки сил от предприятия до объединения, т. е. тех качеств работ, которые могут вырасти только в условиях правильно поставленного и полностью проведенного хозрасчета. Нет сомнения, что загибщик не догадается именно здесь искать разгадку тех трудностей снабжения, о которых так много говорилось на конференции.

Ударяя по нынешней системе снабжения, т. Орджоникидзе и т. Молотов во весь рост выдвинули необходимость освобождения руководства предприятием от излишней опеки и централизма, идущего сверху от ВСНХ, от объединения или от какого-либо другого верхушечного звена. Это вовсе не означает какой бы то ни было степени нарушения тех междотраслевых связей, которые устанавливаются единым промфинпланом. Напротив того: освобождение руково-

дителей предприятий от излишней опеки и централизации снабжения должно иметь своей задачей точное осуществление плановых заданий, а не их разрушение. Но это осуществление плановых заданий должно производиться не бюрократическими бумажными методами приказного распределения сверху, а на основе глубокой заинтересованности, ответственности которые в пределах и на основе полученных плановых заданий должны проявить предприятия — поставщик и заказчик — в результате заключенного договора или договорного обязательства. Но ведь это и есть не что иное как усиление хозрасчета, который должен сделаться рычагом выполнения плана. Хозрасчет есть метод выполнения плана, основанный на единоначалии и четком проведении ответственности, помноженной на активность и заинтересованность миллионов.

Предприятие является основным звеном промышленности, в его работе пересекаются все связи и взаимозависимости, поэтому именно на предприятии четкое разделение прав и обязанностей, четкое внутризаводское планирование и не менее четкая согласованность с внезаводскими связями имеют решающее значение для нормального хода производства или строительства. Но возможно ли осуществление этой установки с тем, чтобы руководитель завода отвечал за качество или кондиции своего изделия, если он не знает детально сырья, полуфабрикатов, из которых производится его продукция. Может ли строитель отвечать за стройку, если он не заключил детального договора с поставщиком металлоконструкций и знает только ту бумагу, на которой написана его требовательная ведомость.

К чему приводит отсутствие хозрасчета, т. е. заинтересованности в качественных показателях плана, можно видеть из следующего примера:

Машиностроители на упомянутой конференции предъявили максимальное число жалоб на некомплектное снабжение. В итоге этого нарушения производственных пропорций получается излишек незавершенного производства, который обостряет дефицит металла и обуславливает финансовые прорывы. Здесь мы имеем наиболее яркий пример бюрократизма. Как иначе назвать тот факт, что Парвагдиз употребляет на своих заводах 1 422 позиции разных сортов и профилей металла, Союзсредмаш — 1 825 позиций, в том числе железа круглого — 683 марки, квадратного — 584 и т. д. Ростовсельмаш, едва вылупившийся из своей строительной оболочки, уже использует 400 номенклатур. Люберецкий гоняется за получением 256 позиций и т. д.; десятки заводов соревнуются между собой в погоне за сотнями номенклатур и качаются в поисках «идеальной», системы снабжения — безответственной — вместо того, чтобы толкнуть конструкторскую мысль в направлении резчайшего сокращения чрезмерно раздутой, большой водяной потребности. Хозрасчет и «ответственное планирование производства немедленно сломают хребет этому виду бюрократизма, ибо он заставит потребителя сговариваться с производителем, и договорная борьба, повышая взаимную ответственность, толкнет обе стороны на путь острых исканий выхода в новой технике. То что рассказывали сами делегаты конференции о варварском отношении к несоизмерно большим «припускам», сокращение которых может сэкономить много металла и ослабить не менее, чем на 30% дефицит в инструменте, говорит об огромных возможностях на этом пути. Еще более яркие примеры привел в своем сообщении о современном стан-

костроении т. Гастев. Возможность облегчения конструкций наших станков, замены железа деревом или железобетоном, возможность с помощью приспособлений модифицировать стачки из одного вида на другой — все это делает революцию в станкостроении в то время, когда наши красные директора привыкли делать ставку на снабжение сверху или на импорт.

На самом же деле целый ряд фактов, выявленных в работе конференции, характеризует сложившееся положение, при котором директора заводов и предприятий в большей или меньшей степени вовсе отстранены от вопросов снабжения. Объединения создали централизованные базы, распылили в пределах своей территории сеть уполномоченных, руководящих сбытом и снабжением и этим самым сняли ответственность с директора за качество, своевременность и комплектность снабжения, лишив его в то же самое время возможности маневрировать своим запасом в интересах производства. Но безответственность на этом участке работы поражает в корне самую идею хозрасчета: о какой хозяйственной инициативе, гибкости, о каком твердом хозяйственном руководстве может идти речь там, где руководитель предприятия переведен на пайковое снабжение, зависит от плохой или хорошей работы бюрократической, централизованной складской системы. Тов. Орджоникидзе указал, что это бюрократизм, типичный бюрократизм. Можно нарисовать такую картину: «Он будет только производить, я ему устрою склад, и он будет получать со склада все необходимое... директор отстранен в настоящее время от снабжения. Давайте запишем в наше решение, что в этом вопросе должен быть резкий поворот...» Это положение было выявлено настолько ярко, что резолюция конференции имела возможность на основании единогласного признания всех ее участников установить, что «существующая в настоящее время система привела к совершенному устранению руководителей предприятий от дела снабжения, к исчезновению хозрасчетных и договорных отношений, вследствие чего получились бюрократизм всей снабженческой работы, затоваривание в ряде материалов при резкой нехватке в других. Отсюда некомплектность снабжения». Таковы факты. Конференция правильно поступила, когда единодушно отвергла все заибы в этом вопросе: «левацкий» и — в сторону чрезмерной централизации («Чусоснабарм»), т. е. системы, непосредственно приводящей к прямому продуктообмену или к ликвидации коммерческого банковского кредита, и правый уклон — в сторону полной децентрализации снабжения, как ведущий к ликвидации общего планирования.

Устанавливая широкие договорные отношения между поставщиками и заказчиками, конференция требует, чтобы планы материального снабжения входили составной частью в контрольные цифры каждой организации и утверждались одновременно с ее промфинпланом. Только на почве и в пределах плана должна быть развернута работа по поддержанию хозрасчета до конца с тем, чтобы предприятие или отдельная его часть отвечали за качественные показатели и за максимальную мобилизацию внутренних ресурсов, далеко еще не использованных в нашей плановой системе. В этих целях правительство выдвинуло на основе общего народнохозяйственного плана задачу проведения системы договоров между заинтересованными хозяйственными предприятиями.

Эта система положила конец своеобразной «обезличке» в системе внутрипромышленных расчетов и выдвинула завод или фабрику, цех

и более мелкие отделы завод как единицы, действующие на хозрасчете, т. е. как ответственные за всю работу своей части — цеховое управление или начальника отдела и бригадира отдельной бригады.

Этой системой договоров были определены и новые формы снабжения на основе принятого квартального или годового плана и ликвидирован «автоматизм» кредитования, который неизбежно убивал стимул к выполнению договоров. Специальным законом СНК СССР ввел поправки в кредитную реформу, которые обеспечивали кредитованию реальное соответствие с действительным ходом выполнения договора на основе заключенного договора.

Эти поправки были по вреднейшим извращениям хозрасчета в практике кредитования, приводившим к ослаблению финансово-кредитной дисциплины и следовательно к ослаблению заинтересованности в выполнении плана.

Стремление Госбанка взять на себя несвойственные кредитной системе функции планирования и регулирования всего народного хозяйства привели к дезориентации хозорганов в их взаимоотношениях с Госбанком. У него объединения искали покрытия всех своих кредитов, и Госбанк на деле не только утратил функции контроля рублем, а напротив, благодаря слабой технике кредитного обслуживания и учета, значительно перекредитовывал хозорганы и санкционировал этим невыполнение планов.

Введение договоров, установление кредита лишь в пределах договора и наличия свободного лимита, применение практики акцепта, местные «страховые» счета, обеспечивающие необходимость планового накопления, резко изменили прежнюю систему — беспланового, дряблого «регулирования» Госбанка — и подняли методы хозяйствования на более высокий уровень выполнения плана в деле сдачи заказов.

Без грамотного реального договора — нет кредита, этим было положено начало действительному контролю со стороны Госбанка заключенных договоров, контролю рублем, наиболее вескому рычагу осуществления хозрасчета. Мобилизация ресурсов и снижение себестоимости перестанут быть только плановым показателем: при невыполнении их вступает в действие контроль рублем, ибо банк уже не поможет, следовательно не поможет и ВСНХ.

Таким образом хозрасчет на деле внедряется в плановую систему как рычаг ответственности и заинтересованности хозяйственных органов в выполнении своих договоров.

Нет сомнения в том, что правильно проведенный режим хозрасчета будет сильным стимулом и к повороту предприятия «лицом к технике». Чем требовательнее будет хозрасчет как рычаг действия, рычаг осуществления плана, тем ярче будет выступать потребность в повышении уровня техники и технического руководства. Хозрасчет будет энергично выявлять единоначалие, и это, в свою очередь, будет усиливать учобу техники, тягу к технике, потребность в технической квалификации. В этом то новое, что отличает хозрасчет в период завершения фундамента социалистической экономики.

БИБЛИОГРАФИЯ

СЕИД-ГУСЕЙНОВ

М. Герцбах, *Международные монополии*. Изд. КА, 1930, с. 365.

Проблема международных монополий постоянно занимает умы буржуазных и в особенности социал-демократических экономистов. На основе развития международных монополий, социал-фашисты пытаются обосновать свою теорию «организованного капитализма» и далее, теорию вращающегося капитализма в социализм. Понятно поэтому, вся важность изучения этой проблемы коммунистами-экономистами.

Международные монополии представляют собой важнейшее экономическое явление монополистического капитализма и являются одним из основных признаков империализма. Развитие капитализма приводит «к образованию международных картелей. Это новая ступень всемирной концентрации капитала и производства несравненно более высокая, чем предыдущие»¹.

Всестороннее уяснение непосредственного конкретного процесса развития, непосредственного эмпирического движения международных монополий и на основе этого определение их сущности и вскрытие их внутренних имманентных законов являются важнейшей задачей изучения этой проблемы, имеющей громадное значение для марксизма-ленинизма, для революционной борьбы пролетариата; здесь недостаточно однако только эмпирического описания явления — необходим также теоретический анализ, который дал бы в руки борющегося пролетариата соответствующее оружие, направленное против его классовых врагов и укрепляющее в нем веру в свои силы, убежденность в правильности намеченного пути и упорство в борьбе за свои конечные цели.

Первая задача представляет трудность в смысле накопления и известной систематизации данных непосредственной действительности. Вторая задача представляет трудность в смысле знания и умения применять марксистско-ленинскую диалектику к данному предмету, в смысле умения производить соответствующий теоретический анализ. Понятно, что вторая трудность более существенна.

Эти требования мы и предъявляем к работе т. Герцбаха.

Нельзя не признать того, что т. Герцбах правильно понял задачи, стоящие перед ним. Об этом по крайней мере свидетельствует само построение работы. Кроме введения и заключения, книга состоит из двух основных частей: первая часть — подробный «анализ современных международных монополий», т. е. описательная часть; вторая — разбор «актуальных проблем империализма, связанных с проблемой международных монополий» (с. 4), т. е. та часть, в которой должен быть дан теоретический анализ и должны быть установлены основные закономерности.

В первой главе введения автор разбирает методологию международных монополий. Поэтому главу эту следует рассмотреть в связи со второй частью книги. Во второй главе введения дается краткий обзор довоенных международно-монополистических объединений. Эту главу мы не будем особенно разбирать, поскольку она ничего принципиально нового не прибавляет к тому, что изложено в первой части книги. Необходимо только отметить, что полная и законченная картина возникновения, развития и дальнейших видоизменений международных монополий может быть дана только путем прослеживания их развития с первых

¹ Ленин, Собр. соч., т. XIX, с. 124.

шагов зарождения и распространения и до наших дней. Разумеется, здесь речь идет об истории развития. Автор ограничил свою задачу исследованием современных международных монополий. Это обстоятельство, несколько суживая охват материала и объема работы, не понижает однако принципиального ее значения.

На заключительной части мы остановимся в конце. А сейчас перейдем к разбору отмеченных двух основных частей книги.

В первой части книги т. Герцбаха собран весьма ценный материал, рисующий картину непосредственной действительности современных международных монополий. Несмотря на все трудности, связанные с собиранием этого материала, автору удалось осветить деятельность международно-монополистических организаций по большинству основных отраслей промышленности. Правда, нужно отметить, что по некоторым картелям и отраслям дается сравнительно более скудный материал, нежели по другим. Например в книге наиболее полно освещена деятельность Стального картеля, а также и Химического картеля, тогда как картели в нефтяной и электротехнической промышленности разобраны значительно менее полно. Глава III «Международные монополии в остальных отраслях промышленности» ограничивается почти лишь беглым перечнем.

Эти недостатки, отсутствие которых несомненно повысило бы достоинство книги, видимо должны быть отнесены за счет той «тайны», которой стараются окружить себя большинство картелей. Но и то, что удалось собрать автору, представляет большую ценность.

С изложением этого эмпирического материала автор вполне справился. Изложение отличается ясностью и доступностью и дает живую картину возникновения и дальнейших перипетий развития послевоенных международных монополий.

При исследовании международных монополий существует опасность впасть в односторонность, за их внешним могуществом не заметить их внутренних противоречий и этим самым дать ложную картину действительности. Автор вполне избег этой опасности. На протяжении всей книги он рассматривает эти картели со стороны развертывания противоречий между различными участниками их. Это обстоятельство делает особенно ценной работу, проделанную т. Герцбахом. Именно благодаря подчеркиванию этой стороны некоторые обобщения сами собой напрашиваются при чтении книги.

Правда, и в этом отношении не все главы одинаковы, но поскольку речь идет об описательной стороне, этот момент проходит красной нитью через всю эту часть.

Эмпирический материал, преподносимый автором, должен содействовать образованию ясного представления о характере и деятельности международных монополий и далее должен служить основой для соответствующих теоретических обобщений. Поэтому книгу эту можно всячески рекомендовать вниманию наших коммунистов-экономистов и всех интересующихся этой проблемой.

Насколько же сам т. Герцбах сумел использовать собранный им материал для соответствующих теоретических обобщений, т. е. насколько ему удался марксистско-ленинский анализ этого материала, установление внутренних закономерностей изучаемого им явления? Нужно сказать, что с этой задачей автор не справился. Насколько удалась первая часть, настолько же не удалась вторая.

Первая часть по плану самого автора должна быть описательной. Тем не менее он пытается делать и в ней некоторые обобщения. Приводя например отдельные факты неравномерности в развитии отдельных предприятий, автор считает их «блестящим доказательством закона неравномерности развития капитализма» (с. 69).

Но действительность многообразна и разностороння. В ней мы можем встретить факты различные и даже прямо противоположные друг другу. В пользу

любого положения может быть подыскано то или иное количество фактов. Можно например взять факт установления почти полной мировой монополии спичечным трестом Крюгера и делать отсюда вывод о том, что происходит процесс возникновения полных мировых монополий по целым отраслям производства. Факт правильный, но вывод полностью противоречит марксизму-ленинизму. Законы само собой разумеется должны опираться на эмпирическую действительность, должны выводиться из нее. Но внешнее проявление и сущность не совпадают. Законы только проявляются на поверхности явлений в форме бесконечного количества фактов, сплошь и рядом противоречивых. Но непосредственно, на поверхности законы не даны. Их нужно вскрыть путем теоретического анализа.

Именно этот анализ т. Герцбаху не удался, и яркой иллюстрацией этого является его вторая часть. В предисловии он пишет, что «во второй части мы останавливаемся на отдельных актуальных проблемах империализма, связанных с проблемой международных монополий». Под словом «отдельных» видимо подразумеваются те проблемы империализма, которые вскрывают сущность международных монополий, т. е. автор берет не всю сумму проблем империализма, а только лишь анализ экономики международных монополий. Если же автор словом «отдельных» хочет себя ограничить еще более узким кругом проблем, т. е. хочет взять не основные проблемы, вскрывающие экономическую сущность международных монополий, а только отдельные, частные проблемы, то тогда вторая часть теряет связь с первой частью, и в этом один из существенных недостатков книги. Но задачи, поставленной перед собой автором, мы не понимаем в этом втором смысле, ибо тогда пришлось бы признать, что он не справился с такой задачей, как построение самой работы. Напротив, мы считаем что т. Герцбах пытается ставить основные существенные проблемы — и это само по себе является положительным моментом.

Поскольку автор не справился с задачей теоретического анализа, поскольку он не смог вскрыть основных закономерностей, отделить основные, определяющие моменты, установить моменты, вытекающие из них, постольку ему не удалось также и внешнее построение самой второй части. В ней нет внутренней связи между главами — часть в целом не представляет цельности и единства. Здесь обнаруживается прежде всего принципиальная невыдержанность самой разбивки по главам.

Если исходить из правильного понимания самого предмета, из правильного теоретического анализа, первым вопросом (и первой главой) должен был быть вопрос о сущности международных монополий, о соотношении между этими монополиями (и монополиями вообще) и конкуренцией. У автора же в первой главе ставится сразу проблема «организованного капитализма». Не определив сущности разбираемой проблемы, он с места в карьер переходит фактически к выводам о возможности или невозможности «организованного капитализма». Понятно, что от такого подхода и от такого построения не может не страдать содержание (об этом ниже).

Как это ни может показаться странным, у автора во всей его книге, посвященной международным монополиям и охватывающей 365 страниц, не поставлен и не разрешен вопрос о сущности международных монополий. Перечислений и описаний сколько угодно, но что такое международный картель, каково его существенное определение — этого в книге нет. Между тем это центральный вопрос трактуемого предмета, и из определения его вытекают дальнейшие выводы.

Вторая глава книги — «Формы и виды конкуренции при монополистическом капитализме» — в несколько иной формулировке должна была бы быть первой главой. Но эта «иная формулировка» несомненно потребовала бы и радикальной переделки самой главы.

В этой главе автор ставит своей задачей «обобщить» приведенный «в предыдущих главах большой фактический материал» и дать «классификацию основных форм и видов конкуренции в условиях монополистического капитализма». Вслед за этим автор перечисляет и отдельно описывает пять различных видов конкуренции.

В отношении этой главы прежде всего необходимо отметить, что приводимый здесь материал собственно ничего нового к тому, что дано в первой части книги, не прибавляет. Новым здесь является только пятый вид конкуренции — «борьба за покупателя». В остальной части главы повторяется предыдущий материал, иногда дополняемый новыми эмпирическими данными.

Следует еще раз подчеркнуть, что все эти данные весьма интересны и заслуживают всяческого внимания. Но если мы будем ограничиваться тем, что будем только умножать эмпирические данные, то это ни на шаг не подвинет нас вперед по пути теоретического их осмысливания. В данном случае количество не может само по себе перейти в качество. Если в этой главе и имеется какое-либо обобщение, то только в том, что даны эти пять видов конкуренции. Но это обобщение не выходит за рамки чисто эмпирического обобщения. Это есть скорее всего, простая группировка («классификация») самого эмпирического материала. А теоретических обобщений разумеется ни в какой степени здесь нет. Виды конкуренции, которые выделяет автор, следующие: 1) «конкурентная борьба между отдельными монополистами»; 2) «борьба монополистических объединений с аутсайдерами»; 3) «борьба монополистов внутри объединения»; 4) «борьба субститутов»; 5) «борьба за покупателя».

Произвольный характер расположения этих видов показывает, что между ними нет никакой определенной связи, что здесь нет выделения основных определяющих моментов. Кроме того нужно отметить, то даже сам перечень страдает определенными дефектами. Третий вид — «борьбу монополистов внутри объединения» — нельзя просто отождествлять с другими видами, ибо здесь конкуренция в принципе снимается (иначе ведь нет самого картеля). Конкуренция, как справедливо отмечает автор, загоняется вглубь, и именно поэтому эту форму противоречия и борьбы нельзя ставить на одну доску с прочими видами конкуренции. Ее нужно выделить и особо объяснить.

Другой дефект заключается в четвертом виде — «борьбе субститутов». Какой это собственно вид конкуренции? Разве эта конкуренция существует особо? Разве конкурентная борьба между отдельными монополиями и монополистических картелей с аутсайдерами не включает и борьбу путем субститутов? Ясно, что «борьба субститутов» не есть особый вид конкурентной борьбы, который происходит например помимо конкурентной борьбы между монополиями. Это обстоятельство явственно вытекает из изложения самого автора, но выводы (или «обобщения») его тем не менее свидетельствуют об ином понимании вопроса.

Эти дефекты опять-таки являются следствием того, что автор не в состоянии подняться выше непосредственного эмпирического описания. В конце главы он сам вынужден констатировать это обстоятельство. Он пишет: «Перечисленные пять видов конкуренции отнюдь не исчерпывают всего многообразия формы конкурентной борьбы в условиях монополистического капитализма» и вслед за этим перечисляет еще пять других форм. Он не скрывает, что у него получилось только «перечисление», и подтверждает правильность нашего положения о том, что для него один вид конкуренции равнозначен всякому другому, что для него нет вопроса о том, какой вид является основным, определяющим.

В конкуренции капиталов проявляется основное противоречие капиталистического способа производства, здесь обнаруживается самая сущность капитала. Изменение форм конкуренции обуславливается изменением самой природы капитала. Поскольку речь идет о формах конкуренции при монополистическом капитализме, автор должен был выводить эти формы из особенностей самого капита-

ла, из сущности самих международных монополий. Эти формы должны были выражать здесь существенные противоречия последних. Но ничего этого у автора нет. Прекрасный материал, который приведен в книге, получил «обобщенно» в виде простого «перечисления».

Вторым вопросом теоретических обобщений должен был бы быть вопрос об экономических противоречиях, обуславливаемых формой международных монополий, каким образом они с неизбежностью проявляются в кризисах и наконец приводят к непосредственным военным столкновениям, к империалистическим войнам между крупнейшими капиталистическими державами.

В соответствующей главе, занимающей всего 11 страниц, первые 5 посвящены вопросу о кризисах, остальные — вопросу об опасности войны. Большая половина этой главы представляет собой цитаты из высказываний других авторов. Естественно, что на остающихся нескольких страничках можно лишь в весьма скромной мере разработать этот вопрос. Проблема кризисов и империалистических войн, если даже рассматривать ее с чисто «количественной» стороны, оказалась попросту недооцененной.

Автор переработал огромный новейший материал, и от него естественно можно было бы ожидать нового обоснования теории Ленина об империализме как последней стадии капитализма, именно путем анализа существенных экономических противоречий. К сожалению автор ни в какой степени не использовал собранный материал для этого.

Только в одном месте главы есть замечание о том, что «некоторые из этих противоречий, стимулирующих неизбежность кризисов, не только не ликвидируются монополиями (еще бы!), но наоборот усиливаются...» (с. 297). Но интересны сами эти противоречия, вызывающие периодические кризисы, а именно: «противоречия между общественным характером производства и индивидуальным способом присвоения, противоречия между производством и потреблением, диспропорциональность... и различные условия воспроизводства разных частей капитала» (с. 397). Во-первых, мы здесь опять встретимся с уже известным нам «перечислением», новым «методом», внесенным автором в науку. Противоречия даны без всякой внутренней связи, свалены в одну кучу причины и следствия, весьма существенные моменты просто отсутствуют. Во-вторых, обращают на себя внимание «противоречия между производством и потреблением». К чему этот взгляд украдкой, в заваленный всяким мусором двор kautскианства? И зачем автору понадобилось поставить в своем перечне вслед за Лениным Каутского? Причиной этого опять-таки является отсутствие теоретического анализа, сплошной эмпиризм, который кроме «перечисления» ничего более не в состоянии дать.

Так выглядит третья глава этой теоретической части.

Третьим вопросом, подлежащим разбору в этой части, должен был бы быть вопрос о соответствующем положении рабочего класса и пожалуй о роли социалфашизма. Во второй части книги т. Герцбаха есть глава, своим названием обещающая постановку этого вопроса (гл. IV «Международные монополии, социалдемократы и рабочий класс»). Но по содержанию глава эта получила несколько иное направление, чем следовало бы.

Здесь опять-таки мы не находим соответствующего теоретического анализа, подкрепленного фактическими данными, устанавливающего неизбежность ухудшения положения рабочего класса при господстве монополистического капитализма, неизбежность обострения классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. Этому вопросу в лучшем случае посвящены один-два абзаца. Глава в целом (19 стр.) посвящена разбору взглядов представителя лей социалфашизма на международные монополии. Приводятся подробные и многочисленные цитаты. Однако аналитического обоснования этого вопроса здесь нет.

«Экономически империализм... есть высшая степень развития капитализма, когда... свободу конкуренции сменяет монополия. В этом эконо-

мическая сущность империализма»². Из этой экономической сущности вытекают определенные экономические категории, являющиеся выражением особенности общественных отношений при монополистическом капитализме. Этими категориями являются монополия и монополия цена. Они выражают новые формы эксплуатации рабочего класса при монополистическом капитализме, обуславливающие ускоренные темпы абсолютного обнищания рабочего класса во всех странах, одновременное углубление классового антагонизма и обострение классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией.

Но обо всем этом у автора нет ничего, кроме мимолетного замечания в самом начале главы о том, что «политика высоких цен... задевает... пролетарских потребителей».

Изложение высказываний социал-фашистов, а также и их раздор, можно было бы в несколько раз сократить, разбор их точно так же.

В этой главе автор разбирает также вопрос о «рабочем контроле». Критикуя взгляды социал-фашистов на контроль над монополиями, а также брандлерянцев, он приводит ленинское понимание сущности «рабочего контроля».

Таким образом автор и в этой главе ограничился цитатами и констатированием фактов, эмпирическим описанием и вообще «перечислением».

Наконец, четвертым вопросом, подлежащим разбору в этой части, должен был бы быть вопрос о проблеме «организованного капитализма». На основе изложения предыдущих вопросов и как выводы из них должна была быть вскрыта полная несостоятельность теории социал-фашизма, а также и теории Бухарина, примыкающего в этом вопросе к нему.

У т. Герцбаха соответствующая глава дана в самом начале этой части (I глава). Это значит, что он решил дать выводы раньше, чем вскрыл самые закономерности. Нелогичность такого подхода очевидна. Но для него это вполне логично, так как он не пытался серьезно, вскрыть эти закономерности, а вопрос об «организованном капитализме» представлялся для него самым главным, — поэтому он и поставил его первым.

Сама глава представляет собой не органическую часть книги, а включена в нее автором как одна из проблем. Глава представляет собой несколько пересмотренное выступление автора в дискуссии по этому вопросу в Комакадемии.

По своему содержанию глава правильно расценивает социал-демократическую теорию «организованного капитализма». Точно так же автор правильно устанавливает связь между социал-демократической теорией «ультраимпериализма» и теорией «организованного капитализма» Бухарина. «Остается лишь один шаг, — как правильно отмечает он, — от первой ко второй». Прав он также и в том, что устанавливает нелогичность Бухарина при трактовке им «внутренних» и «внешних» противоречий.

Однако сама критика является слишком «мягкой». Критикуя теорию «ультраимпериализма» Каутского, автор приводит его вывод о том, что эта фаза «во всяком случае мыслима. Осуществима ли она — для решения этого нет достаточных предпосылок», и приходит к такому заключению: «для справедливости необходимо отметить, что в цитированных статьях Каутский не утверждал неизбежности наступления ультраимпериалистической фазы капитализма. Наоборот он говорил о ней с чрезвычайной осторожностью» (с. 259). Не совсем понятна эта «справедливость», и нам кажется она совершенно неуместной. Именно за эту «осторожность» Ленин особенно нападал на Каутского, указывая на тот яд оппортунизма, который здесь таится.

По существу своему эта глава тоже не отличается научным теоретическим обоснованием вопросов (если не считать удачного подбора цитат). Автор приводит одну из основных цитат Ленина, где он, отмечая тенденции к одному все-

² Ленин, Собр. соч., т. XIX, с. 207.

мирному тресту, указывает что она (тенденция) осуществляется «при таких противоречиях, конфликтах, и потрясениях», что раньше «ультраимпериализм», капитализм, «неизбежно должен будет лопнуть». Казалось бы от автора, анализирующего международные монополии, следовало ожидать вскрытия и разбора именно этих противоречий, о которых пишет Ленин. Однако этого в работе Герцбаха нет.

Между прочим можно сожалеть о том, что здесь совершенно не использованы яркие места из программы Коминтерна, где как раз устанавливаются эти противоречия.

Вывод из второй части книги такой, что автор не справился с задачей теоретического обобщения, что он не смог даже поставить теоретических вопросов, не смог подняться выше чисто эмпирического описания и чисто эмпирических обобщений. Из этого между прочим вытекает и соответствующее понимание автором методологии «международных монополий».

Наконец, в заключительной части автор пытается ставить проблемы современного экономического кризиса. Здесь он приводит ряд новых данных в связи с кризисом; констатирует ряд фактов, представляющих собой проявление кризиса (падение цен, развал картелей, сокращение производства и пр.) и иллюстрирует их достаточно ярко. Относительно же специфических особенностей этого кризиса и тех закономерностей, которые в нем обнаруживаются и обуславливают определенный характер его движения, об этом к сожалению ничего мы здесь не находим (интересны здесь между прочим данные о развалах международных монополий).

В заключение наших замечаний о книге т. Герцбаха, необходимо остановиться на одном существенном и принципиальном вопросе, который автор поставил в самом конце своей работы. Он пишет: «Современный экономический кризис усилит тенденцию, сказавшуюся уже до кризиса, а именно, что картели, в том числе и международные, все более уступают свое место трестам и концернам» (с. 364. Разрядка моя—С. Г.). Вот здесь сделано действительно обобщение, дан действительно теоретический вывод, и наша задача разобрать, насколько он обоснован и правилен. Тут же он пишет еще: «Мы полагаем, что этот процесс дальнейшей международной монополизации производства развернется путем усиления роли международных трестов и концернов..., а не путем только дальнейшего развития международного картелирования и синдицирования» (с. 364. Разрядка моя—С. Г.).

Что касается обоснованности этого вывода, то у автора, кроме указанных уже мест, никаких других рассуждений по этому вопросу не имеется. Поэтому нам придется ограничиться только самим выводом, и сразу же перейти к вопросу о его правильности.

Относительно процесса трестирования в рамках государств, вообще трестирования предприятий и появления монополистических трестов (опять-таки в рамках государств), спора не может быть. Этот процесс начался давно и даже достиг известной высокой степени своего развития. Нас же здесь интересует вывод автора в той части, в которой он относится к международным монополиям.

Вывод автора состоит в том, что до сих пор преимущественно возникали международные картели и синдикаты, но теперь все более усиливается процесс возникновения международных монополистических трестов и концернов; роль последних будет все более усиливаться, причем они приобретут господствующее положение, а картели и синдикаты будут играть подчиненную роль.

Прежде чем разобрать правильность этого вывода, нужно вкратце определить различия между формами: картель, синдикат, трест, концерн.

Международный картель представляет собой соглашение между монополистическими организациями различных государств, заключаемое на определенный

срок и устанавливающее производственные квоты и монопольные цены и в известной степени распределяющее рынки сбыта. Каждый участок соглашения сохраняет полную самостоятельность и только принимает на себя в своих же выгодах определенные обязательства. Последние рассматриваются как временные, и каждый постоянно подготавливает условия, необходимые для того, чтобы выйти за рамки этих обязательств.

Международный синдикат в принципе представляет собой аналогичную же организацию. Принципы распределения производственных квот и установления монопольных цен остаются и здесь как основные. Но синдикат представляет собой организацию сравнительно более устойчивую нежели картель в том смысле, что он устраняет необходимость раздела рынков сбыта и перелезания участников на рынки друг друга. Вся продукция должна продаваться синдикатской конторой. Синдикат отнимает у участников функции сбыта. Однако и синдикатское соглашение заключается на определенный срок и рассматривается как временное.

Международный трест представляет собой такую организацию, в которой самостоятельность «участников» полностью уничтожена. Здесь уж нет собственно участников. Это есть единая организация, концентрирующая в своем непосредственном ведении и все международное производство данной отрасли определенного количества (или всех вместе) стран и весь соответствующий международный сбыт. Разумеется, такая концентрация не может создаться на основе простого «соглашения» или «участия». Здесь основным методом является поглощение, ибо только таким путем могут создаваться подобные организации, ибо до тех пор, пока производства отдельных стран не будут именно поглощены, они не позволят подчинить себя этому тресту, да иначе дело и нельзя просто представить себе.

Международные концерны представляют собой дальнейшее развитие и усложнение международных трестов. Здесь происходит концентрация и по линии горизонтальной и по линии вертикальной и вообще по линии разносторонности и многообразия. Стало быть мы здесь имеем концентрацию международными трестами различных и всевозможных отраслей производства, колоссальные капиталистические единицы, непосредственно ведущие огромное и разнообразное производство и ведающие сбытом всей своей опроучной продукции в международном масштабе.

Таково научное определение этих форм капиталистических производственных организаций. И когда мы после этого возвращаемся к выводу автора, он не может не вызвать в нас множества сомнений.

По нашему мнению указанный вывод автора является глубоко ошибочным. К сожалению, он счел излишним его обосновать (потому что считал вполне естественным и само собой разумеющимся?). Но если допустить возможность осуществления этого положения, если допустить неизбежность перехода от картелей к международным трестам, то мы должны допустить такую же неизбежность осуществления указанных поглощений, и тогда мы не имеем никаких оснований отрицать возможность самого всемирного всеобщего треста. В самом деле, последний представляет собой не что иное, как колоссальный международный концерн.

Это утверждение автора безусловно неверно и должно быть возможно скорее выброшено из книги. Но оно тем более странно, что автор в своей первой части все время не перестает подчеркивать временный характер международных картелей. Теоретически этот вывод ничем не может быть обоснован: теоретический разбор полностью опровергает его. Эмпирия здесь жестоко наказала автора. Отсутствие теоретического подхода к вопросам, отсутствие существенного разбора и существенных определений привело к такому казусу.

Практически также этот вывод ничем не может быть обоснован. Единственным случаем приближения к международному тресту является Шведско-амери-

канский спичечный трест. Но это особое исключение. Его существование основано на государственных монополиях, «покупаемых» трестом (тоже на определенный срок), благодаря которым он поглощает местное государственное производство. Понятно, что подобные «продажи» не могут происходить в отраслях, имеющих сколько-нибудь существенное значение. Поэтому этот случай должен быть рассматриваем особо.

Международные картели (эта простейшая форма интернациональной организации капитала), не перерастают и не могут перерасти в международные тресты. Для этого слишком сильны противоречия монополистического капитализма. Они напротив, обнаруживают от времени до времени обратное движение, деградируют путем всяких развалов и в лучшем случае достигают уровня синдиката (несколько более сложная форма, но по существу тоже простейшая). Высшей формой этого процесса является единый всемирный трест, который однако никогда не может быть достигнут.

По понятным причинам мы в нашем разборе останавливались только на наиболее существенных моментах книги, оставляя без внимания ряд частных. Здесь следует отметить также довольно неряшливое издание самой книги — множество опечаток.

Общий вывод наш таков. Книга т. Герцбаха представляет собой весьма ценную работу, собравшую и систематизировавшую данные, имеющие огромное, сугубо актуальное значение. Даже в тех главах, которые мы вынуждены были подвергать критике по существу, автором также приводится весьма интересный фактический материал. Теоретическая часть работы автору не удалась. Поэтому, если книгу освободить от этих так называемых «обобщений» и сделать ее тем, чем она является в самом деле, то она от этого значительно выиграет.

Л. ЗИМАН

ПРОТИВ ПОПЫТКИ СОЕДИНИТЬ МАРКСИЗМ С БУРЖУАЗНЫМ ГЕОГРАФИЗМОМ

(По поводу «Очерка истории экономической географии мира» Дж. Хоррабина, под ред. и с послесловием Г. Валецкого, изд. 7-е, М.—Л. 1931).

Из всех участков научного фронта одним из слабейших несомненно является экономическая география. До последнего времени здесь господствовали контрреволюционеры-вредители (Бернштейн-Коган, Рыбников) и импортированные из-за границы буржуазные писания (от «серьезных» работ Альфреда Вебера до макулатуры в стиле Заппера, Дове, Рейнгарда и др.). Теперь в известной мере по инициативе органов ОГПУ начался перелом и на этом наиболее отставшем участке научного фронта.

Теперь с откровенно буржуазной концепцией не так легко становится выступать здесь. Но тем упорнее будут попытки протаскивать в экономическую географию буржуазные установки, завуалированные марксистской фразеологией. Одна из таких попыток была уже разоблачена на страницах «Проблем экономики» (см. рецензию т. Казанского о «трудах» профессора Дахшлегера в № 2 за 1931 г.).

Двумя основными направлениями в буржуазной экономической географии несмотря на различие стилей, по существу весьма близкими между собой, являются натуралистические и вульгарно экономические. Извращение марксизма в экономической географии и идет по этим двум направлениям. Маскировка вульгарно экономических позиций наиболее ярко проявляется во всякого рода штандартных теориях, в попытках сочетать Маркса с Альфредом Вебером. Примером «сочетания» марксизма с географическим натурализмом может служить книжка Хоррабина и примечания к ней Г. Валецкого. Ярko и просто написанная, прекрасно иллюстрированная оригинальными картосхемами книжка Хоррабина имеет громадные педагогические достоинства. Тщательно сделанная, она стоит неизмеримо выше халтурной литературы, заливающей наш книжный рынок (Вольф и Мебус, Дахшлегер и т. п.). Критическое отношение автора к империализму и сочувствие международному пролетариату, борющемуся за социалистическое переустройство мира, выгодно отличает очерк Хоррабина от откровенно апологетических писаний вроде списанных с германских буржуазных учебников очерков Бернштейна-Когана. Но критика Хоррабином капитализма — недостаточна, и потому в конце концов она приводит к оправданию капиталистического строя. Его сочувствие революционной борьбе пролетариата «платоническое», объективно он не помогает, а мешает этой борьбе, дезорганизуя борющийся пролетариат, давая ему неправильное представление о соотношении сил и о стоящих перед ним задачах.

Книжка Хоррабина выдержала у нас уже несколько изданий. Последние три включили предисловие и критическое послесловие Г. Валецкого. Тов. Валецкий правильно вскрывает ряд коренных ошибок в работе Хоррабина, но в целом критические замечания т. Валецкого недостаточны, они не спасают читателя от тех неправильных и вредных представлений, которые ему прививает автор «Очерка», а в ряде случаев т. Валецкий сам допускает ошибки, усугубляющие ошибки Хоррабина.

«Рабочий, который хочет проникнуть в суть современного империализма и разобраться в сложных вопросах международной политики, часто наталкивается на трудности, вытекающие из недостатка географических познаний. Книга Хоррабина ставит себе целью помочь рабочему, учащемуся или вдумчивому активисту преодолеть эти трудности... Автор решил эту задачу в общем вполне удовлетворительно. Однако при всех выдающихся достоинствах, делающих ее незаменимой, книга Хоррабина страдает с точки зрения марксизма-ленинизма определенными недостатками». Так пишет в предисловии т. Валецкий: «Хоррабин—не последовательный марксист... Мировоззрение Хоррабина можно было бы скорее всего охарактеризовать, как своеобразный «географический материализм».

Эти критические формулировки имеют явно примиренческий характер. Хоррабин—не марксист. Его выгодно отличает от других представителей «географического материализма» то, что он во главу угла ставит развитие производительных сил и влияние природы изучает с учетом уровня этого развития. Но от марксизма Хоррабина отделяет то, что из его историко-экономического анализа вычеркнуты производственные отношения. Все важнейшие сдвиги в мировой истории он пытается объяснить влиянием географической среды и изменений в технике.

Экономическая взаимозависимость между всеми частями земного шара, по мнению Хоррабина, «основывается на двух обстоятельствах: 1) на колоссальном прогрессе морского и сухопутного транспорта и путей сообщения и 2) на географическом распределении отдельных видов сырья и плодородия почв» (с. 51). Ни слова он не говорит о том, что в основе образования мирового хозяйства лежало развитие капитализма, без чего не был бы возможен и прогресс транспорта. «Огромный рост английских владений был следствием укрепления и развития господства человека над океаном, созданного паровым судоходством» (с. 66). И ни слова о том, что Англия была первая страна промышленного капитализма, и именно поэтому она смогла превратить $\frac{1}{4}$ мира в свои владения. «Гегемония» Соединенных штатов над всей американской группой покоится именно на этих природных богатствах, которых почти хватило бы (!), чтобы обеспечить за Соединенными штатами и мировую гегемонию» (с. 61). И ни слова об особых путях развития капитализма в Соединенных штатах, отсутствии частной собственности на землю и т. д. «Нехватка угля была главной причиной сравнительной отсталости Франции» (с. 87). и т. д. и т. д.

Хоррабин сам указывает в начале своей книжки, что «классовая борьба, эксплуатация одной части человеческого общества другой, этот фактор не может быть непосредственно рассмотрен в пределах этой книжки... Ограниченность предмета нашей книжки заставит нас часто умалчивать о нем, как о заранее известном» (с. 18).

Тов. Валецкий правильно пишет: «Автор, следуя своей географически-материалистической установке, пытается объяснить исторические факты, понятные лишь в связи с производственными отношениями и классовой структурой общества, исключительно действием географических факторов» (с. 97). Но далее он замечает: «Конечно Хоррабин прав, когда предупреждает читателя о том, что «ограниченность предмета этой книжки» заставляет умалчивать о многом важном. Но неупоминание даже намеком об основном ведет неминуемо к ложным представлениям, особенно если формулировки автора систематически толкают в этом направлении» (с. 98). Нет, т. Валецкий, никакие намеки автору не помогли бы, потому что в основном он стоит не на «непоследовательной марксистской позиции», как вы пишете, а на последовательно немарксистской. Трактовка Хоррабином всех основных проблем толкает неминуемо к ложным представлениям, и потому нельзя рекомендовать его книгу, как «в общем вполне удовлетворительную». Дело не в том, что книжка Хоррабина «страдает с точки зрения марксизма-ленинизма определенными недостатками», а в

том, что она неправильно (объективно неправильно) объясняет основные факты мировой истории и экономики.

Абстрагирование от социальных отношений неизбежно приводит Хоррабина к замазыванию противоречий капитализма. А с другой стороны, как правильно отмечает т. Валецкий, «еще в продолжение целой долгой исторической эпохи он предполагает ненарушенное господство капиталистического империализма» (с. 98). Но т. Валецкий недостаточно отмечает один из характернейших моментов в концепции Хоррабина: то, что и СССР он изображает как часть капиталистической системы.

Хоррабин делит весь мир на пять групп, воспроизводя известную схему Кальвера, разработанную им в начале XX в. и в свое время одобренную Лениным. В этой схеме в числе великих держав, «поделивших между собой весь мир», на равных правах с другими числится и Россия. В порядке значения ей отведено четвертое место. Глава, посвященная России, начинается с указания на то, что «она в силу внутренних событий политического и экономического характера резко отличается от всех прочих групп» (с. 79). Но это — голая фраза, так как ничего более об этом своеобразии страны диктатуры пролетариата не говорится. Хоррабин сейчас же переходит к столь важному для него географическому моменту: «Как в фактической истории российской революции, так и в тех проблемах, которые стоят ныне перед Союзом советских республик, географические факторы играли и продолжают играть огромную по своей важности роль» (там же). Далее говорится, что успех революции в России и поражение ее в Венгрии объяснялись именно географическими условиями. Мы не будем останавливаться на этом «непоследовательно марксистском» анализе, так как он правильно оценен т. Валецким. Но последний ничего не сказал о том, что перспективы экономического развития СССР Хоррабин рисует в полукOLONиальных тонах. Проблема социалистической индустриализации СССР и вытекающих из этого последствий осталась совершенно вне поля зрения Хоррабина. Он не понимает того, что ведущим звеном перестройки всей нашей экономики является тяжелая индустрия, мощное развертывание которой уже подвело нас к коренной реконструкции легкой индустрии, сельского хозяйства и транспорта.

«Основная проблема советского правительства есть проблема сухопутного транспорта... Если в России будут достаточно развиты средства транспорта, то она легко сможет прокормить не только себя, но и всю Европу... Разрешение ее (этой проблемы) тем более необходимо, что лесные материалы, хлеб, сено и т. д.— все это массовые продукты, с которыми приходится оперировать в огромном масштабе» (с. 84).

Хоррабин не мыслит себе СССР иначе, как производителем хлеба, сена, лесных и т. п. сырых материалов для себя и для Европы. Он не допускает возможности превращения СССР в страну машин и поставщика промтоваров. В этом отношении он ничем не отличается от всех буржуазных экономистов¹.

Так же, как и они, он на первое место в программе хозяйственного строительства выдвигает широкое транспортное строительство, ничего не говоря о перспективах индустриализации страны.

Тов. Валецкий в этом месте сделал к формулировкам Хоррабина добавление: «Ясно, что если транспорт является «ключом» к развитию богатства Советского Союза, то это нужно понимать не в том смысле, что раньше должна быть разрешена проблема транспорта, а затем последует общее хозяйственное развитие. Строительство транспорта является составной частью общей проблемы индустриализации с особым ударением на развитии тяжелой промышленности и

¹ Ср. характеристику взглядов крупнейшего экономиста-инженера предреволюционной России В. Гриневецкого в моей статье «К десятилетию плана Гоэлро» в журн. «Революция и культура», № 24, 1930.

«интенсификации сельского хозяйства путем его механизации и коллективизации» (с. 86).

Отсюда ясно только одно: что Хоррабин дал в корне неправильную характеристику перспектив экономического развития СССР, а т. Валецкий не только не вскрыл его ошибок, но даже замазал их, приписав формулировкам Хоррабина тот смысл, которого они не заключают, и не только замазал ошибки Хоррабина, но и усугубил их своими ошибочными дополнениями (в которых развитие тяжелой индустрии и перестройки сельского хозяйства смешаны в одну кучу, а смысл перестройки сельского хозяйства сводится к интенсификации его «путем коллективизации»).

Но оставим СССР и перейдем к капиталистическим странам. «Прежде всего надо запомнить, что уголь, железо и медь природа распределила по земной поверхности далеко не так равномерно, как воздух и солнечный свет. Все эти вещи сосредоточены в определенных местах. В некоторых областях добывается гораздо больше того или иного вида сырья, чем сколько данная местность может обработать собственными силами. Избыток вывозится в другие области, либо совершенно лишены данного вида сырья, либо ощущающие в нем недостаток. На этом обмене продуктами строится экономическая система мира» (с. 52).

Удивительно хорошо устроена эта «экономическая система мира». «Избытки» сырья перевозятся из одной страны в другую, так что каждая обрабатывает столько, сколько «может обработать собственными силами». Но как все это напоминает застеневские схемы «Бюхеров, Зомбартов и их коллег», которые так зло, но вполне заслуженно высмеяла Р. Люксембург².

Замазывание противоречий современного капиталистического хозяйства—таков основной девиз этих господ-профессоров, полностью заимствованный у них Хоррабином. Правда, с первого взгляда он много говорит о разных противоречиях и борьбе капиталистических группировок. Но внимательный читатель сразу заметит, что это все второстепенные противоречия, а коренные основные противоречия капитализма остаются в тени. «Чтобы правильно понять современные «мировые проблемы», необходимо прежде всего до конца усвоить основное противоречие между экономической взаимозависимостью и политической раздробленностью мира» (с. 53). Здесь ясно видно, как, изгнав противоречия из экономики, автор видит их лишь в политической надстройке, как производный момент он выдает за основное противоречие капитализма. Современная политическая карта мира не удовлетворяет Хоррабина: «Рано или поздно, методом войны или мирным путем, но эти границы должны быть перечерчены и приведены в соответствие с фактами современной экономики» (с. 55). Здесь еще раз подчеркнуто, что факты современной экономики не вызывают у Хоррабина недовольства. Надо только, чтобы политическая надстройка была приведена в соответствие с этими фактами (мирным путем или даже методом войны). Уже сама по себе мысль о том, что перечерчивание политической карты может привести их в соответствие с экономикой, выявляет аполлогетичность концепции Хоррабина.

Изгнав противоречия из экономики, он неизбежно должен замазывать их и в политике. Империалистическую агрессивность он сводит к тому, что «каждая великая промышленная держава, или держава, которая может стать (!) такой промышленной силой) стремится стать самостоятельной и самодовлеющей, т. е. прямо или косвенно захватить в свои руки:

- 1) достаточные запасы необходимого сырья,
- 2) рынки для сбыта продуктов своей промышленности и территории для экспор-тирования капитала,

² См. ее «Введение в политическую экономию», гл. I.

3) сухопутные и морские дороги, необходимые для транспортирования и распределения сырья и фабрикатов» (с. 56).

«Описанная тенденция есть неизбежное последствие империализма, точнее говоря, тех экономических, технических и географических условий, отражением которых является империализм» (с. 54).

Таким образом империализм, по Хоррабину является лишь отражением технических, экономических и географических условий. Да и сам империализм — вещь сравнительно невинная, так как каждая держава стремится лишь быть самостоятельной, иметь достаточные запасы необходимого ей сырья и т. п. Но и это относится лишь к промышленным державам или тем, которые «могут ими стать». Автор не поясняет, какие именно страны «могут стать промышленной силой», чем эта возможность определяется и как потенциальная индустриализация уже в настоящее время делает эти страны империалистическими державами. Повидимому он представляет себе весь мир в виде ряда привилегированных стран, которым заранее предназначено господствовать, а остальным странам подчиняться.

Тов. Валецкий правильно отмечает, что Хоррабин «не свободен от влияния специфически британских империалистических ходов мысли» (с. 7). С этим связано показанное т. Валецким «скептическое, высокомерное, пренебрежительное отношение Хоррабина к борьбе колониальных и полуколониальных народов против империализма» (с. 99). Но с этим же связано и то, что Хоррабин обходит все те узлы противоречий, которые подтачивают мощь британского империализма. Он не может скрывать упадка английской промышленности. «Но упадок экономического и промышленного значения Великобритании по сравнению с ее доминионами ни в коем случае не означает упадка значения» и силы всей британской группы по отношению к другим группам, — по крайней мере до тех пор, пока интересы различных частей группы остаются достаточно солидарными, чтобы она не раскололась. Однако капиталистические страны вообще склонны к быстрому развитию противоречивых интересов...».

К этому месту т. Валецкий делает добавление: «В самом деле, несмотря на отчаянные усилия Великобритании внутренняя спаянность империи постоянно ослабляется». И здесь т. Валецкий, вместо того чтобы вскрыть империалистическую подоплеку рассуждений Хоррабина о «солидарности интересов» Англии и ее колоний и доминионов, ограничивается лишь тем, что «развивает» эти мысли. Утверждения т. Валецкого по существу правильны. Но зачем он изображает дело так, как будто продолжает мысль Хоррабина, которая явно неправильна и апологетична.

Остановимся еще на одной ошибке Хоррабина по вопросу о соотношении сил на европейском континенте. «В данный момент Германия фактически является французским владением». Так писал Хоррабин. Тов. Валецкий делает здесь вставку: «Развитие последующих лет не пошло по линии закрепления и усиления той односторонней заависимости Германии от Франции, которая в 1923 г. представлялась автору вероятной перспективой... Восстановленная несмотря на все тяжести последствий проигранной войны хозяйственная мощь Германии позволила ей опереть свои экономические взаимоотношения с Францией на основу не односторонней зависимости, а «равноправия» в виде франко-германских и вообще континентальных трестов» (с. 89). И здесь т. Валецкий не исправляет Хоррабина, а усугубляет его ошибку. Эта ошибка заключается в том, что Франция с колониями и вся Средняя Европа изображаются как единая «экономическая группа», чего на самом деле нет, так как противоречия внутри этой группы чрезвычайно велики. «Равноправие» Германии и Франции это лучше всего доказывает. И наличие ряда континентальных трестов и картелей дела не меняет, так же как наличие ряда мировых трестов не доказывает, что весь мир превратился в единую «экономическую группу». Противоречие интересов и непрерывающаяся борьба между Францией и Германией занимают

виднейшее место в системе империалистических противоречий. Этого не понял Хоррабин. Но еще более непростительно то, что на этой же позиции стоит и т. Валецкий.

Мы не ставили перед собой задачи вскрыть все ошибки Хоррабина. Мы в частности почти не касались тех его ошибок, которые правильно выявлены т. Валецким. В нашу задачу входило лишь показать, что концепция Хоррабина не марксистская, и что поэтому он не может правильно объяснить основные факты истории и экономики. Этого коренного порока его книги нельзя уничтожить отдельными вставками и примечаниями, так как он пронизывает все изложение. Примечания же и добавления т. Валецкого не только не вскрывают всех ошибок Хоррабина, но сплошь и рядом их замазывают, а иногда и усугубляют.

Идеология Хоррабина — это идеология английской рабочей аристократии, находящейся в идейном плену у британского империализма. Надо прекратить массовое распространение его книжки, дезориентирующей пролетариат в вопросах мирового хозяйства и мировой политики. Книжка эта может принести пользу лишь тем, кто может подойти критически к концепции автора. Она особенно полезна педагогам, которые могут научиться у Хоррабина живому и ясному изложению предмета и удачному его иллюстрированию. Но при этом книжку надо снабдить такими примечаниями, которые давали бы правильную ее оценку.

Г. ЛОМОВ

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ СССР И РАЗВЕРТЫВАНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА*

Владимир Ильич со всей остротой и ясностью поставил вопрос относительно базы социализма. Он писал: «Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие.

... Соответствующая уровню новейшей техники и способная реорганизовать земледелие крупная промышленность есть электрификация всей страны». «Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно».

Владимир Ильич придавал громадное значение плану ГОЭЛРО и делу его осуществления. На осуществление какой-нибудь теперь для нас средней электростанции затрачивались по тем временам гигантские средства, гигантские силы. Владимир Ильич пристально следил за постройкой Каширской и Шатурской электростанций. Вопрос о Волховстрое не сходил с порядка дня СТО. Владимир Ильич ежедневно звонил тогдашним своим помощникам по этому поводу.

Как выполнен план ГОЭЛРО? Общеизвестно, что количественно мы близки к выполнению плана ГОЭЛРО на 1/1 1931 г. Рассматривая же осуществление этого плана в районном разрезе, мы видим наряду с значительным перевыполнением плана по одним районам зияющие провалы по другим. Так например по Северному району по плану ГОЭЛРО мы должны были иметь установленную мощность в 160 тыс. кв. На 1 января 1931 г. установленная мощность достигает 294 тыс. кв. Здесь следовательно мы значительно перевыполнили план. По Центральной промышленной области (Московской области) мы имеем 556 тыс. кв. вместо намеченных по плану 230 тыс. кв. В то же время на Урале, в районе, который в настоящее время выдвигается партией и всей страной как вторая угольно-металлургическая база, по плану мы должны были дать 165 тыс. кв., а имеем на 1 января 1931 г. только 41 тыс. На Кавказе мы должны были иметь 180 тыс. кв, а имеем 87 тыс. кв, Сибирь и Средняя Азия должны были иметь 120 тыс. кв, имеют нуль. (Речь идет конечно только о районных электростанциях). Когда мы подсчитаем все эти изменения с перевыполнением и невыполнением, то окажется, что по плану ГОЭЛРО мы должны были иметь районных станций 1 425 тыс. кв, а фактически имеем на 1/1 1931 г. 1 145 тыс. кв. По темпу строительства мы в общем итоге имеем полное выполнение. В районном разрезе имеются серьезнейшие прорывы, и это нам надо учесть при построении нашего плана на ближайшее будущее.

Ленин в блестящей брошюре «Грозящая катастрофа и как с нею бороться», написанной в 1917 г., говорил «В несколько месяцев Россия по своему политическому строю догнала передовые страны. Но этого мало...»

Он ставил вопрос так: «Либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также экономически. Погибнуть или на всех парах устремляться вперед. Так поставлен вопрос историей».

В настоящее время мы подошли к тому, что осуществляем лозунг «догнать и перегнать» на деле. Съезд советов эту задачу поставил нам и дал срок примерно 10 лет.

* Краткое изложение доклада т. Ломова на конференции по составлению генплана электрификации, происходившей 5—10 мая т. г.

Строя перспективный план электрификации, нам нужно иметь какие-то придержки, мы должны исходить из каких-то конечных величин в деле роста нашей продукции на ближайшее время. Это количество должно определяться в первую очередь лозунгом «догнать и перегнать». Догнать по основным видам производства означает перегнать по таким видам производства как например машиностроение. Чтоб догнать по чугуну, по углю, по нефти, надо гигантски перегнать в области машиностроения, ибо здесь нам придется в несколько лет проделать тот путь, который был бы рассчитан в прежнее время примерно на 50 лет. Какие вырисовываются наметки на 1937 г., на второе пятилетие? По чугуну Соед. штаты Сев. Америки имеют максимальные цифры выплавки, около 40 с небольшим миллионов тонн. В СССР в 1937 г., если исходить из теперешнего темпа, производство чугуна будет около 60 млн. тонн. По углю, мы полагаем, что соответственно 60 млн. тонн чугуна надо будет добыть около 450—550 млн. тонн угля.

Добыча нефти определяется цифрой добычи Соед. штатов. Там мы имеем около 125 млн. тонн. Мы предполагаем, что цифра на 1937 год примерно должна быть около 150 млн. тонн. По нефти СССР занимает второе место.

По сельскохозяйственному машиностроению СССР занимает с 1930 г. второе место.

Показательна таблица по производству тракторов.

Соед. штаты	в 1929 (рекордном)	выпущено всего	229 000 шт.
Ирландия	„ 1929		17 000 „
Германия	„ 1929		24 000 „
СССР	„ 1930		13 400 „
СССР займет второе место в 1931 г.			

Комбинируя эти показатели с цифрами роста установленной мощности электростанций как примерные ориентировочные наметки, можно говорить о цифре около 40—50 млн. кв установленной мощности к 1937 г. и не менее 70 млн. к концу десятилетия.

Конечно эти цифры сугубо ориентировочны. Но они более или менее четко вырисовываются из того опыта и того обмена мнений, который имеет место в Госплане, и, надо думать, что они будут теми цифрами, базируясь на которых, мы сможем разработать свой план. Особенно резко следует подчеркнуть все значение и величайшую ответственность нашей электропромышленности в том, чтобы эти темпы, это развертывание осуществить на деле. Гигантское значение будет иметь вопрос изоляционных материалов и рост нашей медной промышленности. Добыча меди становится одним из самых узких мест в развертывании нашей электропромышленности, нашего электростроительства.

Более точные цифры рисуют план на 1932 г. Если план по углю в 1931 г. определен в 75 млн., то он на 1932 г. определяется цифрой около 115—125 млн. тонн. По чугуну в этом году 8 млн. тонн, на будущий год — 11,5—12 млн. тонн, прокат в 1931 г.— 7 с небольшим миллионов тонн, на будущий год — 9,5 млн. тонн, по цементу производство в этом году равно 35 млн., в будущем году — 58 млн. тонн. Переработка хлопка в этом году 360 тыс. тонн, в будущем году — 500 тыс. тонн. Рост продукции на 1932 г. в среднем устанавливается на 50%.

Какое мы занимаем место в настоящее время по целому ряду производств? В качестве примера можно остановиться на некоторых отраслях промышленности. В то время как мы в этом году даем 8 млн. тонн чугуна, Америка в лучшие годы давала 40 с лишним миллионов тонн. Конечно в этом году она не будет иметь таких цифр. Мы в особом квартале обогнали Англию. Что касается других отраслей, то по нефти мы заняли второе место, хотя значительно отстаем от Соед. штатов. В мирное время мы давали 9 млн. тонн, в настоящее время даем 27 млн. тонн, в то время как Америка дает выше 100 млн. тонн.

По с.-х. машиностроению СССР занимает в 1930 г. второе место. В Соед. штатах в рекордный 1929 г. было выпущено всех видов с.-х. орудий и машин на 565 млн. довоенных рублей. В Германии в 1930 г. по данным союза фабрикантов с.-х. машин было выпущено продукции, считая и тракторы, на 104,4 млн. довоенных рублей. СССР выпустил с.-х. машин и орудий в 1930 г. на 210 млн. довоенных рублей, или в 3,1 раза больше, чем в 1931 г. Сейчас уже по количеству тракторов мы занимаем второе место во всем мире. Впереди нас Соед. штаты с парком в 1 млн. тракторов и позади нас (обогнана) Канада с парком в 95 тыс. тракторов.

По электротехнической промышленности с нашей продукцией в 298 млн. довоенных рублей мы занимаем сейчас четвертое место. Впереди нас Соед. штаты с продукцией 3 млрд. с лишним рублей; Германия — 794 млн. руб., Англия — 579 млн. руб. Вероятно мы в будущем году обгоним Англию и близко подойдем к Германии.

Наращение темпов электростроительства в СССР особенно интересно. В 1929 г. мощность была равна 2 097 тыс. кв. в 1930 г. — 2 885, в 1931 г. — 4 300, в 1932 г. — 6 700. Цифры очень показательны. Вряд ли они могут значительно измениться в процессе выполнения плана.

Ведущая роль нашей электротехнической промышленности промадна. Но ни в коем случае не следует упускать из вида, что такое же гигантское значение имеет теплофикация. Опыт вредительства и вредительского отношения к теплофикации, наше техническое невежество, совершенно исключительное отставание в области машиностроения для теплофикации должны нам диктовать резкое изменение отношения к этому отсталому и вместе с тем играющему громадную роль в жизни нашей страны участку.

Наряду с электрификацией необходимо отметить часто забываемое, а в нашей стране имеющее очень большое значение, использование природных энергетических ресурсов, как-то: естественный газ, солнце, ветер и т. п. В первом томе «Капитала» Маркс, указывая на громадное значение использования ветра для такой страны как Голландия, пишет: «Частью недостаток естественных водопадов, частью борьба с избытком воды в других формах заставили голландцев применить ветер в качестве двигательной силы. Самые ветряные мельницы голландцы заимствовали из Германии, где это изобретение вызвало серьезную борьбу между дворянством, попами и императором из-за того, кому же из них троих «принадлежит» ветер. В Германии говорили, что воздух делает человека чужой собственностью (*Luft macht eigen*), между тем как ветер освободил Голландию. Здесь он делал собственностью не голландцев, а землю для голландцев. Еще в 1836 г. в Голландии было в ходу 12 тыс. ветряных мельниц в 6 тыс. л. с., которые предохраняли $\frac{1}{3}$ страны от обратного превращения в болото»¹.

Большое значение для нас имеют выходы естественного газа. Такие районы, как Дагестан, обладающие громадными ресурсами естественного газа, должны быть не столько электрифицированы, сколько газифицированы. Но проблема использования газа этим далеко не исчерпывается. Нужно использовать не только выходы естественного газа, но и гораздо полнее использовать газ, получаемый при коксовании, и наконец поставить серьезную работу по получению газа непосредственно из угольных пластов. О том, какое значение этому придавал Ленин, лучше всего свидетельствуют его слова, посвященные открытию Вильяма Рамзей.

«... Всемирно знаменитый английский химик Вильям Рамзей, — писал он в 1913 г. в статье «Одна из великих побед техники», — открыл способ непосредственного добывания газа из угольных пластов. Одна из великих задач совре-

¹ Карл Маркс, Капитал, т. I, изд. 1909 г., с. 338.

менной техники близится таким образом к разрешению. Переворот, который зовет ее решение, громаден. Открытие Рамзея означает гигантскую техническую революцию. Способ Рамзея превращает каменноугольные рудники как бы в громадные дестилляционные аппараты для выработки газа. Газ приводит в движение газовые моторы, которые дают возможность использовать вдвое большую долю энергии, заключающуюся в каменном угле, чем это было при паровых машинах. Газовые моторы в свою очередь служат для превращения энергии в электричество, которое техника уже теперь умеет передавать на громадные расстояния...»

«Переворот в промышленности, вызванный этим открытием,— писал он,— будет огромен. Но последствия этого переворота для всей общественной жизни в современном капиталистическом строе будут совсем не те, какие вызвало бы это открытие при социализме. При капитализме «освобождение» труда миллионов чернорабочих, занятых добычей угля, породит неизбежно массовую безработицу, громадный рост нищеты, ухудшение положения рабочих... При социализме применение способа Рамзея, «освобождая» труд миллионов горнорабочих и т. д., позволит сразу сократить для всех рабочих день с 8 часов, к примеру, до 7, а то и меньше».

«Электрификация» всех фабрик и железных дорог сделает условия труда более гигиеничными... ускорит превращение грязных, отвратительных мастерских в чистые, светлые, достойные человека лаборатории. Электрическое освещение и электрическое отопление каждого дома избавят миллионы «домашних рабынь» от необходимости убивать три четверти жизни в смрадной кухне.

В нашей стране необходимо использовать все те возможные элементы, которые дают при построении нашего плана возможность продвинуться дальше по пути овладения природой в интересах развертывания народного хозяйства.

Мы должны базировать наш план в первую очередь на новейших, технических достижениях. Передача токов сверхвысоких напряжений является теперь проблемой уже настолько созревшей, что безусловно необходимо поставить передачу по сетям сверхвысоких напряжений в порядок дня и решить, что мы нашу новую программу крупных работ по электрификации не можем строить на том базисе, который сейчас у нас имеется. Недавно закончившаяся конференция в Ленинграде после очень интересных докладов проф. Чернышева и акад. Иоффе доказала полную возможность передачи тока напряжением в 400—500 тыс. вольт. Она является не проблемой будущего, а должна быть положена в основу нашей работы в ближайшее время. Проф. Чернышев держится такого мнения, что уже сейчас технически разрешима передача тока напряжением примерно в миллион вольт. Таким образом 400 тыс. это уже не есть предел. Это — реальная цифра, на которую можно вполне твердо рассчитывать и из которой следует пока исходить. Нужно поставить перед нашими научно-исследовательскими институтами задачу в кратчайший срок закончить разработку вопроса передачи тока напряжением в миллион вольт для того, чтобы мы могли эти данные исследовательской работы положить в основу планирования. Большие достижения уже мы имеем в результате работы ГФТИ по электрической изоляции.

Таким образом в основу нашего плана должны быть положены все главные технические элементы, выявляемые на наших научно-исследовательских конференциях. Но этого мало. Необходимо изучить энергоресурсы. В настоящее время уже издается атлас энергоресурсов. На осень назначена конференция по изучению производительных сил страны. С особой силой нужно подчеркнуть малую изученность вопроса о воде, которая является очень часто лимитом для дальнейшего развертывания и нашей промышленности и нашего строительства электростанций в целом ряде районов. К сожалению в этой области мы чрезвычайно отстали, вопросам гидрологии не придается и не придавалось серьезного значения, и в этой области нам надо будет добиться самых серьезных и решительных сдвигов.

В выработке плана электрификации громадную роль должны сыграть наши районные конференции. К настоящему времени уже закончилась среднеазиатская конференция по выработке генплана электрификации Средней Азии. Она прошла с большим подъемом, причем интерес к этой конференции был громаден как в среде рабочих, так и в среде всех организаций среднеазиатских, в том числе и партийных.

Закончилась Закавказская конференция, разработавшая план электрификации Закавказья. Закончилась Восточносибирская и Ивановская конференции. На очереди стоят конференции Ленинградская и Московская и целый ряд других.

Беспробудно спят украинцы в деле организации общественности вокруг электрификации Украины и это в то время, когда там идет громадное электростроительство, когда для нас Украина представляет громаднейшее значение, была и остается индустриальной жемчужиной нашего Союза. Тем более непонятно, что мы имеем со стороны украинского Госплана такую спячку.

Со стороны Средней и Нижней Волги пока никакой активности в этой области нет. Не составляет исключения и Урал. Очевидно уральцы думают, что когда кто-то даст им план по развертыванию УСК, тогда на основе этого они соберут свою конференцию по электрификации Урала. Между тем здесь надо будет сделать наоборот: и Уралу и Зап. Сибири поторопиться с выработкой своего плана развертывания электростроительства, встречного к тому, который вырабатываем мы здесь.

Переходя к вопросу о методе составления генплана электрификации, нужно отметить, что основа этой работы положена районными электроконференциями и конференциями по отдельным важнейшим вопросам, которые включили в общую работу научно-исследовательские институты и ведомства. В обсуждение и выработку всего громадного генплана по электрификации должны быть втянуты миллионы рабочих и трудящихся. Крупнейшую роль должны сыграть профсоюзы как организаторы этой работы. Комсомол — шеф над электрификацией тоже сыграет немаловажную роль, пресса также. Все должно быть поставлено на то, чтобы мы дали план, который действительно будет отвечать своему назначению, план ведущей отрасли, призванной реконструировать народное хозяйство. Мы должны работать вместе с миллионами — это самое лучшее средство, чтобы не сделать ошибок и избежать вредительства.

Мы вырабатываем план по электрификации не на пять лет, а на несколько больший период и уже от него возьмем известный отрезок, который затем включим в пятилетний план.

План ГОЭЛРО родил пятилетку. План ГОЭЛРО был первым планом, который для Владимира Ильича был наиболее важен, потому что он был связан с жизнью, с хозяйством нашей страны. Владимир Ильич больше всего издевался над планами, которые выдумывались из пальца, он больше всего издевался над такими прожектерами и фантазерами, которые забывали про землю, на которой ходят. Поэтому наш план должен вырасти на основе изучения наших производственных ресурсов, на основе тех возможностей, которые у нас имеются. План по электрификации будет основой для второй и ближайшей третьей пятилетки. Наш план — это план социалистического строительства. Мы подходим к выработке нашего плана, опираясь на гигантский опыт, который мы получили, на гигантски выросшие материальные ресурсы всей нашей страны. Будущий год должен дать рост продукции примерно на 50%, пятилетку заканчиваем в 4 года, с 1933 г. начинаем новую пятилетку. Надеемся по основным отраслям в течение ближайших 10 лет догнать и перегнать капиталистические страны, в том числе и Соед. Штаты, а в это время на Западе идет гигантское снижение кривой. В то время как мы имеем гигантское ускорение темпов, Запад представляет собой обратную картину: там вместо бешеного подъема кривой идет безудержное падение, переходящее в гниение на отдельных ступенях капиталистической лестницы.

Если сравнить декабрь 1930 г. с летом 1929 г., то в Германии мы имеем уменьшение всей продукции на 28%, а чугуна и стали—вдвое. В Англии за год выпуск продукции уменьшился на 19%, а чугуна и стали—на 49%. В Соединенных Штатах объем продукции и железнодорожных перевозок за 1½ года сократился на 32%, по стали—на 49%, по автопромышленности—на 55%. Сильно увеличивается безработица. Количество безработных доходит во всем мире до 30 млн. Падает зарплата. Достаточно вспомнить, что по данным органа христианских профсоюзов в Германии зарплата на 1 января 1931 г. снижена на 10%, на 1 февраля—уже на 15%. А по данным Профинтерна в Европе зарплата за год снизилась на 20—30%.

Естественно, что в этих условиях Европа начинает судорожно искать выхода из кризиса. Интересно, что за последнее время внимание к плановой системе СССР все больше и больше увеличивается среди капиталистических держав.

Оценка пятилетки совсем уже не та, какая была в начале 1929 г., когда бывший министр юстиции, социал-демократ Кох, говорил на собрании Общества мирового хозяйства: «Весь пятилетний план СССР является не чем иным, как блефом». Бенеш, чехо-словацкий министр, в 1930 г. в октябре говорил: «В 5 лет не может произойти чудес». Каутский в 1930 г. говорил: «С полной уверенностью можно сказать, что пятилетка потерпит, не может не потерпеть неудачи».

Интересна перемена фронта теперь. Кайо—один из крупнейших, пожалуй, наиболее твердых политиков Франции, пишет теперь уже совершенно иное: «Мы должны изолировать Россию, заставить ее руководителей сузить свою инициативу».

«Эпоха пятилетнего плана,—пишет буржуазный американский еженедельник „New Republic“—это «стальная эпоха».

Сэндей Таймс 8 февраля писал: «Несмотря на путаницу противоречивых данных, пятилетка повидимому выполняется со значительным успехом».

Наша плановая система произвела и производит на западноевропейские умы громадное впечатление. Они не понимают сущности нашей плановой системы, они не понимают, что плановая система может существовать только в социалистическом государстве, что план неизбежно вытекает из социалистического характера нашего производства. Они не понимают этого и желают найти выход из кризиса, пытаются применить нашу плановую систему у себя в Америке, в Европе, раздробленной на десятки государств, насквозь буржуазных.

Недавно венгерский премьер-министр Бетлен выступил с предложением выработать «пятилетку электрификации и индустриализации Венгрии». Премьер-министр Южной Австралии Хилл выработывает «пятилетку, которая должна возродить финансы и промышленность». В Голландии предполагается созыв конференции, на которой ставится доклад о плановом хозяйстве, причем докладчик не помечен. Очевидно ждут из СССР.

Интересны два проекта электрификации Европы. Первый проект инженера Оскара Оливена и второй проект—Шенгольцера. Немецкий проект предполагает кольцевание всех электростанций Европы. По этой схеме намечен основной европейский четырехугольник, соединяющий Париж, Лондон, Берлин и Вену, причем отроги этого плана, этих колец идут не только в странах капиталистических, но переходят и за нашу границу.

Оливен пишет: «Технические трудности можно уже считать преодоленными; чисто экономические вопросы европейской сети тоже разрешены; преодолеть остается препятствия субъективного характера. Имея большой опыт по части объединения систем электроснабжения хотя и в небольшом масштабе, мы знаем, как часто соображения чисто личного характера или политические, лишенные экономического обоснования, делают невозможным соединение, которое становится экономически целесообразным при повышении напряжения».

Тем не менее перед всеми народами Европы стоит задача упразднить все видимые и невидимые рубежи распределения электроэнергии, преодолев все трудности материального, политического и персонального характера»². Мы конечно понимаем их право «преодолевать все трудности материального, политического и персонального характера». Но мы уверены, что они не преодолеют этих трудностей до установления советского строя в Европе, так как целый ряд препятствий, вытекающих из капиталистического строя, делают невозможным создание планового капиталистического хозяйства, электрокольцевание Европы и т. д. Это предвидели лучшие умы человечества и в первую очередь Энгельс, который в своем письме к Бернштейну в 1883 г. писал по поводу открытия Дебре: «Шум об электротехнической революции у Фольмара, который в этом деле ничего не понимает, только реклама для изданной брошюры. В действительности однако дело это имеет чрезвычайно революционный характер. Паровая машина учит нас превращать теплоту в механическое движение, но пользование электричеством открывает нам путь превращения всех форм энергии, теплоты, механического движения, электричества, магнетизма, света одной в другую и обратно для промышленного пользования». Реализация открытия Дебре, «что электрические токи очень высокого напряжения с сравнительно слабой потерей силы могут передаваться по простой телеграфной проволоке на неслыханные до сих пор расстояния и быть применены в конечном пункте находящееся еще в зародыше, окончательно освобождает промышленность от всех местных границ, делает возможным употребление даже самых отдаленных водяных сил. И если даже вначале этим воспользуются только города, в конце концов оно должно стать самым могущественным рычагом для уничтожения антагонизма между городом и деревней. Но что вместе с этим производительные силы примут такие размеры, при которых они перерастут и руководство буржуазии, — совершенно очевидно»³.

Совершенно ясно, что сейчас должны появляться проекты мощных электроколец и кольцеваний всей Европы, но не менее ясно, что осуществление этих проектов целиком перерастает возможности современного буржуазного порядка и строя.

Кольцевание в таком масштабе возможно только в СССР. Наши задачи по кольцеванию СССР сейчас громадны. Разрешение задач, которые перед нами поставлены, облегчается тем, что мы в смысле знания своих природных ресурсов в настоящее время уже значительно продвинулись вперед. Мы имеем значительно изученную проблему урало-кузнецкую (проблему, от которой неизбежно в ближайшее время отпочкуются такие проблемы, как казахстанская, проблема Караганды и Коунрада), где мы будем иметь третью угольно-металлургическую и медную базу. Мы имеем такие районы, как Ангара, как Минусинский район, мы имеем целый ряд районов в европейской части СССР.

В области электрокольцевания мы пока наиболее слабы. План ГОЭЛРО в области кольцевания далеко не выполнен. Здесь перед нами стоят гигантские задачи.

По вопросу об электрификации транспорта Ленин в свое время писал в письме к Кржижановскому: «Красин говорит, что электрификация железных дорог невозможна, а может быть она будет возможна через 10—15 лет. Может быть уже на Урале возможна». Мы в области электрификации транспорта, кажется, ничего кроме Мытищенской линии пока не сделали. Такие основные направления, как направление Донбасс—Москва, проект которого уже разработан, электрификация Курской железной дороги — лежат пока втуне. Между тем Курской железной дороге с каждым годом все труднее и труднее справляться с растущей нагрузкой. Проблема электрификации транспорта на Урале, проблема сообщения Урала

² Доклад на II Всемирной энергетической конференции.

³ Письмо к Бернштейну в 1883 г.

с Кузбассом выпирают и требуют своего решения. Тут необходимо с большим напором вести работу.

Далее, в этой области — электрификации сельского хозяйства — почти ничего не сделано. Здесь необходимо добиться самых решительных сдвигов не только на деле, но еще и в головах целого ряда наших товарищей. Конечно мы знаем, что в основном, в определяющем трактор останется основной двигательной силой в сельском хозяйстве. Но кто доказал, что необходимо зачеркнуть вопрос электрификации сельского хозяйства? В этом отношении мы просто забыли или часто забываем то, о чем учил и говорил Владимир Ильич. Как он интересовался работой плугов Пфаулера, как он целый ряд товарищей ругал, добиваясь сдвига в этой области. Наряду с трактором, который остается в сельском хозяйстве основной силой, мы должны развертывать электрификацию сельского хозяйства во-всю, в первую очередь начиная с наших животноводческих совхозов, с одной стороны, а с другой стороны, работая над самими машинами, которые должны у нас работать на электричестве. Далеко не доказано, что рабочая часть наших с.-х. машин не подвергнется самым серьезным изменениям в связи с переходом на электричество.

Задачи, которые стоят перед нашими конференциями и совещаниями, носят двойкий характер: с одной стороны, мы должны проработать методологию составления генплана, мы должны в секциях проработать целый ряд конкретных тем, так необходимых для составления нашего генплана. С другой стороны, мы должны договориться до определенных количественных, экономических и технических установок в этих секциях для того, чтобы затем в порядке их работы иметь какие-то твердые придержки, из которых будем исходить.

Надо не забывать, что эта работа возлагает на нас громадную ответственность, ибо на основе нашей перспективы будут строиться и пятилетние отрезки плана других отраслей. В значительной мере от этого будут зависеть те планы, которые мы будем принимать на ближайшее время. Мы должны, используя опыт ГОЭЛРО, используя опыт таких учреждений, как Энергоцентр, НКПС, НКЗ, ВСНХ, подытожить, собрать его для того, чтобы дать продуманный план. Мы должны собрать все те научно-исследовательские институты и всех работников, любящих дело электрификации, чтобы осветить этот новый ответственный план, который мы разрабатываем с максимально возможной полнотой.

Вспомним, как Владимир Ильич интересовался вопросом выработки плана ГОЭЛРО, Владимир Ильич напряг все силы для того, чтобы этот план скорее увидел свет. Не даром он говорил, что коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны. Ничто не изменилось в этом отношении и в настоящее время. Поэтому необходимо приложить все силы для того, чтобы осуществить эту идею выработки нового генплана по электрификации. Это должен быть план реальный, связанный с жизнью, с миллионами, план должен дать богатую перспективу, должен вести вперед, давать возможность на его базе реконструировать все хозяйство нашей страны, дать возможность на деле осуществить лозунг Владимира Ильича, ЦК нашей партии и Сталина: «Догнать и перегнать передовые капиталистические страны».

Мы за эти годы сделали такие успехи, которые нам иной раз некогда даже подытоживать. Мы на-ходу, не замечая, обгоняем по производству чугуна Англию, для нас это становится повседневным бытовым явлением. Мы бешено идем вперед, не замечая тех гигантских достижений, которые у нас накапливаются. Новый генплан по электрификации, новая пятилетка являются боевым знаменем не только нашей страны, нашего пролетариата, нашей партии: это то боевое знамя, которое вселяет уверенность в души и сердца всех рабочих, которое отождествляет наши планы и строительство социализма со всей борьбой за коммунизм.

КРИТИКА НЕМАРКСИСТСКИХ РАБОТ О БУРЖУАЗНОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ (О КНИГАХ БЛЮМИНА, РУБИНА и др.).*

Доклад т. Пашкова

В порядке разделения труда с т. Пильмейстером в своем докладе я буду говорить о двухтомном труде Блюмина «Субъективная школа в политэкономии», т. Пильмейстер — о новой работе Блюмина, о «Социальном» направлении. По Блюмину основное отличие теории Маркса от теории австрийцев заключается в различном умении применять метод абстрактного анализа. Различие этих двух теорий «прежде всего вытекает из неодинакового представления о границах экономического исследования, о пределах абстрагирования. Можно ли остановить экономический анализ на изучении объективного механизма образования цен или же надо продолжать его и вступить в дальнейшую фазу, в область субъективных оценок? Лежат ли субъективные оценки по ту сторону экономического анализа, можно ли от них абстрагироваться или нет — вот основной вопрос, основной источник расхождения между психологической школой и трудовой теорией ценности»¹. «Основная ошибка Бем-Баверка состоит в том, что он совершенно неверно понимает пределы абстракции» (из предисл. Блюмина к переводу Бем-Баверка «Основы теории ценности», с. VII). Блюмин, как это видно, сам ничего не понял ни в теории Маркса, ни в теории «критикуемых» им буржуазных экономистов. Глубокую пропасть, принципиальную качественную разницу между революционной материалистической диалектикой Маркса и реакционной идеалистической метафизикой австрийцев Блюмин свел к количественному различию, к вопросу о том, как далеко идет та и другая школа по пути анализа. Все богатство, вся многогранность, вся суть материалистической диалектики Блюминым не понята, сведена к умению пользоваться методом анализа.

Как и Бухарин, Блюмин дает метафизическое противопоставление, разрыв в «формальной» и «материальной» методологии, представляет их как две «стороны». «Методология австрийской школы и Маркса с чисто формальной стороны, в общем и целом, одинакова. И здесь, и там мы видим наличие абстрактного и дедуктивного метода»². На самом деле абстрактный метод Маркса так же «похож» на одноименный метод австрийцев, как материалистическая диалектика Маркса «похожа» на идеалистическую метафизику австрийцев. Блюмин стоит на антимарксистской, механической позиции «равновесия», «статики» и «динамики». По этим вопросам фактически он полностью капитулировал перед Каутским. «Всякая теория, прежде всего, должна определить условия равновесия товарнокапиталистической системы. С другой стороны, всякая статическая теория дает ключ к построению экономической динамики»³. Вульгарнейшую концепцию «статики» и «динамики» Блюмин настойчиво приписывает Марксу, Маркса обраба-

* Краткое содержание дискуссии в Теоретической секции Института экономики Комкадемии, происходившей 21 и 27 января с. г.

¹ Блюмин, Субъективная школа, т. II, изд. 1928 г., с. 37.

² Там же, с. 37.

³ Там же, т. I, изд. 1-е, с. 194.

тывает под Кларка, утверждает, что у Маркса имеются и статическая и динамическая теории, рассуждает об условиях экономической статики с точки зрения К. Маркса, сопоставляет «марксистскую теорию статики с кларковской», и т. д.

Во втором издании первого тома «Субъективная школа» Блюмин «заново переработал» критику учения Кларка о «статике» и «динамике». Суть взглядов самого Блюмина остается однако без всяких изменений, и во втором издании Блюмин продолжает оставаться механистом. Для Блюмина «статическое состояние совпадает с устойчивым равновесием в данной экономической системе»⁴. Он отождествляет «точку зрения равновесия» с констатацией необходимости известной пропорциональности. Он не видит апологетического значения концепции равновесия, являющейся концепцией нормализации капиталистической системы. «Теория равновесия в своем абстрактном выражении не включает в себе никаких элементов апологетики»⁵. Более того — оказывается, что «анализ равновесия показывает, как капитализм разрешает присущие ему противоречия»⁶. Концепцию равновесия, «статики» и «динамики» Блюмин отождествляет с приемом изложения: переход от простого к более сложному.

В вопросе об объекте политической экономии Блюмин стоит на враждебной марксизму метафизической позиции Рубина. Политическая экономия, по Блюмину, «предполагает данный уровень производительных сил, данную форму производственных отношений, данные производственные отношения»⁷. Беспредельным, мертвым покоем, метафизической «статикой» веет от этого «марксистского» определения. Как и Рубин, Блюмин отрывает социальное от материального, выбирает материальное из политической экономии.

Для полноты характеристики добавим, что в вопросе об абстрактном труде Блюмин занимал в прошлой дискуссии механистическую позицию. Он сочувственно отнесся к вульгарной энергетической трактовке, высказывается лишь против крайностей энергетической теории Буха, которую в основном все же принимает: «Конечно, энергетическую теорию можно принять лишь с целым рядом поправок»⁸ (разр. моя — А. П.). «Труд, образующий стоимость, можно определить как общественно-измеренный физиологический труд товаропроизводителей»⁹.

Такова методология Блюмина — «критика» буржуазной политической экономии. Методология эта может быть определена как смесь механицизма и идеализма. На почве тесного союза этих антимарксистских методологий пышным цветом вырастает в работах Блюмина беспредельный формализм и схематизм.

Основным вопросом всей работы Блюмина о субъективной школе является вопрос о монополии и монопольной цене. Вывод его сводится к тому, что в теориях субъективной ценности «в большинстве случаев перед нами фигурируют теории монопольных цен». Взгляды самого Блюмина на сущность монополии и монопольной цены ни в коей мере не могут быть признаны марксистскими взглядами. «Фактически, в случае монопольных цен, закон ценности перестает действовать. Из реального закона, или, вернее, тенденции товарного производства, ценность превращается в абстрактную идею, которая может объяснить лишь перераспределение прибавочной ценности или прибыли»¹⁰ (разр. моя — А. П.).

⁴ Блюмин, Субъективная школа, т. I, изд. 2-е, с. 300.

⁵ „Очерки современной буржуазной теоретической экономии“, с. 339.

⁶ Там же.

⁷ Блюмин, Субъективная школа, т. II, с. 40.

⁸ Журнал „Проблемы экономики“, № 10—11, 1929 г. с. 141, ст. „К вопросу о труде, образующем стоимость.“

⁹ Там же, с. 151.

¹⁰ „В. К. А.“, кн. 20, с. 101, ст. о Курно.

Рыночные цены в условиях монополии подчиняются «другим законам», именно — закону спроса и предложения. «В признании регулирующей роли закона спроса и предложения заключается основная идея теории монопольных цен»¹¹.

В условиях монополии закон спроса и предложения превращается в основной закон, объясняющий высоту установившихся монопольных цен» (с. 101).

Эту вульгарнейшую «теорию» Блюмин заимствовал из арсенала буржуазной и социал-реформистской экономики. Толкование закона стоимости как «абстрактной идеи» товарнокапиталистического общества — не ново. «Марксист»-«критик» Блюмин присоединяется к последнему слову буржуазной «науки», которая в лице Касселя, Парето и т. д. и т. п. изгоняет стоимость, дает «теорию» цены без ценности. Вместе с буржуазными экономистами Блюмин провозглашает теорию цены без стоимости. Слишком легко разделяется он с основными положениями марксовой теории! Разве монополистический капитализм-империализм перестал быть капитализмом? Можно говорить о модификации действия закона стоимости в эпоху монополистического капитализма, но отнюдь не об отмене его. Вопреки прямому высказыванию Энгельса о том, что закон стоимости действовал в эпоху возникновения обмена (ст. «Закон ценности и норм прибыли»), Блюмин считает, что в эту эпоху действовал не закон стоимости, а закон цен, иными словами — закон спроса и предложения. Блюмин монополистический капитализм отождествляет с организованным капитализмом. Он обходит ленинский тезис о том, что «монополия, вырастая из свободной конкуренции, не устраняет ее, а существует над нею и рядом с нею».

Монополия понимается Блюминым в формальном ее определении. Монополия эпохи империализма подменяется логическим понятием монополии. Обмен продукта на продукт в эпоху возникновения обмена для Блюмина есть «двухсторонняя монополия», и эту «монополию» он отождествляет с монополией эпохи монополистического капитализма. Для него переход от «изолированного обмена» (натуральный обмен) к «двухсторонней конкуренции» есть переход от монополии к конкуренции. Монопольными для Блюмина являются и всякие товары, если их рассматривать за короткий период времени, так как в таком случае невозможно расширить производство, и поэтому товары на рынке должны рассматриваться как ограниченные количества. Блюмин усвоил от буржуазных экономистов их метафизическое, схоластическое понимание монополии. Естественная и искусственная, действительная монополия и «монополия» воображаемая, логически сконструированная, монополия эпохи империализма и «монополия» эпохи примитивного обмена — все это у Блюмина выступает как монополия вообще. Для Блюмина — монополия есть категория обращения, рынка.

Логизирование монополии, отождествление условий, принципов ценообразования в эпоху империализма и в эпоху примитивного обмена, такой формализм определения монополии представляет собою замазывание сущности современной стадии капитализма, своеобразную апологию его.

Данное Блюминым определение субъективизма в высшей степени формалистично и бессодержательно. Единственно существенным определением субъективной школы Блюмин считает наличие теории спроса и предложения, т. е. в понимании самого Блюмина монопольной цены. Психологизм, натурализм, примат потребления, полезность, самую категорию предельной полезности Блюмин объявляет несущественным, чем-то второстепенным, придатком к субъективизму, украшением последнего. Стремление «критика» уложить всех экономистов в рамки одной и той же искусственно сконструированной им «субъективной» школы, в пределах которой отдельные экономисты различаются лишь количественно, заставляет его усиленно подчеркивать, вытягивать моменты тождества отдельных экономистов, преуменьшать, сглаживать различие. Принципиаль-

¹¹ Там же, с. 97.

ный, качественный анализ теорий буржуазных экономистов Блюмин заменяет формальным анализом, формальным моментом и придает преувеличенное, принципиальное значение, а действительно характерные для теории моменты объявляет «придатком», «орнаментом» и т. д. Все экономисты причесаны общей гребенкой. Правда от них остаются при этом одни лишь схемы и формы. Отдельные экономисты и школы обрабатываются Блюминым в угоду надуманной схемы до неузнаваемости. Так напр. австрийцы обработаны под Касселя и Парето, под англо-американцев, они основательно «математизированы» и «англо-американизированы».

«Экономический субъективизм является идеологией буржуазии в эпоху монополистического капитализма»¹². Сущность субъективной школы Блюмин видит в том, что это есть теория монополярной цены. Для эпохи монополистического капитализма Блюмин считает научной, правильной такую теорию, которая исходила бы из признания в качестве основного — закона спроса-предложения. Для эпохи монополистического капитализма Блюмин вслед за буржуазными экономистами изгоняет стоимость. Блюмин «критикует» следовательно буржуазных экономистов, их метод, их теория монополярной цены, находясь сам на методологических позициях буржуазной «науки», признавая в основном правильными, научными эти позиции. Получается, что, давая теорию цены без стоимости, теорию цены, в основе которой лежит признание закона спроса и предложения, современная буржуазная теоретическая экономия в основном есть научная экономия. Блюмин под современную вульгарнейшую экономию подводит научный фундамент, выдает ее за научную теорию.

Маркс писал, что с развитием классовой борьбы «пробил смертный час» буржуазной экономии как научной экономии. Буржуазная экономия превращается в «творение наемных писак». Основная цель этой «науки» — апология капитала, замазывание его противоречий. Она может дать описание процессов, происходящих на поверхности экономических явлений, систематизацию поверхностных представлений капиталистов.

Данная Марксом характеристика вульгарной политической экономии еще в большей степени применима к современной буржуазной экономии.

Сотни лет различные буржуазные экономисты танцуют от принципа редкости, объявляя его фактором, определяющим стоимость товаров, противопоставляя этот фактор действительному фактору — труду. Современная буржуазная экономия в своих «новейших» «научных» открытиях продолжает широко пользоваться этим заезженным «основанием» стоимости.

А Блюмин распространенность этого принципа вульгарной экономии среди буржуазных экономистов рассматривает как признак того, что современные буржуазные экономисты проникли в сущность экономических явлений своей эпохи, дают теорию цены искусственно редких, т. е. монополярных, товаров. В эпоху монополистического капитализма общим явлением становятся монополярные, т. е. искусственно редкие, товары. Поэтому субъективисты и кладут принцип редкости в основу теории ценности и цен. Это абсолютно неверное рассуждение Блюмина увязано с его формалистическим пониманием монополии, его антимарксистским пониманием сущности монополярной цены.

Выходит, что классики и Маркс дали теорию экономики своего периода — капитализма эпохи свободной конкуренции, теорию свободно воспроизводимых товаров, а современная буржуазная экономия дает научную теорию экономики своего времени, теорию монополярной цены, научно отображает экономику своей эпохи. Такая постановка есть не что иное, как полная апология современной вульгарной экономии «марксистским» ее «критиком» Блюминым. Никакой разницы между классической школой и «субъективной» в этом отношении Блюмин не видит. Рикардо он ставит рядом с современной буржуазной экономией.

¹² „Субъективная школа“, т. I, изд. 2-е, с. 78.

Изменилась лишь экономика. Оказывается, что например производством «субъективисты» пренебрегают не вследствие метафизичности и апологетичности своей «науки», а потому, что в эпоху монополистического капитализма производство не существенно для образования цен. «Данные технические условия производства не играют решающей роли для объяснения монопольных цен...» «Указанной особенностью монополистического производства можно объяснить то обстоятельство, что представители субъективной школы отводят лишь скромное и незначительное место производству и издержкам производства»¹³. Субъективисты следовательно научно отображают эпоху монополистического капитализма. Действительного смысла, действительного назначения современной буржуазной экономики Блюмин не понимает. Он видит, вернее констатирует апологетический смысл буржуазной экономики там, где его мог бы заметить любой наш пионер,— в теории распределения и не понимает вульгарного апологетического характера современной буржуазной экономики в целом. «Монополистическая» версия социально-экономических корней «субъективной» школы, развитая Блюминым в его работе (и заимствованная им у буржуазного экономиста Макферлена), пропагандируется у нас и т. Атласом. Атлас этой версии придал еще более заостренную формулировку, в нелепых схемах конного рыжка у Менгера Атлас видит не что иное, как откровение великой мудрости — научное обоснование экономической политики монополиста. Вздорность, крайняя искусственность «доказательств» Атласа показаны были в моей статье о корнях австрийской школы. («Пробл. экон.», № 9 за 1929 г.). Необходимо подчеркнуть здесь апологетический смысл этой версии Блюмин — Атласа. Внешне она импонирует с первого взгляда своей действенностью; по существу версия эта есть не что иное как попытка оправдания современной буржуазной экономики, попытка представить ее как научную экономию, объективно отображающую действительность своего времени.

Версия Бухарина — Марецкого, объясняющая специфические черты теории австрийцев особенностями психологии рантье, не может быть признана правильной; она, версия, рассматривает политическую экономию как какой-либо роман, в котором находят свое отражение «быт и нравы» такого-то класса или группы общества. Версия эта не учитывает практического значения политической экономики для буржуазии, действительного значения. Версия Блюмина — Атласа наоборот исключительно действительна. Однако она не учитывает того решающего значения, какое на характер буржуазной теоретической экономики оказало развитие классовой борьбы. К современной буржуазной экономике версия эта подходит с той же меркой, с какой можно и нужно подходить к классической школе.

При решении вопроса о социально-экономической характеристике современной буржуазной экономики руководящей для нас должна быть данная Марксом характеристика вульгарной политической экономики.

Вульгарные пошлости, небывалые извращения действительности апологетической буржуазной мыслью Блюмин называет не иначе как о ш и б к а м и. В эпоху, когда «бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой угодливой апологетикой» (Маркс). Говорить об «ошибках» Бем-Баверка, Штольцмана и прочих матерых апологетов капитализма, смертельных врагов марксизма, можно с таким же «основанием», с каким можно говорить об «ошибках» папы римского или Пуанкаре-война — смертельных врагов революции и коммунизма. А Блюмин «вмешает» все извращения апологетической буржуазной мысли всего лишь логике экономистов.

У Блюмина не отдельные ошибки, а целая система механизма и идеализма. Книги его — вредные антимарксистские книги. Под покровом крайней ней-

¹³ „Субъективная школа“, т. I, изд. 2-е, с. 86.

трагичности, изумительного бесстрастия автор дает вульгарщину, апологию буржуазной экономики, дает извращение марксизма. Этому нужно положить предел.

Доклад т. Пильмейстера

Нет ни одного экономического произведения Маркса, в котором он не бичевал бы и не разоблачал бы вульгарную политическую экономию. Наиболее полное и исчерпывающее объяснение сущности вульгарной экономики Маркс дает в послесловии к первому тому «Капитала», во второй части III тома «Капитала» и в третьем томе «Теории прибавочной стоимости».

Современная неовульгарная экономика непосредственно примыкает к той «форме» вульгарной экономики, которую Маркс назвал «последней формой» — могилой буржуазной экономической науки.

Она примыкает к ней как в смысле полной ликвидации экономической науки и замены ее суррогатами психики, целей, превратными формами экономических явлений и т. д., так и в смысле подчинения экономики апологетике господствующей формы капитала.

И если для каждого марксиста является истинным, что чем дальше идет развитие капитализма, тем все более развивается классовая борьба между буржуазией и пролетариатом, тем острее проявляется необходимость для буржуазии защищаться против пролетариата силами полицейских, церкви и науки, и тем все яростнее становится борьба буржуазии против пролетариата и крикливей сознательная апологетика капитала, то этого не понимают, как это в дальнейшем будет показано, некоторые «критики» современной буржуазной экономики и в том числе Блюмин.

В оценке неовульгарной экономики Блюмин ревизует марксизм в основном в трех направлениях, то и дело отступает от Маркса, то и дело выступает против него.

Первое. Блюмин ревизует критическое учение Маркса о классиках, смешивая классическую и вульгарную экономию¹.

Второе. Он ревизует марксизм в оценке вульгарной экономики, являющейся ненаучной, занимающейся только апологетикой капитала в различных «формах», определяемых ходом исторического развития капитализма и классовой борьбы: например его учение «о монополярной цене субъективной школы».

Наш «критик» признает, что «теория цены» австрийцев, англо-американцев и т. д. является теорией монополярной цены, отражающей своеобразие эпохи монополистического капитализма, объясняющей ценообразование в условиях этой эпохи. Следовательно, по мнению Блюмина, их «теория» не «мертва» (Ленин), не «извращенная форма, в которой выражается действительное извращение» (Маркс) современного капитализма, а объясняет современный капитализм. И поэтому немудрено, что он сам переходит на их позиции в объяснении цены теорией спроса и предложения.

То же самое с нашим «критиком» повторяется по отношению к «социальному» направлению, которое он вместе с Рубиным противопоставляет вульгарной экономике, о чем мы будем говорить ниже.

Третье. Он смешивает марксизм с вульгарной экономией. Такова его «концепция» о «социальном» направлении современной буржуазной экономики. В критике «социального» направления неовульгарной экономики Блюмин целиком во власти рубиновской концепции, подменяющей марксизм вульгарной экономией. Подобно тому, как Рубин отождествляет марксизм с неовульгарной экономией, утверждает, что «попытка Штольца перестроить экономическую теорию в точности совпадает с позицией, которую занял Маркс в своей блестящей и глубокой критике «триединой формулы вульгарной эко-

¹ Блюмин, Очерки современной буржуазной экономики, с. 87.

номии»², Блюмин объясняет, что основным мотивом для «социальников» (Штольцман, Диль, Аммон, Шпанн и др.) являются методологические исходные пункты марксовой политической экономии.

Сущность «социального метода» современной неовульгарной экономики Блюмин сводит к следующим положениям:

- а) теоретическая экономия (для всех «социальников») есть социальная наука;
- б) категории теоретической экономии есть социально-исторические категории;
- в) это связано с данным обществом и обусловлено им;
- г) поэтому исходным пунктом экономического анализа является социальная структура данного общества, социальная природа данных экономических категорий³.

Блюмин специально подчеркивает, что у «социальников» речь идет не о мнимом «социальном», «историческом» и т. д., а о действительном реальном понимании социального и исторического характера экономических категорий. Он на той же (12) странице заявляет, что руководящим мотивом для «социологического» метода Штольцмана, Дили и т. д. является то знаменитое место из «Введения к критике политической экономии», где Маркс говорит, что при теоретическом методе в политической экономии общество постоянно должно витать в нашем представлении как предпосылка. В другом месте он подчеркивает наличие стыка между Аммоном и теорией товарного фетишизма у Маркса и т. д., и т. п.

Но совсем иначе, чем Блюмин это изображает, размышляют различные современные представители неовульгарной экономики, выступающие под именем «социального» направления.

Так как по Блюмину Штольцман является наиболее последовательным и глубоким представителем социального направления⁴, и так как он не только придерживается всех четырех особенностей блюминской характеристики «социального» метода, но и по целому ряду пунктов «примакает» к марксизму, то предоставим ему слово по всем интересующим нас пунктам. Приведем ряд мест из различных его произведений для более полного выяснения характера апоптогизма капитала под «формой» «социальных» концепций.

Первым вопросом, интересующим нас, является вопрос о том, что сами творцы «социального направления», а не их эпигоны (Рубин, Блюмин и др.) понимают под «социальным».

Штольцман пишет: ... «народное хозяйство представляет собою этическое „Zweckgebilde“... «общество есть часть большого царства целей»...⁵. ... «Социальные категории имеют дело с понятиями целей»...⁷.

Таких цитат можно было бы привести бесконечное множество. Следовательно Штольцман под социальным понимает не совокупность производственных отношений, отражающих и объясняющих реальное историческое развитие капитализма, а этическое „Zweckgebilde“.

Такова первая характеристика Штольцманом «социального».

Далее Штольцман пишет, что все категории являются только «категориями сознания, только Denkmittel»⁸. Он пишет в этом же произведении, что «категории не «меняются» и, как таковые, неизменны и вечны»⁹.

Он с особой почитательностью относится к метафизике и объявляет ее «царицей в области философии. Ее трон стоит возвышенно над познанием и этикой...»¹⁰.

² Рубин, Современные экономисты на Западе, с. 93.

³ Очерки, с. 12.

⁴ Там же, с. 26.

⁵ „Der Zweck“, S. 139.

⁶ „Grundzüge einer Philosophie“, S. 139.

⁷ „Theoretische Grundfragen“, S. 4—5.

⁸ „Die Krisis in der heutigen Nationalökonomie“, S. 73.

⁹ Ibid., S. 68.

¹⁰ „Grundzüge einer Philosophie“, S. 27.

Следовательно его категории являются категориями идеалистическими, метафизическими. Ни о каком реальном социальном содержании, выражающем совокупность производственных отношений капиталистического способа производства, у Штольцмана, как и у других «социальников», речи быть не может. Аммон буквально заявляет следующее: «не реальные связи «вещей», а мыслимые связи проблем конституируют науку»¹¹. (Подчеркнуто нами.— И. П.) Шпанн обществом называет «простое сожительство единичного его накопления, суммы агрегата, конгломерата, или как хотите это называйте»¹². А этим конгломератом, агрегатом являются идеи, религия и т. д.

Покончив с пониманием «социального» у Штольцмана и у других представителей «социального направления», перейдем к характеристике их «историзма».

Штольцман заявляет: «Природа и общество, бытие вообще и его развитие не делают скачков»¹³. На с. 670 он заявляет, что частная собственность, маскируемая им под видом индивидуальных интересов, вечна, что «ее уничтожение было бы преступлением против природы и общества». По Штольцману конкуренция тоже вечна. Она является законом не только общества, но и природы (*Wie Gesetz des ganzen Kosmos*)¹⁴.

Капитал он определяет как понятие о силе (*Machtbegriff*), как «магнит». Штольцман эксплуатацию объявляет вечной категорией. Он пишет, что эксплуатация будет и при социализме и что в условиях буржуазного общества рабочие эксплуатируют другие классы через посредство «своих средств производства и через авторитет права и хозяйственного порядка»¹⁵.

Частная собственность, эксплуатация, конкуренция — цитадели капитала — объявляются вечными категориями. Сам капитал изображается как чудотворная сила, которая не знает никаких границ расширения, а прибыль капиталистов «вменяется» капиталу (согласно теории вменения, которую разделяет в той или другой форме вся неовульгарная экономия.)

И эту неприкрытую апологетику капитала и неизбежности буржуазного строя наш «критик», не знаю по какому праву именующий себя марксистом, называет «историзмом».

Аммон, Диль, Шпанн и др. представители «социального» направления в различных формах, (давно уже известных и разоблаченных) защищают неизбежность буржуазного способа производства.

Аммон в своих «Grundzüge» повторяет старые песни вульгарной экономии, определяет капитал как средства производства, которые в отличие от труда и земли могут быть произведены. Диль дифференциальную земельную ренту объявляет вечной категорией, а теорию ценности выводит по существу из потребительной ценности плюс «критерий» субъективности, позаимствованный им у австрийцев, и т. д. Так обстоит дело с «историзмом» у других представителей «социального» направления неовульгарной политической экономии.

Исключительно вредная и бессмысленная путаница Блюмина объясняется его абсолютным непониманием марксизма. Вот один из примеров этой путаницы. «Представители социально-правового направления не могли заимствовать у Маркса его идею о неизбежности перехода одной формации в другую, но они позаимствовали у Маркса «идею историчности экономических категорий»¹⁶.

Теперь разгадайте, где тут логика! Отрицание «идеи» перехода от одной экономической формации к другой и признание «идеи» историчности эконо-

¹¹ „Objekt und Grundbegriffe“.

¹² „Gesellschaftslehre“, S. 62.

¹³ „Der Zweck“, S. 80.

¹⁴ „Grundzüge einer Philosophie“, S. 139.

¹⁵ Ibid, S. 82—83.

¹⁶ „Очерки“, с. 236.

мических категорий по Марксу. Перепутал наш критик историзм Маркса с «историзмом» Рошера, у которого «социальники» действительно заимствовали свои «идеи» «историзма».

И Рубин, и Блюмин подчеркивают, что Штольцман в отличие от всей буржуазной экономики, занимается анализом качественных особенностей экономических явлений¹⁷.

При этом Блюмин приписывает Штольцману, что он понимает под качеством социальную роль экономических категорий, связанную с формой хозяйственного процесса, т. е. определенную форму производственных отношений, а Штольцман пишет: «Качество, как я понимаю, социальное качество основано в понятии цели»¹⁸. Телеологию Штольцмана Блюмин ничтоже сумняшеся называет качественным анализом экономических явлений.

Таковы плоды «критики» нашего автора не только в этом вопросе. Он приписывает Штольцману, — полностью разделяющему кантовскую философию «чистого разума», кантовское учение об априорном знании — понимание практически истинной абстракции!?

Обильно Блюмин расточает свою антимарксистскую критику п вредную путаницу в своем «Критическом очерке» о Шпанне. Шпанн — фашист. Идейные истоки его «теории» уходят в глубь веков реакции, они тянутся к средневековым схоластам, к мертвой реакции средневековья и феодализма.

Шпанн с пеной у рта защищает современный капиталистический способ производства. Его «теория универсализма» есть своеобразная теория «организованного» капитализма, при исключительной организующей роли «капитала высшего порядка» — государства. Реакционная романтика А. Мюллера модифицируется в «новую теорию» «универсализма», где государство право и полиция объявляются капиталом высшего порядка. Укрепление диктатуры буржуазии преподносится в форме нового учения о божественной целостности и гармонии капиталистического общества¹⁹. А Блюмин находит у Шпанна «некоторые точки соприкосновения с диалектикой»²⁰. Но с «диалектикой» без противоречий!?

Не поняв абсолютно природы «универсализма» Шпанна, ибо он не дает ни характеристики социальных корней этой концепции, ни марксистской критики его концепции в ее своеобразном выражении апологетики капитала, Блюмин находит, что Шпанн критикует «механистическое представление о причинности», и он объясняет его своеобразной диалектикой.

Путаница безраздельно господствует над всеми вопросами, которыми занимался Блюмин. Блюмин, запутавшись, попал в плен буржуазной экономики в ее новейших «формах», и он сам объясняет это явление тем, что он работал над проблемами, которые не освещены были в марксистской политической экономике у Маркса, Энгельса, Ленина.

А как обстоит дело у Блюмина с критикой тех экономистов, которые подвергались критическому разбору у Маркса, Энгельса, Ленина? Возьмем Родбертуса. Как Блюмин его критикует? В противоположность той оценке учения Родбертуса, которая дана Марксом и Энгельсом, Блюмин во многих вопросах присоединяется к оценке Родбертуса к Е. Бем-Баверку против Маркса. Он провозглашает вместе с Бемом «последовательной — теорию трудовой стоимости» Родбертуса. Он приписывает Родбертусу открытие закона цены производства, что раскрыто и объяснено только Марксом. Он приписывает Родбертусу стройную теорию эксплуатации и открытие всеобщей формы прибавочной стоимости — то, что опять-таки раскрыл и объяснил Маркс.

¹⁷ Рубин, цит. соч., с. 109, Блюмин, цит. соч., с. 162.

¹⁸ „Theoretische Grundfragen“.

¹⁹ „Kategorienlehre“.

²⁰ „Очерки“, с. 262.

Как назвать такой прием, когда открыто ревизуется оценка Родбертуса Марксом и Энгельсом, когда Маркс подменяется Родбертусом и Родбертусу приписывается все то, что в действительности является содержанием марксистской политической экономии? Мы имеем здесь дело не только с невежеством в области марксизма и путаницей в исторических фактах, но с прямой и вредной апологией буржуазной экономии.

Чтобы покончить с характеристикой бесхребетности и с абсолютной критической беспомощностью Блюмина, необходимо остановиться на следующем вопросе: как «социальники» борются против марксизма и как Блюмин защищает Маркса в борьбе против «социальников».

Вот что пишет Штольцман о Марксе, характеризуя логическое содержание экономической теории Маркса. «Такая логика была бы несокрушима, если бы была верна ее основа — теория трудовой стоимости»²¹.

Штольцман присоединяется к Бему и заявляет, «что опубликование III тома «Капитала» являлось самоубийством. С тех пор теория стоимости Маркса вряд ли представляет какой-либо интерес кроме патологического. Оставим поэтому мертвых в покое»²².

В своих „Grundzüge einer Philosophie“ он яростно нападает на материалистическое понимание истории. Он противопоставляет молодого Энгельса старому Энгельсу (целиком опередил социал-фашистов, которые то и делают, что повторяют зады буржуазной экономии и философии в ее современной реакционной форме), Маркса-экономиста — Марксу-философу.

Как экономист Маркс борется с фетишизмом, как философ Маркс — фетишист. „Als Philosoph huldigt er diesem Fetischismus“ А Энгельс... «заковывает человечество в кандалы, он грабит его собственное и святое»... и все это потому, что Энгельс — материалист-диалектик и добивается освобождения угнетенных классов²³. Шпанн также объявляет исторический материализм давно уже известной ошибочной теорией²⁴. Бешеная борьба и звериная ненависть современной вульгарной экономики против диалектического материализма объясняется смертельным страхом господствующих классов перед революционной теорией, рассматривающей капитализм как переходящую историческую ступень, и не только предсказывающей гибель капитализма, но и выступающей мощным фактором вооружения могильщиков капитализма.

А как Блюмин понимает борьбу «социальников» против марксизма? Как он борется против Штольцмана, в защиту Маркса? Вот что пишет Блюмин по поводу Штольцмана против Маркса:

«Штольцман пытался дать критику Маркса. Эта критика должна быть признана неудачной». Вот вам и вся «критика»! А дальше, наш «критик» просто капитулирует перед Штольцманом. Вот что он пишет: «Но необходимо отметить, что некоторые аргументы Штольцмана могут быть использованы в борьбе с чисто натуралистическим, с чисто физиологическим истолкованием Маркса». Что это значит? Штольцман уже выступает в роли защитника марксизма? И дальше, вместо борьбы на «два фронта» с контрреволюционным рубинизмом — штольцманианством и механицизмом — Блюмин рекомендует Штольцмана как экономиста с оригинальными, интересными мыслями по вопросам марксистской политической экономии. «Как ни ошибочна критика Штольцманом Маркса, в этой критике встречаются некоторые интересные мысли, которые были развиты в современной дискуссии о теории ценности Маркса»²⁵.

²¹ „Der Zweck“.

²² Ibid.,

²³ „Grundzüge einer Philosophie“, S. 60—61.

²⁴ „Fundament“, S. 39.

²⁵ „Очерки“, с. 160.

Необходимо подчеркнуть еще одну черточку в апологетике Блюминым буржуазной экономии. Это его «система» цитирования. В этой «системе» ряд своих особенностей. Он цитирует обычно те места, которые «импонируют» марксизму, и обрывает цитату там, где ослиные уши вульгарной экономии может обнаружить любой наш рабфаковец. (Например: цитата из Die Krisis in der heutige Nationalökonomie по поводу статистики. Блюмин обрывает эту цитату там, где у Штольца речь идет о подчиненности движения телеологии). Далее подбор цитат и их интерпретирование носят на себе явную печать симпатии Блюмина к вульгарной экономии. И наконец автор наш совершенно обошел молчанием, кроме вышеприведенных замечаний, борьбу неовульгарной экономии с марксизмом. Прежде чем подвести итог книги Блюмина о «социальном направлении», необходимо сделать ряд беглых замечаний и о его книгах, посвященных так называемой «субъективной школе».

Для нас, марксистов, при критическом разборе неовульгарной экономии важна не только методологическая критика несостоятельности тех или других ее утверждений, но и объяснение классовой природы различных «форм» вульгарной экономии и выяснение особенности каждой «формы» в связи с условиями развития классовой борьбы и всей совокупности противоречий капитализма, как они конкретно складываются в данной эпохе в той или в другой капиталистической стране (САСШ, Германия, Италия, и др.). Утверждения Блюмина, что субъективная школа выражает идеологию монополистического капитализма, несостоятельны ни исторически, ни экономически. Исторически эти утверждения неверны потому, что возникновение и развитие субъективной школы относится к третьей и последней четверти XIX столетия, а эпохой монополистического капитализма является XX век. Во-вторых, еще потому, что субъективная школа в ее наиболее «хваленном» австрийском варианте потерпела крушение и именно в эпоху монополистического капитализма. Экономически она несостоятельна потому, что Блюмин их теорию «организованного» капитализма, покоящуюся на метафизической теории фиксированного запаса благ, статичности, изолированного покоя, воспринял не больше и ни меньше как объяснение «субъективной школой» эпохи монополистического капитализма.

Вернемся к книге, посвященной «социальному» направлению. Вредность этой книги определяется следующими моментами:

- а) Блюмин подменяет марксизм вульгарной экономией;
- б) эта книга (книга о «социальном» направлении) занимается апологетикой вульгарной экономии;
- г) автор разбавляет марксизм вульгарной экономией;
- д) Блюмин совершенно не раскрывает, а смазывает наличие полной идейной связи между социальным направлением и социал-фашизмом (Рубин).

Блюмин целиком продолжает дело Рубина в «критике» вульгарной экономии. И это пишется после того, как т. Сталин заявил о необходимости ликвидировать идейный хлам рубинщины. И эти книги издаются Комакадемией!

Тов. Першман

В повестке о нашем заседании было сказано, что темой этого заседания является «Критика немарксистской критики буржуазной экономии», причем в скобках отмечено: «Блюмин, Рубин и др.». Я раньше всего хотел бы поставить вопрос таким образом: не вкралась ли известная неточность в это объявление? На самом деле, можно ли Рубина отнести к числу немарксистских критиков буржуазной экономии? Мне кажется, что такая оценка неправильна. Рубин не просто немарксистский критик буржуазной экономии. Рубин — типичный буржуазный экономист, типичный представитель социального направления в политической экономии. Мне кажется, что в наших условиях нельзя полностью

отождествлять немарксистскую критику буржуазной экономики с буржуазной политической экономией. Несомненно ошибкой Комакадемии является то, что без соответствующего руководства, без редакции, без серьезнейших коррективов издана работа т. Блюмина, содержащая немарксистскую критику буржуазной экономики, но если бы Комакадемия издавала Рубина, тогда она не была бы Коммунистической академией. Даже в тех работах, где Рубин пытается критиковать современную буржуазную политическую экономию, он целиком и полностью несомненно стоит на позициях этой самой буржуазной политической экономии. Сошлюсь лишь на несколько фактов, которые характеризуют это положение.

В своих «Очерках о буржуазных экономистах на Западе» Рубин например, «критикуя» Штольцмана, защищает теорию прямой зависимости «доходов», в том числе и заработной платы, от производительности труда.¹ Это основное положение социальной теории распределения, разделяемое Рубиным, представляет собою не что иное, как теорию гармонии интересов буржуазного общества. Говорить о том, что заработная плата и прибыль находятся в прямой зависимости от производительности труда, — это значит ставить вопрос о том, что и рабочий класс, и буржуазия в одинаковой степени заинтересованы в поднятии производительности труда. Эта теория несомненно представляет собой идеологию современной капиталистической рационализации. Нет никакого сомнения, что эта теория ничего общего не имеет с марксизмом. Маркс неоднократно подчеркивает, что заработная плата находится в обратной зависимости от производительности труда,² ибо производительная сила труда в капиталистическом обществе представляет собою не что иное, как производительную силу капитала, ибо рост производительности труда там целиком и полностью соответствует интересам капитала. Непрерывно углубляя классовые противоречия, этот рост почти ничего не дает рабочему классу.

«Критикуя» Штольцмана, Рубин в основном вопросе, который является предметом дискуссии современной политической экономии, в вопросе о том, что же регулирует заработную плату — сила или экономический закон (в немецкой печати по этому основному дискуссионному вопросу можно встретить целый ряд статей), экономический ли закон, закон ценности регулирует производственные отношения между классом буржуазии и классом пролетариата или же сила, — Рубин в этом вопросе становится на точку зрения Штольцмана, т. е. на точку зрения силы³, на точку зрения ревизии закона стоимости рабочей силы как регулятора производственных отношений.

Почему необходим представителям буржуазной политической экономии этот отрыв теории заработной платы от основных экономических законов капитализма? Почему им необходимо противопоставить марксовой теории стоимости рабочей силы как регулятора заработной платы свою «социальную» теорию заработной платы? Во-первых, для того чтобы, оторвав отношения распределения от отношений производства, смазать этим самым сущность капиталистической эксплуатации, во-вторых, это необходимо им для того, чтобы внушить рабочим, что и в рамках капитализма возможно непрерывное улучшение материального положения рабочего класса. Под громкими фразами о роли экономической классовой борьбы в деле повышения заработной платы фактически преподносится реставрированная теория Джемса Милля о зависимости уровня заработной платы исключительно от «торга» между рабочими и капиталистами, причем по представлению буржуазно-меньшевистских апологетов капитализма этот торг осуществляется соглашательской работой желтых профсоюзов. Теория зависимости заработной платы от классового соотношения сил и декламация насчет классовой борьбы необходимы буржуазии, а вкупе с нею и современной социал-демо-

¹ И. Рубин, Современные экономисты на Западе, с. 144.

² Маркс, Теория, II—I, с. 96.

³ И. Рубин, Современные экономисты на Западе, с. 138.

кратии для того, чтобы отвлечь внимание рабочего класса от действительных задач классовой борьбы, как борьбы за свержение капиталистического строя. Нужно ли доказывать, что эта теория о «классовой борьбе» как единственном регуляторе заработной платы, составляющая наряду с теорией производительности труда второй важной стержень социальной теории распределения и полностью разделяемая Рубиным, глубоко враждебна марксизму?

«Критикуя» Аммона, Рубин считает его методологический анализ, который является целиком и полностью кантианским анализом, «образцовым по своей ясности и методологической правильности»⁴.

«Критикуя» Петри и Лифмана, Рубин защищает точку зрения цены и доходов как регуляторов заработной платы: он считает что цена и доход — основные регуляторы заработной платы в капиталистическом обществе. Эта теория цен и доходов опять-таки конечно ничего общего с марксизмом не имеет. Марксизм исходит из единого регулятора всего капиталистического общества — из закона стоимости. Рубин же вместе с Лифманом, вместе с целым рядом других буржуазных экономистов выдвигает в противовес учению Маркса теорию двух регуляторов: закон стоимости как регулятор производства товаров и социальное соотношение сил как регулятор распределения доходов⁵.

Эта теория свидетельствует, во-первых, о разрыве между формой и содержанием капиталистической эксплуатации, во-вторых, она означает полную ревизию закона стоимости и стоимости рабочей силы. В-третьих, она представляет лишь перефразировку теории Туган-Барановского о регуляторах распределения в капиталистическом хозяйстве. Теория цен и доходов, в более развернутом виде изложенная в последней работе Рубина⁶, нуждается понятно еще в обстоятельной критике. Но уже из сказанного ясно, что Рубин является типичным представителем социальной теории распределения, который подделывается под Маркса, чтобы подделывать Маркса под себя.

Еще очень любопытный штришок который характеризует социальную сущность Рубина. Рубин критикует Рикардо. У него в «Классиках политической экономии» имеется специальная статья, посвященная теории заработной платы Рикардо. В чем же он видит основной грех Рикардо? Оказывается, в том, что Рикардо пессимистически смотрел на положение рабочего класса в капиталистическом обществе. Это же положение Рубин повторяет и в предисловии к книге Розенберга «Рикардо и Маркс». Но ведь это критика Рикардо с точки зрения буржуа, а не с точки зрения марксиста! Маркс тоже критиковал теорию заработной платы Рикардо, но как он критиковал? Он критиковал его естественный закон народонаселения, он критиковал Рикардо за отождествление рабочей силы с трудом, но Маркс не мог критиковать Рикардо за его «пессимизм», потому что сам Маркс считал, что положение рабочего класса с развитием капитализма ухудшается. Это есть основное положение марксизма. Ясно, что в пессимизме могут обвинять Рикардо лишь те, которые считают, что положение рабочего класса с развитием капитализма все более и более улучшается. Об этом прямо и говорит Рубин в своей критике Рикардо.

Само собой понятно, что с Рубиным в этом вопросе согласен Бернштейн, согласна современная социал-демократия и, нужно сказать, согласна вся буржуазная экономия. Любопытно например, что Шмоллер критикует Маркса с этой же точки зрения⁷. Он же считает, что теория развития капитализма у Маркса чрезвычайно пессимистична, и тут же дает объяснение «пессимизма» Маркса. Оказывается, что этот пессимизм, нашедший отражение в «Капитале», объясняется тем.

⁴ И. Рубин, Современные экономисты на Западе, с. 175.

⁵ Цит. соч., с. 219—273.

⁶ М. Рубин, Учение Маркса о производстве и потреблении „Архив М. и Э.“ № 5.

⁷ Sch moller, Geschichte der Lohntheorien. B. I Jg. 38., 3 Heft., S. 17.

что Марксу очень плохо жилось материально, когда он писал «Капитал», и что он подвергался преследованиям со стороны капиталистического общества.

Как бы то ни было, факт остается фактом. Рубин—типичный буржуазный ученый, искусно расцветивающий свою теорию тканью марксистской фразеологии и преподносящий ее, если можно так выразиться, применительно к советским условиям. Задача заключается в том следовательно, чтобы по-марксистски критиковать и этого буржуазного ученого так же, как мы критикуем других буржуазных представителей современной экономики.

Нужно сказать, что уже сейчас наблюдается опасность немарксистской критики, наряду с другими представителями социального направления, немарксистской критики и Рубина. Я сошлюсь в частности на выступление Стэна на философской дискуссии. В чем Стэн увидел наконец после долгих блужданий основную ошибку, основной грех Рубина?— В отрыве логического от исторического. Я сошлюсь далее на статью Деборина в журнале «Под знаменем марксизма». В этой статье и он обнаруживает наконец ошибки Рубина. В чем же они заключаются?— В том же отрыве логического от исторического... Вот все, до чего «додумались» эти товарищи в результате дорого стоившей, крайне поучительной экономической дискуссии. Я думаю, что такая «критика» в настоящее время, когда задача заключается в том, чтобы до корня вскрыть социальную сущность рубинщины, свидетельствует только о том, что у самих этих товарищей логическое чрезвычайно оторвано от того исторического, которое мы переживаем. Так критиковать нельзя буржуазную политическую экономию.

Основной наш грех заключается в том, что мы очень часто отрываем социальный анализ от анализа методологического. Это в очень значительной степени делалось у нас под влиянием рубинщины. Нужно сказать, что именно на это обстоятельство обратил наше внимание т. Сталин, указав, что прошедшая экономическая дискуссия в очень значительной степени вертелась вокруг талмудистских абстракций и что отрыв теории от политики представляет собою «одну из вредных черт и догм II Интернационала»⁸.

Мы следовательно в известной степени можем уже говорить, не только о Блюмине, но и о Деборине и о Стэне как о немарксистских критиках буржуазной экономики именно потому, что марксистская критика есть критика большевистская, которая обязательно связывает методологический анализ с социальным, с политическим анализом.

Все работы Маркса, Энгельса, Ленина, направленные против буржуазной науки, являются классическими образцами такого единства методологического и социального анализа, единства теории классовой борьбы. Приведем здесь лишь один пример, имеющий непосредственное отношение к вопросу. Маркс, критикуя теорию заработной платы Джемса Милля, рассматривающую заработную плату как долю в продукте, раньше всего вскрывает апологетический характер этой теории. Последний заключается в том, что в теории Милля «скрывается специфический характер капиталистического отношения»⁹. Особенность этого отношения заключается в том, что потенциальный переменный капитал превращается в живую рабочую силу, а часть создаваемой рабочим стоимости, которая предназначена к тому, чтобы превратиться в заработную плату, прежде всего притекает в руки капиталиста в форме того же переменного капитала. Продукт рабочего противостоит самому рабочему в качестве капитала. Между тем при рассмотрении заработной платы как доли в продукте «создается иллюзия ассоциации (товарищества), участники которой—капиталист и рабочий—распределяют между собой продукт пропорционально различным образующим

⁸ Цитировано по „Правде“ № 25 за 1931 г.

⁹ „Капитал“, т. I, с. 414—415.

его факторам»¹⁰. Кстати сказать, наши «критики» социальной теории и не подумали об использовании этих блестящих замечаний Маркса против Милля, которые попадают не в бровь, а в глаз всем представителям социальной теории распределения. Наши «критики» в роде Блюмина не считают видимо возможным спуститься с «теоретических» вершин к основательному вскрытию социальной сущности разбираемых теорий. Но чего же стоит такая «критика», которая при всем изобилии методологических абстракций не дает исчерпывающего рассмотрения тех социальных выводов, к которым приводит критикуемая теория!»

Блюмин, считающий Рубина марксистом (?!), вскользь отмечает, что рубинская критика социальной теории «является недостаточной»¹¹. Читатель однако напрасно будет искать у Блюмина ответа на вопрос, в чем же заключается эта «недостаточность» рубинской критики. Не в том ли, что Рубин под видом критики социального направления осуществляет полную попытку протащить основные моменты этой теории в сферу марксистской науки? Не в этом ли заключается «недостаточность» той «критики» социального направления, которую дал Рубин?

Наиболее интересно, что Блюмин, написав книгу о социальном направлении в политэкономии, все еще сомневается в этой книге, существует ли вообще социальная теория как таковая. По Блюмину оказывается, что «мы все еще стоим перед проблемой самого существования социального направления»¹². Социальная теория распределения, составляющая сущность социального направления, является наиболее стойким теоретическим оружием буржуазии в ее борьбе против пролетариата, не даром эта теория фактически стала в настоящее время теоретическим знаменем социал-демократии. А Блюмин, написавший целую книгу, вдруг подумал: а может быть социального направления вовсе и не существует? Может быть это просто заблуждение теоретической мысли или «сон в летнюю ночь?» свидетельствует только о том, насколько Блюмин оторвался от классового анализа проблемы, насколько немарксистской, небольшевистской является блюминская критика.

Не может быть никакого сомнения в том что из всех буржуазных экономических теорий именно социальная школа является в настоящее время наиболее опасной. То обстоятельство, что эта школа пускает в ход немало демагогии и фраз насчет классовой борьбы, тот факт, что теория социального распределения стала официальной теорией очень значительной части II Интернационала, наконец тот факт, что в течение длительного периода времени рубинщина могла пользоваться известным влиянием даже в наших рядах, — все это является доказательством того, что социальная теория из буржуазных теорий представляет наибольшую опасность.

Я должен сказать, что в нашу марксистскую литературу немало элементов этой самой социальной теории внесено и с другого фланга, со стороны механицистов. Так например т. Бухарин в своей статье «Политическая экономия без ценности», статье, направленной против Туган-Барановского, фактически сдает последнему марксистские позиции в важнейшем вопросе — о роли экономической классовой борьбы. Туган-Барановский, этот откровенный апологет капитализма, является, как известно, одним из основоположников социальной теории распределения в современном ее виде. В своей книге: «Социальная теория распределения» Туган-Барановский прямо говорит о том, какую социальную задачу ставила перед собою его «социальная теория». Он прямо говорит о «необходимости научной теории заработной платы с точки зрения практических интересов социальной политики»¹³. А эти «практические интересы» заключаются в том, что-

¹⁰ „Капитал“ т. I, с. 414—415.

¹¹ Блюмин: Очерки современной теоретической экономии, с. 7.

¹² Там же.

¹³ Туган-Барановский, Социальная теория распределения 1913, с. 4.

бы показать, что высоты заработной платы исключительно «зависят от силы рабочих организаций и, что, следовательно, в результате борьбы профессиональных союзов и усиления влияния рабочих на буржуазное государство рабочий класс может непрерывно улучшать свое положение в рамках капитализма»¹⁴. Что же делает Бухарин? Бухарин фактически целиком принимает это положение. И для него, для Бухарина, экономическая классовая борьба, профессиональная борьба, есть важнейший элемент, обуславливающий уровень заработной платы. Теоретический грех Туган-Барановского заключается, по мнению т. Бухарина, только в том, что он не учитывает, что эта борьба в капиталистическом обществе облекается в «костюм экономических категорий»¹⁵.

Вот как представляет себе т. Бухарин движение заработной платы в капиталистическом обществе: «Всякое длительное увеличение потребностей рабочего класса и вытекающее отсюда повышение ценности рабочей силы осуществляются исключительно только путем пролетарской классовой борьбы... если возросшая заработная плата (результат успешной классовой борьбы) держится сравнительно долго, то данная рабочая сила превращается в качественную рабочую силу... параллельно с ним происходит и другой процесс: данная заработная плата как цена рабочей силы становится ценностью последней... возросшая ценность рабочей силы соответствует таким образом ее возросшей квалификации... Процесс абсолютного улучшения положения рабочего класса, стимулируемый классовой борьбой, сопровождается непрерывным развитием способности к труду»¹⁶. В этой нарисованной т. Бухариным картине важно отметить три момента: 1) решающая роль классовой борьбы как фактора, обуславливающего не только цену рабочей силы, но и стоимость рабочей силы, 2) стоимость рабочей силы растет с развитием капитализма, причем опосредствующим моментом в этом росте является длительное превышение цены рабочей силы над ее стоимостью, 3) вследствие роста стоимости рабочей силы непрерывно улучшается материальное положение рабочего класса.

Нужно сказать, что все эти положения ничего общего не имеют с марксизмом. Во-первых, классовая борьба, как профессиональная борьба организованного пролетариата никакого влияния на закон стоимости рабочей силы оказать не может хотя бы потому, что закон стоимости рабочей силы есть закон развития классовых отношений в капиталистическом обществе, что этот закон лежит в основе классовой борьбы, предопределяет классовое соотношение сил и т. д. Стоимость рабочей силы является выражением основного антагонистического отношения капиталистического общества, отношения эксплуатации, но нелепо отождествлять это антагонистическое отношение с экономической борьбой профсоюзов, так как только в результате капиталистической эксплуатации и происходит организация рабочего класса для экономической и политической борьбы против капитала. Маркс поэтому при анализе стоимости рабочей силы «оставляет в стороне решающиеся силою конфликты из-за уровня заработной платы», так как «уже Адам Смит показал, что в таких конфликтах хозяин всегда остается хозяином»¹⁷. Классовая борьба в теории Маркса выступает поэтому не как исходный пункт анализа, а «как заключение, где наконец находит свое завершение вся эта история»¹⁸. Бухарин же, в противовес Марксу и в полном согласии с Туган-Барановским, Солнцевым, Дилем, Бернштейном и прочими, видит в экономической борьбе рабочих и социальном соотношении сил отправной пункт исследования основных капиталистических отношений. Как тут не вспомнить ленинскую „ресеп-

¹⁴ Цит. соч. с. 94—96.

¹⁵ Бухарин, Политическая экономия без ценности, сб. „Атака“, с. 33.

¹⁶ Его же, Заметки экономиста, 1928 г.

¹⁷ „Капитал“, т. I, с. 491.

¹⁸ Письмо Маркса к Энгельсу от 30/IV 1868 г.

¹⁹ «XI Ленинский сборник» с. 401—402.

«to academics» о «социализме Бухарина, о многих неудачных формулировках Бухарина, которые попадают под линию философского идеализма или агностицизма, очень часто неосмотрительно и некритически заимствованную у других»¹⁹. Особенность Бухарина по сравнению с «социальниками» в разбираемом пункте заключается лишь в том что Бухарин применяет его же терминологию, преподносит нам ту же социальную теорию, но облегченную в «костюм» стоимости рабочей силы.

Мы вынуждены за недостатком времени отказаться от анализа чудодейственного превращения и «становления» цены рабочей силы в ее стоимость. Важнее другое: опосредствующим моментом роста стоимости рабочей силы т. Бухарин считает длительное повышение цены рабочей силы по сравнению со стоимостью. Однако в действительности ли заработная плата превышает стоимость рабочей силы в капиталистическом обществе? Соответствует ли это фактам? И в этом вопросе Бухарин, увы! коренным образом расходится с классиками марксизма. На самом деле из анализа капиталистического накопления, данного Марксом (рост резервной армии, рост интенсивности труда), из того обстоятельства что «предложение труда, которое может быть вынуждено капиталом, в известных границах независимо от предложения рабочих»²⁰ с несомненностью вытекает, а цена рабочей силы с развитием капитализма все более отклоняется не вверх, а вниз от стоимости рабочей силы». В заметках о книге Адольфа Вагнера Маркс со всюю решительностью подчеркивает это положение: «Кроме того я например при определении стоимости рабочей силы исхожу из того, что стоимость ее действительно вполне оплачивается, что фактически не имеет места»²¹. Разумеется, что с этим положением Маркса полностью солидаризируется и Ленин, который считает, что оплата рабочей силы по ее полной стоимости представляет собою «идеал капитализма, но отнюдь не его действительность»²². Эту же точку зрения полностью разделяет и Энгельс²³. Что же общего между этой марксистской точкой зрения и теорией т. Бухарина о росте цены рабочей силы по сравнению с ее стоимостью?

Таков результат очной ставки т. Бухарина с классиками марксизма. Таково бухаринское понимание «механизма движения» стоимости.

Но верно ли утверждение Бухарина, что стоимость рабочей силы с развитием капитализма повышается? Правильна ли его предпосылка, что экономическая борьба рабочих обязательно развивается успешно? Можно ли, наконец, как это делает Бухарин, говорить о «процессе абсолютного улучшения положения рабочего класса» с развитием капитализма? Все эти утверждения представляют собою не что иное как яркий букет оппортунизма. Маркс неоднократно утверждает, и на этом основана вся его теория развития капитализма, развития классовых противоречий, что стоимость рабочей силы понижается с ростом производительности труда. «Стоимость товаров обратно пропорциональна производительной силе труда. Это относится и к стоимости рабочей силы, так как она определяется товарами-стоимостями. Напротив относительная прибавочная стоимость прямо пропорциональна производительной силе труда»²⁴.

Производительная сила труда относится к сфере потребительной стоимости рабочей силы. В капиталистическом обществе производительная сила труда, монополизированная капиталом, рассматривается как собственность последнего. Поэтому связь между стоимостью рабочей силы и производительностью труда рабочего класса является, по утверждению Бухарина и представителей социаль-

¹⁹ „Капитал“ т. I, с. 506.

²¹ „Архив М. и Э“, т. V, с. 385, разрядка Маркса.

²² Ленин, т. II, с. 491.

²³ „Нищета философии“, изд. 2-е, 1930 с. 53, прим. Энгельса.

²⁴ „Капитал“, т. I, с. 238.

ной теории, не прямой связью, а обратной, не гармонической, а антагонистической связью. Именно на понижении стоимости рабочей силы и основан закон относительной прибавочной стоимости, закон реального движения капитализма.

Некоторые факторы, оказывающие повышательное влияние на стоимость рабочей силы, как-то: рост интенсивности труда, рост культурных потребностей рабочих, разница между стоимостью промышленной продукции и стоимостью сельскохозяйственных продуктов, потребляемых рабочими, — все эти факторы могут лишь замедлять падение стоимости рабочей силы, но не могут изменить направления ее движения, ибо «ведущим» в этом процессе является все же рост производительности труда, представляющий собою «историческую миссию» капитализма»²⁵.

Посмотрим теперь, какие же социальные выводы вытекают из этой бухаринской теории? Рост стоимости рабочей силы, если отвлечься от экстенсивного и интенсивного увеличения рабочего дня, означает улучшение не только материального, но и социального положения рабочего класса, потому что при неизменной величине всей создаваемой стоимости, если растет один ее элемент — стоимость рабочей силы, значит уменьшается прибавочная стоимость. Рост стоимости рабочей силы — при прочих равных условиях — означает не что иное как улучшение материального и социального положения рабочего класса. Именно отсюда Бухарин делает вывод о том, что материальное положение рабочих непрерывно улучшается. Вот вам целая система оппортунистических взглядов, которые вытекают из того, что Бухарин стал в основном вопросе — о том, что профсоюзы могут непрерывно улучшать материальное положение рабочего класса — на позицию Туган-Барановского.

Мы знаем, как Маркс, Энгельс и Ленин ставят вопрос относительно профсоюзной борьбы. Они рассматривают экономическую борьбу профсоюзов лишь как «сопротивление капиталистам». В своей работе «Заработная плата, цена и прибыль» Маркс подвергает критике Вестона, представителя теории фонда, который, исходя из мнимой предопределенности фонда заработной платы, отрицал целесообразность экономической борьбы профсоюзов. Но критикуя эту теорию, указывая на необходимость профсоюзной борьбы, Маркс вместе с тем всячески подчеркивает, что нельзя надеяться на то, будто профсоюзная борьба может коренным образом улучшить положение рабочего класса при капитализме. Маркс, Энгельс, Ленин видят решающее значение профсоюзной борьбы в том, что именно через эту профсоюзную борьбу рабочий класс воспитывается политически, что на опыте повседневной экономической борьбы массы обучаются борьбе за коммунизм, что экономическая борьба в профсоюзах есть необходимый этап в деле политической организации масс на свержение капитализма. Вот в чем значение профсоюзной борьбы.

Главная беда однако заключается в том, что т. Бухарин, скатившись в вопросе о роли экономической борьбы на позиции социального направления, позлек за собою значительную часть экономистов, работающих по вопросам заработной платы. В большинстве работ, посвященных этому вопросу (Мотылев, Шаган, Дашковский, Гуревич, Поздняков и др.) повторялась и получает даже дальнейшее «развитие» концепция Бухарина о росте стоимости рабочей силы с развитием капитализма под влиянием классовой борьбы. Вы реже найдете у нас учебник, где этот вопрос изложен по Марксу, чем учебник, где он изложен по Бухарину.

Тов. Бухарин, покопавшись по непотребным местам социальной школы, не только не смог ее критически преодолеть, но еще принес в нашу литературу немало «следов» этого социального направления.

Другим примером скатывания к идеализму в политической экономии является бухаринская теория цены как результата индивидуальных воль. Цена, по его

²⁵ Речь идет здесь разумеется, о капитализме в эпоху его развития, а не в период его издыхания.

мнению, есть не что иное как результат сочетания, столкновения большого количества индивидуальных волей²⁶. Это — точка зрения психологической школы. В этом отношении, можно сказать, полностью договорились Аммон, и Петри, Солнцев и Рубин, в известной мере и Штольцман. Такое же определение рыночной цены²⁷ можно встретить и у Бем-Баверка. Нужно сказать, что это определение Бухарина великолепно используется «социальниками». Например Солнцев в одной из своих работ прямо ссылается на это положение Бухарина и говорит: «Вот вам стопроцентный марксизм; мой «объективный метод» — это и есть марксистский метод»²⁸. Но ведь совершенно элементарная истина, что по Марксу цена не есть результат индивидуальных волей, а цена есть выражение стоимости. В конце концов, нужно решить этот вопрос. Что выражает цена — выражает ли она стоимость, или она выражает столкновение большого количества индивидуальных волей? По Марксу — и в этом заключается сущность теории товарного фетишизма Маркса — цена и стоимость как экономические категории, в свою очередь, определяют собой как раз волю, желание, настроение людей, а не наоборот²⁹.

Оставило ли это след в нашей литературе? Безусловно оставило. Я сошлюсь хотя бы на следующее: т. Кон свою теорию двуединого регулятора советского хозяйства основывает на том, что цена является результатом индивидуальных волей. Не решившись очевидно сказать, что регулятором всего нашего хозяйства является закон трудовой стоимости, т. Кон предпочел прибегнуть к следующей уловке: цена мол является результатом индивидуальных волей (мелкие хозяйства) плюс одна «большая» воля; затем, идет столкновение этих индивидуальных волей, в результате чего образуется цена, а эта цена, в свою очередь регулирует наше хозяйство.

Нечего доказывать, что теория, будто цена является регулятором советского хозяйства, — безусловно правооппортунистическая теория. Основой этой теории является привнесенная Бухариным из психологической и социальной школ теория цены как результаты индивидуальных волей.

Я могу закончить следующими выводами. Нужно с корнем выкорчевать из марксистской науки социальную заразу, которая в немалой степени привнесена к нам не только со стороны рубинщины, но и со стороны механицистов; необходимо нанести сокрушительный удар социальной школе. Этого до сих пор в нашей литературе еще в достаточной степени не было сделано.

Для этого нужно, во-первых, вести борьбу как против идеализма, так и против механицизма, и, во-вторых, нужно критиковать социальную школу по-большевистски. А критиковать по-большевистски — это значит не отрывать методологического анализа от классового анализа. Марксистский анализ есть единство методологического и социального анализа.

Тов. Блюмин.

Основным дефектом моих работ («Субъективная школа» и «Очерки современной буржуазной теоретической экономики») является то обстоятельство, что критический анализ буржуазных экономистов, данный мной, преимущественно идет по линии логической критики, по линии рассмотрения отдельных логических конструкций. В моих работах не выяснены в достаточной степени социально-экономические корни критикуемых теорий, не выпячена их классовая природа. В моих работах хотя и имеются частичные указания на апологетичность отдельных положений критикуемых авторов, но все же задача вскрытия специфичности апологетики отдельных школ не выступает как основная задача, которой должен быть подчинен весь критический анализ. Вернее в моих работах имеется обрат-

²⁶ Бухарин, Теория исторического материализма, с. 34—35.

²⁷ Бем-Баверк, Основы теории ценности хозяйственных благ, изд. 1903 г., с. 1—9.

²⁸ Солнцев, Предмет и метод, с. 12.

²⁹ См. по этому поводу „Капитал“, т. I, с. 39.

ная диспропорция, поскольку анализ социально-классовых корней выступает как подчиненный момент.

В частности этот примат логической критики отразился и на самом тоне моей критики. Последняя носит сугубо академический характер, является беззубой критикой, не насыщена тем боевым полемическим духом, который характерен для критических работ Маркса, Энгельса, Ленина.

Отодвигание мною на второй план анализа социально-классовых корней критикуемых теорий способствовало тому, что по отношению к некоторым авторам я допустил переоценку положительных сторон их учения, допустил некоторое прикрашивание. В своей критике я исходил из следующего принципа—я пытался встать на точку зрения критикуемого автора, выяснить его основную аргументацию, выделить в последней рациональное ядро и затем показать, как и почему возникает ошибочность критикуемых положений. Этот метод дает возможность развить более углубленную критику, но он таит в себе ряд опасностей. При таком методе критики может получиться слишком вольная интерпретация данного автора, искусственное замазывание противоречий, имеющих у последнего, переоценка значения отдельных его высказываний.

Так напр. при изложении теории Родбертуса мной допущен ряд серьезных ошибок. Несомненно, что у Родбертуса наряду со множеством ошибок имеются и правильные высказывания, хотя и в этой области он, как правильно указывает Энгельс, не проявил особой оригинальности. Нельзя отрицать того, что у Родбертуса имеются элементы трудовой теории стоимости и теории эксплуатации. Но при изложении отдельных положительных сторон учения Родбертуса (в гл. 1 («Очерков»)) мной допущен вредный перегиб, который заключается в слишком большом сближении учения Родбертуса и Маркса. Так, например совершенно ошибочно мое положение, что у Родбертуса имеется предвосхищение теории цен производства.

Далее при рассмотрении попытки Родбертуса свести разные формы прибавочной стоимости к общему источнику я не показал глубокого различия между теорией ренты Родбертуса и теорией прибавочной стоимости Маркса. Политическая опасность переоценки положительных моментов в системе Родбертуса заключается в том, что последний является в известной мере предшественником социального направления, что он противопоставляется «социальниками» Марксу в качестве наиболее глубокого основоположника научного социализма. Борьба буржуазии с революционным марксизмом очень многообразна. Одним из наиболее уточненных методов этой борьбы является выдвижение на передний план в качестве теоретика социализма Родбертуса, который несмотря на признание теории эксплуатации был весьма реакционным экономистом.

При рассмотрении теории Аммона мной также допущен вредный перегиб, который сводится к признанию того, что «в некоторых пунктах у Аммона есть стык с теорией товарного фетишизма»¹. Всякие попытки говорить о каком-либо стыке между теорией Аммона и теорией Маркса должны быть признаны не только глубоко ошибочными, но и вредными.

Точно так же вредный перегиб имеется у меня при характеристике Штольцмана. Желая выяснить специфичность его методологии, отличие последней от методологии преобладающего числа буржуазных экономистов, я чрезмерно выпятил отдельные правильные высказывания Штольцмана. Так например у меня имеются утверждения такого типа: «Необходимо отметить, что некоторые аргументы Штольцмана могут быть использованы в борьбе с чисто натуралистическим, с чисто физиологическим истолкованием теории Маркса...» «У Штольцмана мы встречаем (правда, в неясной форме) предвосхищение того воззрения, что нельзя логическую абстракцию смешивать с практически истинной абстракцией». Все эти утверждения должны быть признаны ошибочными, ибо ни о каком обогащении

¹ „Очерки“, с. 104.

марксистской теории положениями, заимствованными у Штольца, ни о каком даже малейшем использовании Штольца в целях углубления марксизма не может быть и речи.

При характеристике универсализма Шпанна мной также делается ошибочное сопоставление универсализма с диалектикой². Необходимо признать ошибочной самую идею установления некоторых общих моментов между диалектикой и универсализмом. Пропасть, лежащая между этими системами, столь велика, что ни о каком наличии общих моментов говорить не приходится.

При характеристике Веблена мной не было отмечено, что хотя Веблен является противником прежних шаблонных, неуклюжих, бросающихся в глаза своим цинизмом методов апологетики, но объективно его теория институционализма может быть использована в качестве наиболее утонченной и тем самым наиболее опасной апологетики капиталистического строя.

Вредный академизм моих работ проявляется не только в том, что мной не дается развернутый анализ социальных корней и классово-природы теорий буржуазных экономистов, но и в том, что недостаточное внимание уделяется наиболее актуальным вопросам. Так например при рассмотрении разных субъективных теорий я почти совершенно обошел русских субъективистов (за исключением Дмитриева), которые представляют самостоятельный интерес, поскольку они связаны с буржуазными экономистами советского периода.

Вредные результаты этого академизма особенно резко проявились в «Очерках». Дело в том, что на данном этапе социальное направление является одним из опаснейших противников марксизма. Благодаря некоторой формальной (подчеркиваю — чисто формальной, внешней, поверхностной), близости отдельных положений Маркса и социального направления должен быть сделан главный упор в сторону выяснения глубоких принципиальных различий между марксизмом и «социальниками» и в частности в сторону разоблачения близости идей «социальников» и рубинщины. Между тем в моих «Очерках» эта актуальнейшая задача оказалась невыполненной. Вопрос о различии между экономической системой «социальников» и Маркса освещен у меня столь бегло и поверхностно (с. 27—41), что он совершенно теряется в общей массе материала. Совершенно не рассматривается в «Очерках» вопрос о критике «социальниками» Маркса и не дается антикритики. В центре «Очерков» стоит совершенно другой вопрос о соотношении социального направления и субъективной школы. Вопрос о различии между марксизмом и «социальниками» выступает как подчиненный и попутный вопрос. Кроме того в «Очерках» совершенно не дается критики меньшевистской идеалистической концепции Рубина, очень тесно связанной с концепцией социального направления, и в частности не дается оценка его работы «Современные экономисты на Западе», которая в большей своей части посвящена этому направлению. В отдельных местах «Очерков» имеются ссылки на Рубина в качестве подтверждения моих положений.

Ошибки Рубина в характеристике и оценке социального направления в основном сводятся к следующему: а) социальное направление рассматривается как направление, стоящее вне неовульгарной экономики, над последней; б) возникновение социального направления оценивается как прогрессивный факт в рамках буржуазной теоретической экономики, в связи с чем признается некоторая научная значимость за их теорией (в частности признается их превосходство над классиками); в) при характеристике методологии на первый план выдвигается социальный метод как метод, определяющий построение экономической теории Маркса и «социальников», в связи с чем получается недопустимое обличение марксизма и социального направления; д) критика социального направления является совершенно недостаточной и академической в худшем смысле, слова, т. е. не вскрывает

² „Очерки“, с. 262.

классовой сущности критикуемых теорий; е) в частности совершенно не вскрыта метафизическая, недialeктическая природа теории «социальников». Все эти ошибки вытекают из меньшевистской, идеалистической концепции Рубина. К сожалению должен отметить, что эти ошибки были восприняты мной и развиты в моих «Очерках».

Все эти положения являются ошибочными. Взятые в целом, они дают систему ошибок в духе меньшевистствующего идеализма. Очевидно, что социальный метод не является каким-то высшим критерием, характеризующим ту или иную экономическую школу. Совершенно ошибочна попытка Рубина показать, что суть методологии Маркса составляет социологический метод, рассматриваемый обособленно от всей теоретической системы марксизма. Материалистическая диалектика включает в себя в качестве своих моментов социальный подход, т. е. признание примата общества над индивидуумом. Далее, материалистическая диалектика приводит к определенному материалистическому пониманию общественных явлений. Диалектика требует, чтобы явления изучались во всей своей конкретности, во всем своем историческом своеобразии.

Материалистическая диалектика приводит к признанию не просто фактов изменчивости экономических формаций и категорий, но к определенному представлению о законах изменения этих категорий, основанному на анализе единства противоположностей. Очевидно, что если во главу угла методологии Маркса выдвинуть метод материалистической диалектики, то станет ясным, какая пропасть существует между марксизмом и социальным направлением. Должен отметить, что эту центральную ошибку моих «Очерков» не вскрыл т. Пильмейстер в своем двухчасовом докладе. Несмотря на резкий тон его выступления критика т. Пильмейстера должна быть признана недостаточно сильной по существу.

Серьезная ошибка, допущенная мной в «Очерках», заключается в том, что я ограничился общей, абстрактной характеристикой «историзма» «социальников», не показав глубочайшего различия между метафизическим «историзмом» «социальников» и историзмом Маркса. У «социальников» нет представления о внутренней имманентной необходимости смены одной исторической формации другой. Они не понимают (вернее, всячески стараются затуманить) внутренние противоречия капитализма. Как буржуазным апологетам, им органически чужда идея необходимости крушения капитализма и всех связанных с последним категорий.

Ограниченные своей метафизической точкой зрения, подчиняя все целям апологетики, социальники не могут до конца сделать все выводы, связанные с признанием историчности экономических категорий. Отрицая объективную необходимость крушения капитализма, «социальники» фактически капитал, прибыль и другие категории превращают в вечные категории. Таким образом «историзм» «социальников» является поверхностным, непродуманным до конца, метафизическим, этот «историзм» не имеет ничего общего с революционной диалектикой Маркса.

Подобно тому как историзм Маркса глубоко отличен от «историзма» «социальников», точно так же представление Маркса о социальном глубоко отлично от представления «социальников». У последних отсутствует основная категория экономической системы Маркса — понятие производственных отношений.

В связи с этим у «социальников» отсутствует представление о материальности общественных отношений. Вместо производственных отношений «социальники» выдвигают в качестве исходной категории социально-правовые отношения, т. е. особый тип идеологических отношений. В связи с этим экономическая структура в изображении «социальников» выступает не как исторически определенная форма движения материального процесса производства и производительных сил, а как воплощение свободного человеческого духа, как выражение этических факторов³. Таким образом «социальники» дают совершенно ошибочное, искаженное представление о природе социальных явлений.

³ «Очерки», с. 29.

В результате я должен констатировать, что своим построением «Очерков» я мог дать основание для совершенно ошибочных представлений о действительном соотношении экономической теории Маркса и «социальников». Хотя я никогда не разделял и нигде не высказывал того положения, что «социальное» и «историческое» Маркса совпадает с «социальным» и «историческим» «социальников», хотя и в «Очерках» имеется частичная критика социального Дилля, Аммона, Штольцама⁴, но я не дал развернутого выражения глубочайшего различия между системой «социальников» и системой Маркса. Поэтому у читателя может получиться впечатление, что социальный метод Маркса совпадает с социальным методом Аммона, Дилля, Штольцама и т. д. Поскольку «Очерки» могут дать повод для таких совершенно ошибочных выводов, постольку «Очерки» должны быть признаны вредной книгой, могущей питать антимарксистские взгляды.

Одной из основных ошибок, допущенных мной как в 1-м изд. I т. «Субъективной школы», так и в «Очерках», является положение о возможности перенесения деления на статику и динамику в экономическую теорию Маркса, о наличии в системе марксизма элементов статики. Хотя я вкладывал в это деление совершенно другой смысл, нежели Кларк, Шумпетер и другие, тем не менее это деление в любом его понимании является неприемлемым для марксизма. Во 2-м издании «Субъективной школы» я признал ошибочными попытки установления элементов статической теории в системе Маркса, но тут же не дал удовлетворительной критики учения Кларка о статике. К сожалению эта попытка протащить элементы статики в теорию Маркса имеется в «Очерках» в главе, посвященной Веблену. В основе этого разграничения статики и динамики лежит ошибочное выдвигание на передний план проблемы регулятора капиталистического производства, проблемы равновесия и пропорциональности в последнем. В связи с этим проблема выяснения того, как функционирует капитализм, метафизически стрывается от проблемы выяснения, как развивается капитализм. В основе учения о статике лежит игнорирование того, что для Маркса основной задачей политической экономии в узком смысле является выяснение закона движения капитализма, что по Ленину политическая экономия есть наука о возникновении, развитии и гибели капиталистического способа производства.

Ошибочным должно быть признано также мое положение о формальной и материальной методологии (т. II, гл. I). В основе этого положения лежит недialeктический отрыв формы от содержания. В частности неверно мое положение о том, что с формальной стороны абстрактный метод Маркса совпадает с методом австрийцев.

Недостаточное проведение диалектического метода отразилось на моей постановке вопроса о взаимоотношениях отдельных буржуазных школ. В своих работах я пытался доказать единство разных буржуазных экономических теорий, но недостаточно оттенял противоположность этих школ. В связи с этим получилось, что в моих работах часто смазываются существенные различия между отдельными школами, что глубокие качественные различия между последними сводятся к количественным различиям. Несомненно, что у австрийцев мы имеем ряд отступлений от субъективистических принципов методологии. Точно так же «социальники» в своем анализе делают целый ряд уступок субъективистам. В своих работах я пытался проследить непоследовательность отдельных школ с точки зрения декларируемых ими принципов и на этом основании я пытался показать единство всей современной буржуазной теоретической экономии. В моих работах проявлен ошибочный перегиб в сторону недооценки специфичности качественных особенностей отдельных школ, в сторону слишком далекого сближения последних.

⁴ „Очерки“, с. 27—41, 130—132, 214—219.

Так например должна быть признана ошибочной моя тенденция умалить различия, существующие между австрийцами и англо-американцами; в частности ошибочно мое положение о том, что в системе австрийцев базисом является теория спроса, а надстройкой — теория полезности,

В связи с этим я должен признать, что само понятие субъективной школы, сконструированное мной, является неудачным. Я пытался проанализировать те моменты, которые сближают значительное большинство буржуазных экономистов, концентрирующихся вокруг австрийской, математической (или точнее Лозаннской) и англо-американской школ. Правда, известная общность, между этими школами имеется. Но субъективизм не является основным моментом, характерным для этой школы. Дело в том, что для субъективизма основным характерным моментом является примат субъективных оценок, а не защита теории спроса-предложения, не защита принципа редкости. У целого ряда писателей, относимых мной к субъективной школе, напр. у Касселя, субъективизм в собственном смысле этого слова выражен весьма слабо. Не предвешая вопроса о том, каковы будут результаты анализа общих идей, лежащих в основе данного направления, я должен заметить, что этот вопрос во всяком случае нуждается в пересмотре.

Точно так же ошибочной является тенденция смазать те принципиальные расхождения, которые имеются между субъективистами (в частности австрийцами) и «социальниками». Как ни противоречива теория «социальников», она все же дает специфическую трактовку экономических явлений, специфические методы апологетики, специфические критические аргументы против Маркса. Она представляет несомненно новое явление в буржуазной литературе, а не корректив и дополнение к субъективной школе. Политическая опасность замазывания существенных различий между субъективистами и «социальниками» заключается в том, что при таком подходе происходит недооценка серьезности и опасности нового врага марксизма — социального направления. Для того чтобы лучше вооружить на борьбу с последним, необходимо выявить экономическую теорию «социальников» во всем ее своеобразии, во всех ее противоречиях, без всякого нарочитого упрощения и обхода каких-либо ее особенностей.

Недостаточный¹ учет дифференциации в буржуазной теоретической экономике привел к тому, что вопрос о кризисе, переживаемом последней, оказался затухеванным в моих работах. Нет сомнения в том, что между различными, часто враждебными друг другу буржуазными школами существует известная общность в исходных предпосылках. Мы имеем в буржуазной литературе не просто противоположности, но — единство противоположностей. Однако из наличия этого единства, весьма относительного, весьма условного нельзя делать вывода об отсутствии кризиса в буржуазной политической экономике.

Возникновение социального направления, которое преимущественно выполнило критическую работу и оказалось бессильным дать оригинальную, развернутую положительную разработку основных теоретических проблем, является наиболее ярким симптомом этого кризиса.

В своей работе «Субъективная школа» я пытался истолковать экономический субъективизм как идеологию буржуазии в эпоху монополистического капитализма. Но я нигде и никогда не утверждал, что субъективная школа дает адекватное объяснение ценообразования в условиях монополистического капитализма. Это объяснение должно быть признано ошибочным. Прежде всего это объяснение не согласуется с целым рядом исторических фактов. Известно, что книги Менгера, Вальраса и Джевонса, положившие начало новой эпохе в буржуазной политической экономике, вышли в начале 70-х годов прошлого столетия, т. е. тогда, когда капиталистические монополии представляли собой исключение. Далее нужно учесть, что австрийцы и математики (в особенности более ранние) главное внимание уделяют анализу свободной

конкуренции. Только у позднейших экономистов, например у Парето, Эджвортса, Кларка, мы наблюдаем усиление интереса к случаям искусственной монополии. Основной ход моего исследования был следующий: а) примат полезности связан с признанием примата спроса; б) примат спроса связан с признанием принципа редкости; в) принцип редкости связан с возникновением в целом ряде отраслей искусственных монополий. Решающим в этой аргументации является третье положение, которое должно быть признано ошибочным. Из роста капиталистических монополий нельзя непосредственно выводить роста редкости товара. Эта связь, которую я устанавливал в «Субъективной школе», основывалась на двояком истолковании теории монопольных цен. Приравняв случаи искусственной и естественной монополии, взяв за основу чисто формальное сходство общих типов монопольной цены, которые качественно глубоко отличны друг от друга, я вывел логическую связь между ростом капиталистических монополий и распространением принципа редкости.

Из этого ошибочного приравнивания разных видов монополий вытекает ошибочность попытки объяснения монопольных цен, которую я сделал в своей статье о Курно⁵. Положив в основу анализа монопольных цен случаи естественной монополии, я пришел к совершенно ошибочному мнению, что картельные цены должны быть в основном объясняемы на основании спроса и предложения, причем фактически решающую роль играет у меня спрос. Если для случаев естественной монополии (точнее для случаев редких, невозпроизводимых товаров), которые, кстати сказать, являются весьма редкими, выдвижение на передний план спроса может быть частично оправдано (вспомним известное замечание Маркса в т. III «Капитала», что избыток цены редкого вина над его стоимостью определяется вкусами и богатством знатных потребителей вина), то распространение этого объяснения на случаи картельных, трестовских цен, и т. д., т. е. на случаи, наиболее характерные и типические для монополистического капитализма, является глубоко ошибочным. Эта теория приводит к глубоко ошибочному выводу о том, что закон стоимости начинает отмирать уж в рамках капитализма в силу роста монополии. Эта теория ошибочно представляет спрос и предложение как моменты, чуждые стоимости и внешние по отношению к ней.

Такое объяснение цен, обусловленных капиталистическими монополиями, представляет значительную уступку субъективизму и является формой протаскивания последнего в марксистскую теорию. В своей очень сжатой характеристике новейшего капитализма в т. I, гл. I «Субъективной школы» я допустил несколько очень неудачных формулировок. Хотя я никогда не был сторонником теории организованного капитализма, но в некоторых местах я допустил очень небрежную редакцию своих положений, которые могут быть истолкованы в пользу организованного капитализма. Так например нельзя утверждать, что размер общественного предложения устанавливается не стихийно, а в значительной мере определяется сознательной волей королей промышленности⁶. Как видно из контекста, я имел в виду регулирование размера общественного предложения отдельных товаров, производимых монополизированными отраслями, а не регулирование всего совокупного общественного производства (хотя бы в национальном масштабе). Пользуясь своим монопольным положением, картели, тресты и другие организации устанавливают определенные контингенты производства в отдельных отраслях. В целях внесения максимальной ясности необходимо было данное положение дополнить другим положением о том, что «монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом». (Ленин) Далее ошибочно мое положение о том, что в эпоху монопо-

⁵ «Вестник Комкадемии», № 20.

листического капитализма происходит деформация товарного хозяйства. Правильнее говорить о некоторой эволюции законов ценообразования, об ограничении сферы действия законов цен производства и о расширении сферы действия монопольных цен.

В результате этого обзора моих работ я должен констатировать, что данная в них критика буржуазной политической экономии не выдержана в духе революционного марксизма-ленинизма, в духе последовательного диалектического материализма. Отсутствует политическая заостренность критики. Имеется тенденция к нивелированию отдельных буржуазных школ, недостаточно вскрыта специфичность апологетики отдельных школ. Имеются попытки отыскать рациональное ядро в насквозь реакционных системах буржуазных экономистов, в связи с чем получается признание некоторой хотя и незначительной научной значимости этих систем, т. е. получается известная апологетика последних. отрицание положения Маркса о невозможности научного развития буржуазной экономии. Все эти ошибки могут быть охарактеризованы как проявление меньшевистствующего механицизма и идеализма. Разделяя целиком и полностью генеральную линию партии субъективно желая дать последовательную марксистскую критику современной буржуазной политической экономии, я объективно способствовал не вооружению, а скорее разоружению читателей в их борьбе с противниками марксизма. Частичным оправданием может служить то обстоятельство, что мне приходилось работать почти на девственной почве (если не считать работ об австрийской школе). Об англо-американской и математической школе никто из марксистов до меня не писал. Точно так же не было попыток в марксистской литературе дать развернутую характеристику всей современной буржуазной теоретической экономии вообще и социального направления в частности.

Развернутая критика буржуазной политической экономии может быть выполнена лишь большим коллективом революционных марксистов-ленинцев.

Заключительное слово т. Пильмейстера

Блюмин, вынося смертный вердикт своим произведениям, пытался в некоторых пунктах выступать главным образом против моей недооценки «особенностей» «социальников».

И тут мы опять возвращаемся к пресловутому «историзму», и опять к тому, что у Маркса и «социальников» обязательно надо находить что-либо «общее». В отрицании «историзма» «социальников», в отрицании общего между марксизмом и неовульгарной экономией Блюмин видит мое «грехопадение». Плененный неокантианской философией Блюмин думает, что все категории делятся на формальные и материальные (Блюмин об этом пишет в своей «субъективной школе»), что «формально» есть общее между Марксом и «социальниками», между Марксом и субъективистами, а «материально», видите ли, расходятся.

Блюмин недоволен моей «недооценкой» заслуг Штольцмана, «выделяющих» его из среды вульгарной экономии. Всеми силами Блюмин старается обелить неовульгарную экономию и выдать ее за непоследовательно марксистствующую буржуазную экономию. Он настаивает на том, что Штольцман действительно объясняет качественную сторону экономических явлений. Но что означает качественный анализ экономических явлений? Это значит раскрыть специфическую общественную форму буржуазного способа производства. Штольцман не дал и не мог дать такого анализа. Он под «социальным качеством» понимает только «цели», в том их значении, которое они имеют для укрепления господства капитала.

По вопросу о своей «защите» Маркса против вульгарной экономии и др. Блюмин не нашел лучшего выхода из своего позорного положения, как умолчать.

Заключительное слово т. Пашкова

Блюмин в своем выступлении дал ответ не на все вопросы, поставленные мною в докладе. В частности, им обойден вопрос о том, как он, Блюмин, понимает главное отличие марксовой теории от теории австрийцев, вопрос об абстрактном, о методе формальном и материальном. Это говорит о том, что за короткий срок — со времени выхода второго издания «Субъективной школы» и до имевшего место здесь сегодня отречения от своих собственных работ — Блюмин еще не сумел полностью осознать ошибочность всех своих рассмотренных в моем докладе установок. В моем докладе за краткостью времени я не мог конечно коснуться всех ошибок Блюмина.

Неосновательны попытки Блюмина представить себя здесь в роли борца за чистоту марксизма против Рубина. В докладе я приводил цитаты из работ Блюмина, показывающие, как он сначала в вопросе об абстрактном труде держался того же мнения, что и Рубин, а позже шархнулся в другую крайность — в энергетическую версию. Вообще же, являясь ярко выраженным механистом, Блюмин в то же время совмещает в своей концепции целый ряд явно идеалистических воззрений, что особенно ярко сказалось в его новой работе — о социальном направлении. Концепцию Блюмина можно определить, как смесь механицизма с идеализмом. С таких позиций действительно бороться с рубинщиной нельзя.

Блюмин здесь больше, чем надо, говорил о неудачных формулировках в своих работах. Дело не в неудачных формулировках, а в существе взглядов Блюмина. Блюмин заявил, что считает ошибкой то, что он своевременно не отмежевался в печати от своей неправильной статьи о Курно в «Вестнике Комкадемии». Дело не в отмежевании, а в том, что основные, антимарксистские, идеи ее, вошли в книги Блюмина и в первое и во второе издания, хотя и в более осторожных формулировках.

Неправильно утверждение Блюмина в его нынешнем выступлении, о том, что проблема корней современной буржуазной экономики все еще остается открытой. В основном социально-экономическая характеристика современной буржуазной экономики дана Марксом его характеристикой вульгарной политической экономики. Это главное, из чего нам нужно исходить, когда речь идет о корнях той или иной современной буржуазной экономической школы, — развитие классовой борьбы, апологетическое назначение современной буржуазной экономики, способность ее охватить лишь видимость экономических явлений.

Исходя из этого основного положения, нужно объяснить и особенности той или иной школы, различие школ. Здесь приходится учитывать всю совокупность обстоятельств, при которых возникает и развивается та или иная буржуазная школа. Блюмин же действует совсем иначе: он ищет в современных буржуазных школах прежде всего рациональное ядро, приписывает научное значение теориям этих школ и отмечает между прочим апологетическое значение отдельных положений в теориях этих школ. Классовая борьба при этом у Блюмина теряется между строк, классовая борьбой он не прочь объяснить особенности той или иной школы, но не сущность ее. Сущность современной буржуазной экономики Блюмин видит в объективном, научном отображении современной экономики.

В заключение нужно сказать, что книги Блюмина вредные, антимарксистские книги. Они не способствуют, ориентации читателя, о которой говорил здесь Блюмин, наоборот они дезориентируют читателя. Работа по разоблачению антимарксизма, вульгарщины в книгах Блюмина не может прекратиться нынешним признанием Блюминым своих ошибок. Эта работа должна продолжаться.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Борилин Б., Бутаев К., Бурдянский И., Грановский Е., Козлов Г., Кривицкий М., Милютин В. (ответств. редактор), Островитянов К., Рубинштейн М., Розенберг Д., Тирзбанурт Т.

С Т А Т Ь И

К. Бугаев. К десятилетию нэпа	3
К. Островитянов. План и стихия на разных этапах нэпа	21
В. Тихомиров. Нэп и ленинский кооперативный план	47
Ю. Гольдштейн. Монополия внешней торговли и нэп	68
Конст. Милонов. К вопросам теории реконструктивного периода	89
А. Золотарев. Хозрасчет в промышленности	119

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

Сеид-Гусейнов. Герцбах. Международные монополии	133
Л. Зиман. Против попытки соединить марксизм с буржуазным географизмом	142

Н А У Ч Н А Я Ж И З Н Ь

Г. Ломов. Электрификация СССР и развертывание строительства социализма	148
Критика немарксистских работ о буржуазной теоретической экономии (доклады гг. Пашкова и Пильмейстера и выступления Першмана и Блюмина)	156

К СВЕДЕНИЮ ПОЛУГОДОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ

1 июля истекает срок вашей подписки. Во избежание перерыва в высылке журнала вам надлежит заблаговременно возобновить подписку. Ввиду ограниченности тиража аккуратное получение журнала во II полугодии гарантируется только тем подписчикам, которые своевременно возобновят подписку и внесут подписную плату до конца года

ПЕРИОДСЕКТОР КНИГОЦЕНТРА.

ОГИЗ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВЫЙ ЖУРНАЛ

РЕВОЛЮЦИЯ И ЯЗЫК

Орган Научно-исследовательского института языкознания

В 1931 г. выйдут 4 книжки.

Революция и язык будет вести непримиримую борьбу за ленинский этап в лингвистике, против идеалистических и меньшевистских направлений в науке о языке, против механицизма и эклектизма, против великодержавничества и национального шовинизма, а также со всеми проявлениями правого и „левого“ оппортунизма на лингвистическом фронте.

Революция и язык занимается разработкою методических и практических вопросов лингвистики.

Революция и язык будет популяризировать проблемы лингвистики среди широких масс рабочих, культурработников и учащихся.

Революция и язык ставит задачей концентрацию вокруг себя молодых кадров марксистов, лучшей части старых ученых.

Журнал рассчитан на лингвистов, словесников, студентов, культурников, партийный и комсомольский актив.

Подписная цена на год (4 ном.)—7 руб., на 6 мес. (2 ном.)—3 руб. 50 коп.

Первый номер выйдет в начале июня.

ПОДПИСКУ СДАВАЙТЕ ТОЛЬКО НА МЕСТЕ: в магазины и отделения Книгоцентра, их уполномоченным, на почту или письмомосцам.